

02.6(05)

И 33 131

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

№ 31.

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ
ТИПОГРАФИИ ТАВРИЧ. ГУБЕРН. ПРАВЛЕНІИ.

1901.

9(062)(47.79)
И-33

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

№ 31.

Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ

ТИПОГРАФИЯ ТАВРИЧ. ГУБЕРН. ПРАВЛЕНІЯ.

1901.

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ
ТАВРИЧЕСКОЙ
СИМФЕРОПОЛЬ

№ 1541.

Печатано по постановленію Таврической Ученой Архивной
Коммисіи. Правитель дѣлъ А. Маркевичъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Краткій очеркъ дѣятельности генералиссимуса А. В. Суворова въ Крыму (къ 6-му мая 1900 года). <i>Арсенія Маркевича</i>	1
II. Кинбурнъ (къ 6-му мая 1900 года). <i>А. В. Иванова</i>	27
III. Нѣсколько словъ о дѣятельности въ Тавридѣ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. <i>Арсенія Маркевича</i>	30
IV. Объ употребленіи и украшеніи человѣческихъ череповъ въ эпоху доисторическую, въ связи съ новымъ временемъ (по сочиненію И. В. Желизко). <i>А. О. Кашпара.</i>	58
V. Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммисіи за 1899 годъ	69
VI. Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммисіи:	
а) 12-го февраля 1900 года (съ сообщеніемъ А. О. Кашпара о ритуальномъ раскрашиваніи костей покойниковъ)	75
б) 5-го мая 1900 года.	81
в) 8-го іюня 1900 года (съ сообщеніемъ А. О. Кашпара о т. наз. „гиряхъ“, грузилахъ или привѣскахъ рыбачьихъ сѣтей)	82
г) 4-го ноября 1900 года.	88
д) 25-го ноября 1900 года (съ сообщеніемъ Арс. И. Маркевича о Салгирѣ, воспѣтомъ Пушкинымъ въ его произведеніяхъ)	94
е) 15-го декабря 1900 года	98
ж) 18-го января 1901 года	99

1541.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛИСИМУСА А. В. СУВОРОВА

ВЪ КРЫМУ. *)

(къ 6-му мая 1900 года).

Имя великаго русскаго человѣка, память котораго чувствуется въ настоящее время на всемъ пространствѣ нашего отечества, тѣсно связано съ исторіей здѣшняго края, въ которомъ ему пришлось положить много трудовъ, и потому намъ, чтущимъ его доблестные труды, лучше всего будетъ, мнѣ кажется, почтить его память, по случаю исполняющагося 100-лѣтія со дня его кончины, краткимъ воспоминаніемъ о его дѣятельности въ этомъ краѣ.

Дѣятельность А. В. Суворова въ Крыму началась въ то время, когда независимое крымское ханство доживало уже послѣдніе дни, когда Россія, по Кучукъ-Кайнарджійскому міру, получила возможность сильнаго вліянія на крымскія дѣла, даже вмѣшательства въ нихъ, и когда завѣтная мысль Петра Великаго о присоединеніи Крыма къ Россіи близка была къ осуществленію, благодаря генію Императрицы Екатерины Великой и мудрости и настойчивости ея славныхъ сподвижниковъ—кн. А. Г. Потемкина и графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.

Въ началѣ 1775 года мурзы низложили хана Сагибъ-гирея и избрали Девлетъ-гирея. Началась смута, борьба партій.

1) Главнѣйшими пособіями при составленіи настоящей статьи были: 1) Дубровинъ. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, реляціи и донесенія. Т. I—IV; 2) Архивъ Военно-Походной Канцеляріи графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1875 г., кн. 4; 3) Петрушевскій. Генералисимусъ князь Суворовъ, т. I—III.

Гр. Румянцевъ, бывший малороссійскимъ генераль-губернаторомъ и главнокомандующимъ русскими войсками въ Южной Россіи, какъ только занялъ войсками новоуступленные по трактату города, тотчасъ вызвалъ изъ Абхазіи на Кубань брата свергнутого Сагиба Шагинъ-гирея, какъ представителя русской партіи, послушнаго и покорнаго Россіи. Ногайскія орды признали его крымскимъ ханомъ и готовились перевезти его въ Крымъ. Между тѣмъ Порты волновала Крымъ противъ Россіи и не выводила изъ него своихъ войскъ. Татары перерѣзали даже нашихъ казаковъ, везшихъ почту. Девлетъ-гирей не рѣшался ни на что, мурзы стали терять къ нему довѣріе, и многіе изъ нихъ перешли на сторону Шагинъ-гирея. Чтобы предупредить враждебныя дѣйствія турокъ, были двинуты въ ноябрѣ 1776 года въ Крымъ наши войска: одинъ корпусъ въ 20000 чел., подъ начальствомъ кн. Прозоровскаго, смѣнившаго въ январѣ 1775 года кн. Вас. Мих. Долгорукаго-Крымскаго, и другой, подъ начальствомъ графа Дебальмена, въ 5000 чел. Войска заняли Перекопъ, вошли въ сношенія съ крымскою знатью и обнаружили полное пренебреженіе къ хану.

Въ это-то время, въ концѣ ноябрия 1776 года, Суворовъ получилъ приказаніе кн. Потемкина ѣхать въ Крымъ. 19 декабря онъ писалъ уже Потемкину изъ Крыма, гдѣ поступилъ подъ начальство главнокомандующаго въ Крыму и на Кубани кн. Прозоровскаго. Суворовъ былъ уже въ чинѣ генераль-поручика, пріобрѣтши громкую извѣстность своими подвигами въ войнахъ съ Польшей и Турціей. Главная квартира Прозоровскаго была въ Перекопѣ, Суворовъ же начальствовалъ ретраншаментомъ у Акмечети (нын. Симферополя). Этотъ ретраншаментъ, слѣды котораго до сихъ поръ еще замѣтны, находился на берегу Салгира, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ г-жи Рудзевичъ, архіерейскій садъ и духовная консисторія.

Первое данное Прозоровскимъ Суворову порученіе состояло въ защитѣ имѣнній нѣсколькихъ мурзъ изъ окрестностей Карасубазара, бѣжавшихъ отъ ханскаго гнѣва подъ наше покровительство въ Ениколь, именно: Касай-мурзы и Османъ-мурзы Мансурскихъ и Темиръ-Газа-мурзы Шпринскаго. При этомъ Прозоровскій обращалъ вниманіе Суворова на то, что, по Высочайшей волѣ, безъ крайней нужды слѣдуетъ отъ кровопролитія воздерживаться и притомъ, разогнавъ скопища непріятелей, отнюдь не преслѣдовать ихъ и возвратиться. Однако имѣніе Темиръ-Газы-мурзы было разграблено татарами въ ночь съ 16-го на 17-е января 1777 года; затѣмъ

татары напали на нашъ казачій разъѣздъ, одного казака убили и другого ранили, и обнаружилось значительное сборище ихъ подъ Карасубазаромъ. Получивъ извѣстiе, что ханъ Девлетъ-гирей намѣренъ „пробовать наши войска“, Прозоровскiй предложилъ Суворову быть на готовѣ и, въ случаѣ военныхъ дѣйствiй, поручать ему командованiе надъ всѣми войсками, такъ-какъ самъ былъ боленъ. „Объ искусствѣ-же и храбрости вашей, писалъ онъ Суворову, всякому уже извѣстно, въ чемъ и я удостовѣренъ“.

Шагинъ-гирей въ концѣ февраля 1777 года выразилъ намѣренiе прибыть въ Еникаль, куда и прибылъ 10 марта, и въ тоже время Суворову было предложено подвинуться съ своимъ detachementомъ на р. Ендоль для охраны и сопровожденiя новаго хана. Здѣсь Суворовъ обезпечивалъ непосредственное сообщенiе Дебальмена, начальствовавшего войсками въ Еникаль и Арабатъ, съ Прозоровскимъ, подошедшимъ уже къ р. Салгиру. Татары пытались было производить непрiязненные скопища подъ Карасубазаромъ, но разбѣгались при приближенiи войскъ Суворова. Затѣмъ Суворову велѣно было идти къ р. Булзыку вблизи Арабата для принятiя хана. Между тѣмъ и послѣднiе приверженцы Девлетъ-гирея оставили его, и всѣ знатные мурзы уѣхали изъ Бахчисарая въ Карасубазаръ. Сторонникъ русской партiи Ширинъ-бей-кади съ сожалѣнiемъ писалъ Суворову, что Шагинъ-гирей медлитъ и что дѣло его должно разрѣшиться скоро и благопрiятно.

Для предупрежденiя высадки турокъ было приказано нашей флотилiи крейсировать вокругъ всего полуострова.

14-го марта Суворовъ прибылъ со своимъ отрядомъ къ р. Булзыку, произвелъ разъѣздъ къ г. Кафѣ и, узнавъ, что тамъ хочетъ утвердиться Девлетъ-гирей и поймать Шагинъ-гирей, рѣшилъ занять предмѣстье этого города нашими войсками, „яко бы для печенiя хлѣбовъ“. Наконецъ, 22-го марта прибылъ на Булзыкъ Шагинъ-гирей и принять „съ должною по законамъ честiю“, какъ рапортовалъ Прозоровскiй гр. Румянцеву, и почетнымъ карауломъ изъ одной роты со знаменемъ. Но такъ какъ князь Прозоровскiй былъ еще нездоровъ и не могъ сѣсть на коня, то поручилъ вмѣсто себя быть при фронтѣ и командовать Суворову. Затѣмъ ханъ посѣтилъ Прозоровскаго, послѣ чего былъ сопровожденъ всѣмъ генералитетомъ къ приготовленной для него ставкѣ, гдѣ принялъ поздравленiе съ прибытiемъ въ этотъ край. Здѣсь Шагинъ-гирей ожидалъ и крымскихъ депутатовъ.

Убѣдившись, что Порта ничего не предприметъ въ пользу Девлетъ-гирея, крымскіе татары письменно отказались отъ подданства ему, открыли ему свободный выѣздъ изъ Крима черезъ Балаклаву и отправили четырехъ депутатовъ изъ знатнѣйшихъ мурзъ къ Шагинъ-гирею. 30-го марта они представились ему и просили отъ имени всего народа принять все татарскія племена подъ свое владычество и прибыть въ Карасубазаръ для принятія присяги. Чтобы возвысить въ глазахъ народа значеніе этого событія, Прозоровскій приказалъ сдѣлать въ лагерѣ 101 пушечный выстрѣлъ и, все еще не въ силахъ будучи выйти по слабости здоровья, поручилъ Суворову съ генералитетомъ и штабъ-офицерами принести поздравленіе новому хану въ его ставкѣ.

Отношенія между Прозоровскимъ и Суворовымъ были, вѣроятно, въ это время нѣсколько натянуты, потому что въ рапортѣ Румянцеву, донося о ревностной и тяжелой службѣ своихъ подчиненныхъ въ Крыму, Прозоровскій только мимоходомъ упоминаетъ о Суворовѣ на ряду съ полковникомъ Любимовымъ и съ особенной силой выставляетъ дѣятельность ген.-маіора Дебальмена, заявляя, что этотъ искусный генераль способенѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ и что за его исправность онъ самъ беретъ отвѣчать.

Въ то же время Прозоровскій составилъ росписаніе и распределеніе нашихъ войскъ въ Крыму и, по предложенію Румянцева, принялъ мѣры противъ возможной высадки турокъ въ Крыму или на Кубани. Суворову поручалась позиція на р. Салгирѣ, близъ Акмечети. „Предметомъ стражи вашей, говорится въ ордерѣ Прозоровскаго отъ 28 марта, будутъ горы, простирающіяся отъ Акмечети до Бахчисарая, и страна обитателей (верхней части) р. Салгира“. Суворовъ долженъ былъ занять небольшими постами ущелья при деревняхъ Енисала и Бешуй, „по средней дорогѣ, ведущей между горами отъ Кефы прямо до Бахчисарая“, „примѣчать за обращеніями горскихъ жителей“ и учредить сторожевой постъ на морскомъ берегу въ Алуштѣ.

Высадка турокъ представлялась однако маловѣроятной, Суворовъ скучалъ отъ бездѣлья, тяготился своимъ положеніемъ, просилъ у Потемкина отдѣльнаго корпуса, страдалъ лихорадкой и въ іюнѣ, съ разрѣшенія Прозоровскаго, но безъ вѣдома Румянцева, уѣхалъ въ Полтаву, гдѣ жила его жена съ маленькой дочерью.

Въ Полтавѣ онъ прожилъ до зимы и часто писалъ По-

темкину, говоря, что „томится безъ исправленія должности въ исходящей лихорадкѣ“.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Крымѣ обострилось. Шагинъ-гирей былъ такъ же неспособенъ возродить Крымъ къ новой жизни, какъ и его предшественники; къ тому-же онъ отличался надменностью, поступалъ круто и неблагоразумно, раздражалъ татаръ, а Турція подстрекала ихъ къ мятежу противъ хана, и въ началѣ октября вспыхнулъ открытый мятежъ противъ него на всемъ полуостровѣ.

Прозоровскій упустилъ первые моменты возстанія и не принялъ рѣшительныхъ мѣръ. 17-го октября значительныя толпы татаръ собрались на правомъ берегу Салгира, перешли на лѣвый, окружили главныя наши силы въблизи Акмечети (недалеко отъ д. Сарабузы), преградивъ сообщеніе Прозоровскаго съ Перекопомъ и Карасубазаромъ, и съ яростью бросились на наши войска, м. пр. на отборную кавалерію. Прозоровскій не ожидалъ этого. Произошло кровопролитное сраженіе, стоившее жизни 2000 татаръ и 450 русскихъ. Въ концѣ концовъ татары были отбиты и обращены въ бѣгство, но и намъ причинили большой уронъ, особенно захвативъ нѣсколько провинтскихъ магазиновъ и нарушивъ сообщеніе Прозоровскаго съ другими отрядами.

Румянцевъ сдѣлалъ строгій выговоръ Прозоровскому за нераспорядительность и спрашивалъ, гдѣ Суворовъ, о которомъ ничего не говорилось въ реляціяхъ его начальника. Узнавъ, что онъ въ отпуску, Румянцевъ снова сдѣлалъ замѣчаніе Прозоровскому за увольненіе его безъ особливаго его, Румянцева, дозволенія, а Суворову приказалъ немедленно явиться къ командѣ. Но Суворовъ отговорился болѣзнию, явно не желая ѣхать въ Крымъ подъ начальство Прозоровскаго, и тогда былъ назначенъ (29-го ноября 1777 года) для командованія Кубанскимъ корпусомъ. Хотя Кубанскій край и расположенный тамъ корпусъ находились въ вѣдѣніи того-же Прозоровскаго, и Суворовъ долженъ былъ тамъ поступать согласно съ крымскими обстоятельствами, но онъ постарался стать тамъ сразу въ независимое положеніе. Екатерина очень довольна была назначеніемъ его на Кубань, а Румянцевъ радовался его энергичной и разумной дѣятельности. „Ваши распоряженія, писалъ онъ Суворову, доказываютъ весьма прозорливость вашу и бдѣніе вождя, не только стерегущаго свою безопасность, но и пекущагося о пользѣ дѣлъ Ея Императорскаго Величества“.

Въ то же время Румянцевъ былъ крайне недоволенъ дѣйствіями Прозоровскаго и относилъ его къ числу тѣхъ людей, которые любятъ чужими руками жаръ загребать. А между тѣмъ дѣла въ Крымѣ осложнились появленіемъ новаго претендента на ханство—Селимъ-гирей, того самаго, который отъказался отъ престола во время кп. Долгорукаго-Крымскаго. Найдя неудобнымъ, что веденіе политическихъ дѣлъ отдѣлено въ Крымѣ отъ командованія войсками и поручено ген.-маіору Бринку, Екатерина, рескриптомъ Румянцеву отъ 18-го февраля 1778 года, „нашла болѣе сходственнымъ, предостерегая всякое неудобство, могущее произойти отъ непосредственнаго мимо начальника войскъ управленія, ввѣрить и въ томъ полную дирекцію Суворову“.

Между тѣмъ къ концу февраля мятежъ въ Крымѣ прекратился, мятежные татары были обезоружены, и водворилась тишина. Селимъ-гирей уѣхалъ въ Турцію. Русскія войска должны были оставить полуостровъ, но не вдругъ, чтобы турки снова не вошли въ Крымъ, въ виду чего нужно было держать въ нашихъ рукахъ и главныя пристани (напр. Ахтіярскую, Алуштинскую, Судакскую и Кефинскую) и горныя проходы, занять Керченскій проливъ и продолжать крейсированіе вдоль полуострова для наблюденія надъ турецкимъ флотомъ, тѣмъ болѣе, что семь турецкихъ судовъ вошли въ Ахтіярскую бухту.

Въ это время выплылъ на свѣтъ и первостепеннаго значенія вопросъ о переселеніи крымскихъ христіанъ—грековъ, армянъ и другихъ въ предѣлы Россіи. Положеніе христіанъ въ Крымѣ было тяжелымъ. Не касаясь болѣе равнаго времени, укажемъ, что сильныя притѣсненія грековъ происходили въ 1770, 1772 и 1774 годахъ. Христіане были обложены большими налогами, съ ними обращались, какъ съ рабами хана, имъ запрещено было строить храмы и ставить на нихъ кресты. Неудивительно, что многіе принимали магометанство, бывали случаи и ухода въ Россію, а въ 1777 году ихъ вышло значительное число. Со входомъ русскихъ войскъ въ Крымъ явно обнаружались симпатіи къ нимъ крымскихъ христіанъ, которые смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ защитниковъ и покровителей, чѣмъ возбуждали противъ себя татаръ. Положеніе христіанъ сдѣлалось очень опаснымъ; во время послѣдняго бунта въ Крымѣ боязнь мести сдѣлалась очень возможной, и христіане изъявили желаніе переселиться въ Россію, о чемъ было донесено Прозоровскимъ. Наше правительство отнеслось

къ этому вопросу съ полнымъ сочувствіемъ, и 25-го февраля 1778 года Румянцевъ писалъ въ ордерѣ Прозоровскому: „христіанъ приглашать на поселеніе въ Азовскую или Новороссійскую губернію видится тоже удобно, и господа губернаторы могли бы, сходственно имѣющимъ у нихъ повелѣніямъ ихъ теперь пріохочивать переселять“. Въ рескриптѣ Румянцеву отъ 19-го марта Екатерина предлагала принять всѣ возможные способы уговорить ихъ, чтобы добровольно согласились перенести домовство свое въ Новороссійскую или Азовскую губернію, гдѣ подъ покровительствомъ Нашимъ найдутъ они спокойнѣйшую жизнь и возможное благоденствіе“. Предлагалось особенно уговаривать къ тому греческаго митрополита въ Криму Игнатія, который былъ искренно приверженъ Россіи, хана же вразумить, что это дѣлается въ предупрежденіе возможнаго мщенія христіанамъ со стороны татаръ и даже турокъ, если они въ Крымъ придутъ. Въ указахъ же кн. Потемкину и графу Румянцеву предлагалось принять мѣры къ обезпеченію продовольствія переселенцевъ, снабженію ихъ всѣмъ нужнымъ на новыхъ мѣстахъ, а также и привилегіями. Князь Потемкинъ писалъ Прозоровскому, что и онъ особое беретъ въ семъ дѣлѣ участіе. Онъ поручалъ вразумить хана, что онъ отъ переселенія христіанъ ничего не претерпитъ и получитъ за то достойное вознагражденіе въ доходахъ своихъ. Такое же порученіе дано было Потемкинымъ и резиденту нашему при ханѣ А. Д. Константинову.

Такая рѣшительная постановка вопроса о переселеніи изъ Крима христіанъ ошеломила Прозоровскаго, и онъ доносилъ Румянцеву, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ къ этому предпріятію и приступить нельзя, потому что ни ханъ, ни крымское правительство на него никогда не согласятся; скорѣе ханъ согласится „съ хорошимъ опредѣленіемъ“ оставить ханство; „всѣ же сіи христіане называются *исирями* ханскими, которое слово, какъ вашему сіятельству извѣстно, значитъ *склавоуз*, которые одни теперь только и доходъ хану давать могутъ“. Недальновидный Прозоровскій не понималъ, что то обстоятельство, что въ рукахъ христіанъ горной части Крима находились промышленность, садоводство и земледѣліе, обезпечивавшіе доходы хана, и было одной изъ причинъ желанія нашего правительства осуществить какъ можно скорѣе переселеніе, чтобы поставить хана навсегда въ зависимое положеніе отъ Россіи.

Между тѣмъ митрополитъ Игнатій выразилъ и Прозоров-

скому и Константинову надежду на возможность переселенія, 23-го апрѣля 1778 года, въ день св. Пасхи объявилъ паствѣ о своемъ соглашеніи съ русскими властями по этому поводу и составилъ записку объ условіяхъ переселенія.

Въ то же время Прозоровскій просилъ выдѣленія подъ особое начальство корпуса войскъ, расположенныхъ въ отдаленномъ Кубанскомъ краѣ, котораго онъ никогда не видалъ и который причиняетъ ему много хлопотъ, и жаловался, что Суворовъ не доноситъ ему ничего о томъ, что тамъ происходитъ, ни по политическимъ, ни даже по военнымъ дѣламъ, вслѣдствіе чего въ ихъ дѣйствіяхъ не можетъ быть нужнаго единства.

Прозоровскій просилъ увольненія его изъ Крыма по разстроѣнному здоровью и вызвалъ Суворова для принятія войскъ, дѣлъ и суммъ. Получивъ ордеръ Румянцева (отъ 23-го марта 1778 года) о назначеніи въ Крымъ, Суворовъ во второй половинѣ апрѣля отправился туда, оставивъ Кубанскій край въ полной тишинѣ „и удовольственнымъ упражненіи ногайцевъ хлѣбопашествомъ и иной домашней экономіей“.

27-го апрѣля 1778 г. Суворовъ вѣхалъ въ Бахчисарай, но не захотѣлъ видѣться съ Прозоровскимъ, отговариваясь то слабостью здоровья, то ужиномъ у резидента, то представленіемъ хану. Поэтому Прозоровскій вручилъ всѣ бумаги г.-м. Леонтьеву для передачи Суворову, а самъ выѣхалъ изъ Бахчисарая.

Водворившись въ Крымъ, Суворовъ обратилъ самое серьезное вниманіе на военныя дѣла. 16-го мая онъ объявилъ обширный приказъ по войскамъ Крымскаго и Кубанскаго корпусовъ, въ которомъ, обращая особенное вниманіе начальствующихъ лицъ на санитарное состояніе войскъ (здоровье солдатъ, лазареты и пр.), тщательное обученіе ихъ, исправность оружія и укрѣпленій, рекомендовалъ человѣколюбіе къ плѣннымъ, внимательный надзоръ за маяками, наблюдательными постами и казачьими пикетами, общеніе по служебнымъ дѣламъ старшихъ командировъ съ младшими, излагалъ правила боевыхъ дѣйствій на случай сраженія, вылазокъ и пр., предлагалъ не терпѣть мародеровъ и наказывать ихъ жестоко. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ капитану Крузу зорко слѣдить за турецкими судами въ морѣ, усилить число людей въ нашей флотиліи и т. п. И нужно было, потому что Турція усилила свои приготовленія въ Очаковѣ и Измаилѣ, двинула войска къ границѣ, стала строить мостъ черезъ Дунай и собиралась поднять снова возстаніе въ Крымъ, а турецкіе фре-

гаты появлялись въ Черномъ морѣ. Румянцевъ предписалъ Суворову зорко слѣдить за турецкими судами, принять все мѣры противъ высадки турецкихъ войскъ въ Крымъ и вступленія ихъ внутрь полуострова и указалъ, какъ поступать, въ случаѣ приближенія турецкаго флота къ берегамъ Крыма или даже высадки турокъ. Кромѣ того, ему предлагалось и „татаръ имѣть подъ глазомъ“, отвлекать ихъ отъ подстрекательства турокъ, увѣрить ихъ въ безопасности со стороны Россіи, а въ виду возможности злыхъ умысловъ на жизнь Шагинъ-гирея, личность его „въ особое обереженіе“ препоручалась Суворову.

Турція, рѣшивъ отправить флотъ въ Черное море, къ берегамъ Крыма, добивалась тоже якобы успокоенія Крыма и имѣла въ виду установить такое положеніе дѣлъ, чтобы командующій русскими войсками въ Крымъ дѣйствовалъ по соглашенію съ турецкими полководцами. Въ виду возможности осложненій, Суворовъ усилилъ крымскій корпусъ кавалеріей, переведенной съ Днѣпра. Были слухи, что Турція хотѣла выслать въ Крымъ 40000 войска и сдѣлать высадку въ трехъ мѣстахъ—Ахтіарѣ, Кафѣ и Акмечетской бухтѣ. И въ самомъ дѣлѣ, къ турецкой флотиліи изъ 7 судовъ, находившихся въ Ахтіарской бухтѣ, подошло въ концѣ мая еще нѣсколько судовъ изъ Синопа подъ начальствомъ Гаджи-Мегмета-аги. Часть людей съ этихъ кораблей вышла на берегъ и убила нашего казака 7-го іюня. Суворовъ немедленно потребовалъ наказанія виновныхъ и запрещенія выходить турецкимъ морякамъ на берегъ, пригласилъ хана объѣхать вмѣстѣ съ нимъ часть берега въ виду турокъ, а 15-го іюня „дружественно“ расположилъ по три баталіона пѣхоты, „съ приличною артиллерією и конницею и при резервахъ“, съ обѣихъ сторонъ Инкерманской или Ахтіарской бухты и „вступилъ въ работу набережныхъ ея укрѣпленій“. Начальникъ турецкой флотиліи сейчасъ же сдѣлалъ запросъ Суворову, на какомъ основаніи онъ вооружаетъ пушками и шанцами ближайшія къ его стоянкѣ мѣста въ независимой странѣ. Суворовъ отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ, увѣряя турецкаго начальника въ дружбѣ, указывалъ, что онъ во все продолжительное время стоянки турецкой флотиліи въ Ахтіарѣ ни разу не спросилъ турокъ, почему и зачѣмъ они здѣсь находятся,—самъ находясь здѣсь по просьбѣ хана и крымскаго правительства, что Блистательной Портѣ хорошо извѣстно,—удивлялся „безвременному“ запросу Мехмета-аги и повторялъ требованіе, чтобы виновные

въ убійствѣ нашего казака были отысканы и наказаны, и чтобы было запрещено выходить съ кораблей на берегъ вооруженнымъ людямъ. Получивъ такой энергичный отвѣтъ, турки въ ту же ночь на 17-е іюня, не смотря на противный вѣтеръ, буксиромъ, вышли изъ гавани въ открытое море и остановились противъ деревень Учкую и Авлиты. Тутъ 200 человекъ янычаръ бѣжали съ турецкихъ кораблей отъ голода и притѣсненій и отдались подъ защиту крымскаго хана.

Послѣ этого депутаты Крымской области въ письмѣ къ Суворову сознались, что турецкія суда приходили къ Крыму по просьбѣ нѣкоторыхъ крымскихъ мятежниковъ, изъ которыхъ одни уже раскаялись въ этомъ, а другіе на турецкихъ корабляхъ убѣждали въ Турцію, и отъ имени жителей Крыма просили дружескаго попеченія объ ихъ спокойствіи. Ханъ съ своей стороны увѣрилъ Суворова въ преданности Россіи и объявилъ указъ всему крымскому народу съ предостереженіемъ отъ дальнѣйшихъ мятежническихъ дѣйствій. Въ виду не довѣрія къ самой безпокойной и многолюдной фамиліи Мансурской, Суворовъ воздвигъ фельдшанецъ на Тарханкутскомъ полуостровѣ. Были усилены укрѣпленія и въ Авлитѣ (Ялтѣ) по обѣимъ сторонамъ гавани.

Въ это время вопросъ о переселеніи христіанъ пріостановился, и Потемкинъ 17-го числа напоминалъ о немъ Суворову. Между тѣмъ произошло непріятное обстоятельство, осложнившее это дѣло. Одинъ албонецъ женился на крымской татаркѣ, которая крестилась. Крымское правительство требовало, чтобъ она была выдана назадъ родителямъ и опять омагометанилась, къ чему уговаривали ее и родители; но она не желала возвращаться, и сама убѣждала родителей принять христіанство. Резидентъ нашъ разбиралъ это дѣло при депутатахъ отъ правительства и нашелъ, что выдача этой женщины противна трактату, вслѣдствіе чего крымское правительство разсорилося съ Суворовымъ, и дѣло дошло до угрозъ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Румянцева, Суворовъ сообщаетъ, что въ виду этихъ осложненій не обойтись безъ большихъ ссоръ по вопросу о переселеніи христіанъ, хотя онъ и приложить всѣ старанія, чтобы не произошло большихъ замѣшательствъ.

Между тѣмъ Турція возвышала тонъ, заводила смуты въ Крыму и на Кубани, требовала вывода нашихъ войскъ изъ Крыма, настаивала, чтобы наши военныя суда не плавали въ Черномъ морѣ, и не выплачивала наложенной на нее контри-

буціи по Кайнарджійскому договору. Румянцевъ, получивъ соответственныя положенію дѣль указанія Екатерины, предлагалъ Суворову быть насторожѣ и, въ случаѣ появленія турецкаго флота у береговъ Крыма, по возможности стараться дѣйствовать переговорами и не пускать турокъ на берегъ по караиннымъ требованіямъ, по причинѣ продолжающейся въ Турціи моровой язвы. Въ виду этого никому съ турецкой флотиліи, стоявшей противъ Авлиты, не было дозволено сходить на берегъ, даже за прѣсною водою и съѣстными припасами, отчего турки терпѣли крайнюю нужду. Гаджи-Мегметъ-ага нѣсколько разъ обращался къ Суворову съ просьбой о разрѣшеніи брать на берегу прѣсную воду для кораблей, но Суворовъ не обращалъ на его письма вниманія.

Накопецъ подошелъ къ Крыму и турецкій флотъ подъ начальствомъ сераксира капитанъ-паши Гази-Газана, который прежде всего грубо потребовалъ у Суворова удаленія русскихъ военныхъ судовъ съ Чернаго моря. Сообщая объ этомъ Потемкину, Румянцевъ замѣчаетъ: „А какъ тамъ г. Суворовъ не говорливъ и не податливъ, то не поссорились бы они, а послѣ бы и не подрались...“

Съ большимъ достоинствомъ отвѣтилъ на письмо паши Суворовъ, на угрозы отвѣчалъ угрозами и принялъ всѣ мѣры къ усиленію укрѣпленій.

Въ то же время усиленнымъ ходомъ пошло дѣло о переселеніи христіанъ. Митрополитъ Игнатій 16-го іюня вручилъ Суворову „постановленіе“ крымскихъ христіанъ греческаго, армянскаго и католическаго исповѣданія, съ приложеніемъ основаній, по которымъ они, съ согласія и по доброй волѣ вступающа во всероссійское подданство, готовы переселиться изъ Крыма въ Азовскую губернію. Они просили пособія на переездъ бѣдныхъ людей и перевозку ихъ имѣнія и на постройку на новыхъ мѣстахъ города, деревень, церквей и домовъ и лавокъ, надѣла ихъ соответственнымъ ихъ числу количествомъ земли и разными угодіями, разнаго рода льготъ и увольненія отъ податей, поборовъ и повинностей на десять лѣтъ, освобожденія на вѣчныя времена отъ постоевъ и рекрутской повинности, опредѣленія теперь же размѣра податей, какія имъ будутъ назначены спустя десять лѣтъ, оставленія при нихъ ихъ духовныхъ лицъ и зависимости митрополита Игнатія непосредственно отъ св. Синода. Митрополитъ Игнатій просилъ выдачи переселенцамъ теперь же за императорской подписью

и печатью грамоты объ удовлетвореніи желаній ихъ, а также пособія на переселеніе.

17-го іюля Суворовъ писалъ Румянцеву, для сообщенія Потемкину, что подъ свозъ христіанъ, неимѣющихъ своихъ подводъ, нужно 6000 пароволовыхъ подводъ, что нужно хлѣбъ и товары скушить у переселенцевъ и удовлетворить ихъ деньгами, вмѣсто оставляемыхъ домовъ и лавокъ построить на новыхъ мѣстахъ новые, что тяжелыя вещи придется перевозить „по времени“. Въ виду близкаго конца лѣта и невозможности построить теперь же новые дома, Суворовъ просилъ отвести переселенцамъ квартиры на р. Орели, въ отдѣльныхъ домахъ, и защитить ихъ отъ нападокъ разгнѣваннаго хана и крымскаго правительства, въ пути снабжать провіантомъ, а по прибытіи на мѣсто провіантомъ и сѣменами для посѣва. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ доносилъ Потемкину, что выходъ христіанъ изъ Крыма можетъ быть готовъ въ теченіе мѣсяца, и просилъ поспѣшить повелѣніями. „дабы усердіе не охладилось и внутреннія препоны не возросли“. Онъ сообщалъ, что переселенцевъ будетъ болѣе 21000. „Успѣхъ послѣ покажетъ, прибавлялъ онъ, много ли ихъ въ Крыму останется; есть нынѣ нежелательныя“.

Все это дѣло переселенія христіанъ происходило безъ сообщенія о томъ хану, но, конечно не могло быть скрыто и стало общеизвѣстнымъ, хотя ханъ и правительство притворялись ничего незнающими. По этому поводу Суворовъ писалъ Потемкину: „Послѣдственное ихъ неминуемое негодованіе въ большее сомнѣніе приводитъ. Легче бы было, если бы ваша свѣтлость особливо къ хану о томъ объясниться вашею высокою особою соизволили, и къ тому подарки. Хотя противъ цѣлаго народнаго волнованія уже благовременно мѣры принять надлежитъ. Полагается при выходѣ подарить преосвященному митрополиту 3000 рублей, прочимъ до 5000, а на подъемъ за подводы не меньше 50000 рублей,—и нынѣ не безъ подарковъ, о чемъ я и его сіятельству графу П. А. Румянцеву-Задунайскому донесъ. Надлежитъ имъ подняться всѣмъ въ разъ. Удостойте, свѣтлѣйшій князь, высокимъ вашимъ писаніемъ митрополита въ имени всего общества, весьма онъ сей милости отъ вашей свѣтлости ожидаетъ“. Митрополитъ Игнатій ожидалъ высочайшей грамоты о дарованіи грекамъ привилегій, „дабы ему, какъ онъ часто напоминалъ, послѣ предъ Богомъ отвѣта не дать“. Главными лицами изъ армянскаго духовенства были: у армяно-григоріанъ архимандритъ

Петръ Маргосъ, а у католиковъ патеръ Яковъ, — послѣдній былъ „на малой пенсіи папской, но уважителенъ по парафіи своей изъ лучшихъ людей“. Оба они тоже были согласны на переселеніе и склоняли къ нему, подобно митрополиту Игнатію, своихъ единовѣрцевъ. Суворовъ обезпечивалъ переселенцевъ до Перекопа провіантомъ изъ военныхъ магазиновъ а также и подводами—войсковыми и офицерскими; далѣе предстояло озаботиться о нихъ Азовскому губернатору Черткову. „Въ поселеніи собственность, пишетъ Суворовъ, должна жертвовать отечественности; ежели бы мои жалованные земли, гдѣ имъ выгоды, отдать имъ ихъ“. Сердечно заботясь о переселенцахъ, Суворовъ входилъ даже въ мелочи, напримѣръ, указывалъ, что городскіе обыватели не будутъ въ состояніи сами собою отстроиться, для чего имъ нужна будетъ помощь сельскихъ жителей (русскихъ). Депутатовъ къ Азовскому губернатору просилъ онъ принять съ должною честію, хотя бы съ нѣкоторымъ излишествомъ. Такимъ образомъ переселеніе постепенно близилось къ осуществленію.

Но опасенія Суворова о вредѣ замалчиванія переселенія оправдались. Когда онъ былъ такъ сильно озабоченъ этимъ дѣломъ, крымскіе старшины подали хану Шагинъ-гирею жалобу на Суворова и резидента Константинова, за совращеніе мѣстныхъ грековъ и армянъ къ переселенію въ Россію, и прошеніе о предупрежденіи этого вреда. Шагинъ-гирей отвѣтилъ имъ, конечно, что эти слухи ложные, что никакого переселенія быть не можетъ изъ независимаго Крыма, настоящее положеніе котораго обезпечено русской императрицей, а къ грекамъ и армянамъ обратился съ приказаніемъ немедленно представить ему выдумщиковъ о переселеніи или зачинщиковъ къ нему. Въстѣ съ тѣмъ ханъ обратилъ вниманіе Суворова и резидента на толки о переселеніи и волненіе мѣстныхъ жителей; при этомъ онъ препроводилъ Константинову заявленіе Козловскихъ (Евпаторійскихъ) грековъ и армянъ о томъ, что они подданствомъ своимъ хану и отчизною довольны и не думаютъ куда-либо уходить, „хоть саблями рубить ихъ стануть“. Не получивъ отвѣта въ тотъ же день, ханъ на другой день, 22-го іюля, выразилъ Суворову свое неудовольствіе по этому поводу и за дурной якобы приѣмъ своего вице-церемоніймейстера Меметь-аги, и просилъ отзыва о христианахъ. Суворовъ сейчасъ же отвѣтилъ хану, что тотчасъ не отвѣтилъ на первое письмо его влѣдствіе замедленія съ переводомъ, и объяснилъ, что „Императрица Всероссійская, сни-

сходя на просьбы христіанъ, въ Крыму живущихъ, о избавленіи ихъ отъ предгрозныхъ бѣдствій и сущаго истребленія, которымъ огорченные во время бывшаго митежа татары мстятъ имъ при случаѣ удобномъ явно обѣщались, по челоуѣколюбію и долгу христіанскому закону, всемплоствѣйше соизволяетъ переселить ихъ въ свои границы, надѣясь, что вы, свѣтлѣйшій ханъ, не токмо высочайшей волѣ покровительницы своей прекословить не будете, но и благоспѣшествовать не оставите, поелику все, что до особы вашей касается, предохранено и награждено будетъ. Сему высочайшему соизволенію повинуюсь, исполнять я долженствую. Прочаго же отъ меня никогда не было, по колику должнѣйшее почитаніе и уваженіе къ особѣ вашего сіятельства всегда храня, емь съ истиннымъ усердіемъ“...

Положеніе и Суворова и резидента, а также и христіанъ сдѣлалось крайне тяжелымъ. Татары дѣйствовали на послѣднихъ и угрозами, и обѣщаніями, и лукавствомъ,—и нужно было принять всѣ мѣры предосторожности. Разсерженный ханъ выѣхалъ изъ Бахчисарая и расположился лагеремъ въ трехъ верстахъ, по акмечетской дорогѣ. Онъ прекратилъ всѣ сношенія съ Суворовымъ и даже резидентомъ, и не принималъ къ себѣ его, даже когда онъ требовалъ аудіенціи высочайшимъ именемъ. Къ хану постоянно съѣзжались татарскіе чиновники; наконецъ ханское правительство рѣшило ходатайствовать объ отмѣнѣ переселенія въ Петербургъ и просило у Суворова отсрочки переселенія на 25 дней, до полученія отвѣта императрицы; но Суворовъ въ этомъ отказалъ, такъ какъ многіе христіане уже приготовились къ выѣзду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ энергично хлопотать о переселяемыхъ. Онъ доносилъ Потемкину, что за христіанъ придется удовлетворить нѣкоторыхъ татаръ по частнымъ долгамъ, а также возвратить христіанамъ долги на чиновникахъ и самомъ ханѣ. „Сей послѣдній, пишетъ Суворовъ, столько бѣденъ, что тысячь двадцать рублей всѣмъ своимъ должникамъ заплатить не можетъ. Но по жалостному его состоянію, свѣтлѣйшій князь, слѣдуетъ ему опредѣлить или пенсіонъ, или на всегда одну сумму; на письменныя же его выраженія взирать, какъ на пустое эхо“. Далѣе Суворовъ просилъ удовлетворить христіанъ за ихъ недвижимыя имущества, особенно сады, а долги на крымскихъ чиновникахъ, уѣхавшихъ въ Турцію, имѣнія которыхъ ханъ отписалъ на себя,—отдать имъ за него; наконецъ заплатить татарамъ за ихъ рабовъ—хри-

стіанъ, купленныхъ ими, которые теперь уходили съ другими христіанами. На все это Суворовъ считалъ достаточною суммою въ 100000 рублей. Зерновыи хлѣбъ и фуражъ Суворовъ велѣлъ начальникамъ частей снимать у христіанъ, и отъ этой операціи казна получила значительную прибыль. Провіантской комиссіи было приказано заготовить путевой провіантъ для переселенцевъ до Александровской крѣпости на Днѣпрѣ; къ Азовскому губернатору Суворовъ писалъ о скорѣйшей присылкѣ подводъ.

Митрополитъ Игнатій, пострадавшій уже въ 1772 году при Девлетъ-Гиреѣ за сношенія съ русскими, при первыхъ слухахъ о волненіяхъ среди татаръ переѣхалъ изъ Бахчисарая въ русскій лагерь на Качѣ; армянскій архимандритъ уѣхалъ въ Кафу. Суворовъ доносилъ, что вообще положеніе христіанъ было очень опасно, но первая партія переселенцевъ, около 100 душъ городскихъ жителей, были готовы въ путь уже въ концѣ іюля. „Слава Богу, писалъ Суворовъ Потемкину, что веревка потянется. Отъ стамбульскихъ замысловъ, прибавлялъ онъ, пока еще руки свободны“.

Ханъ собирался въ Петербургъ „насть предъ порогъ Ея Величества и предать себя въ ея волю“ и требовалъ паспортовъ для одного татарина и одного русскаго офицера. „Въ отчаянностяхъ, пишетъ Суворовъ Потемкину, его иногда помрачается духъ, иногда и не трезвъ...! Какъ и мнѣ способу нѣтъ. Напомянуль я г. резиденту послѣднія мѣры приняты къ достиженію у него аудіенціи для временнаго хотя успокоенія его чувствъ“. Суворовъ былъ вполне доволенъ дѣйствіями Константинова, который настойчиво убѣждалъ татаръ, что переселеніе рѣшено безповоротно и что татары ничего съ выходомъ христіанъ не потеряютъ. На просьбы Константинова объ аудіенціи ханъ отвѣчалъ, что онъ боленъ, потомъ отозвался, что онъ уже здѣсь безсиленъ, такъ какъ все дѣлается по волѣ Суворова и его, резидента, и просилъ оставить его въ покоѣ, наконецъ принялъ Константинова. Лицо хана было блѣдно, какъ у мертвеца. Резидентъ высказалъ сожалѣніе, что его свѣтлость изнуренъ прискорбіемъ о такой маловажной вещи, и увѣрялъ, что это дѣло не останется безъ стократнаго награжденія. Но ханъ со слезами просилъ оставить его въ покоѣ, говорилъ, что волѣ императрицѣ не противится,—пусть христіане уходятъ, онъ ихъ не держитъ,—но онъ не можетъ жить тамъ, гдѣ враги его утѣшены его несчастіемъ и въ укоризну ему вѣчно будутъ смѣяться.

Суворовъ радовался успѣшному началу переселенія и высказывалъ увѣренность, что теперь дѣло пойдетъ гладко, „хотя отъ диссимуляціевъ хану не избѣжать“. Ханъ писалъ 26-го іюля Румянцеву, прося отмѣны переселенія; если же нельзя, „не оставить его высокимъ своимъ пособіемъ“, потому что нареканія на него среди подвластнаго ему народа увеличиваются; умолялъ о взысканіи его высочайшею Ея Величества милостию, „что послужить и къ скорѣйшему окончанію общихъ дѣлъ на желанномъ предметѣ“; просилъ переселенія христіанъ только по ихъ желанію, а не по принужденію. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ указъ о согласіи на переселеніе изъ Крыма грековъ и армянъ въ предѣлы Россіи. Въ то же время татары подали просьбу императрицѣ объ оставленіи на полуостровѣ если не всѣхъ грековъ и армянъ, живущихъ здѣсь триста или четыреста лѣтъ, то хоть тѣхъ волоховъ черкесъ и грузинъ, которые куплены были татарами, а теперь насильно отняты,—и просили награжденія за происшедшее раззореніе. Румянцеву же крымскія власти писали: „увѣщанія и наставленія вашего сіятельства, что за то равное воздаяніе учинено будетъ, выразумѣвъ, мы, доброжелатели ваши, благодарными пребудемъ“.

Христіанъ продолжали убѣждать къ скорѣйшему переселенію. Архимандритъ Петръ Маргосъ и пaterъ Іаковъ согласились съ условіями переселенія, выработанными митрополитомъ Игнатіемъ для грековъ, и сдѣлали обращеніе къ армянамъ, которые переселеніемъ были вообще довольны, сожалѣя только о недвижимомъ родовомъ имуществѣ, за которое, конечно, Суворовъ обѣщалъ имъ вознагражденіе.

Ханъ, разгнѣванный неудачей своего сопротивленія и начавшимся переселеніемъ, переѣхалъ въ лагерь на Алму и снова отказался принимать резидента, который, „зная языкъ и нравъ сей земли“, ревностно трудился для переселенія въ Бахчисараѣ. И нужно было торопиться, въ виду интригъ и подущеній со стороны татаръ и нерѣшительности переселяемыхъ. Суворовъ особенно хлопоталъ о подводахъ, которыхъ Азовскій губернаторъ вмѣсто просимыхъ 6000 могъ доставить къ Перекопу только 2000. Татары о переселяемыхъ христіанахъ говорили, что теряютъ ихъ, какъ душу отъ тѣла.

Время переселенія наступало, и готѣйскій и кефайскій митрополитъ Игнатій, не смотря на всѣ увѣренія Суворова, обратился съ просьбой къ Румянцеву, снова прося о присылкѣ императорской грамоты съ подтвержденіемъ льготъ пере-

селенцамъ, въ виду „малодушія. какъ онъ писалъ, здѣшнихъ православныхъ христіанъ“: „пока они не увидятъ за рукою сія величества подтвержденною священную грамоту, то не осмѣливаются отсель отлучиться, ниже на мои слова вѣру имѣютъ“.

Румянцевъ въ отвѣтномъ письмѣ увѣрялъ христіанъ въ благодарствіяхъ, какихъ они и предполагать не могутъ, обѣщаль довести просьбу ихъ до императрицы, просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ ускорить переселеніе въ виду наступающаго холоднаго времени, а Суворова и Константинова убѣждалъ какъ можно почтительнѣе относиться къ хану, которому послалъ дорогіе подарки.

Въ началѣ августа началось переселеніе большими партіями. 5-го числа вышло 1122 души обоаго пола, городскихъ жителей, въ половинѣ августа около 3000, а затѣмъ пошли поселяне. Прежде всего выѣхали переселенцы изъ Бахчисарая и Акмечети. Суворовъ съ негодованіемъ узналъ, что одинъ изъ переселенцевъ отправленъ въ оковахъ, и рѣзко писалъ Константинову: „Ея Императорскаго Величества исходящіе христіане, изъ нихъ одинъ въ желѣзахъ, развѣ правиломъ министра... Отвергните сіе, милостивый государь мой, и тотъ чтобъ сейчасъ свободенъ былъ ѣхать.. Стыдъ, что правительство по сіе время не чувствуетъ высочайшее покровительство. Готовъ я двинуть сюда еще больше войскъ. Какъ резидующій при особѣ свѣтлѣйшаго хана, на сіе послѣднее учредите“.

Суворовъ выплачивалъ татарамъ за переселяемыхъ ихъ рабовъ, изъ которыхъ много было семейныхъ, также за остающійся зерновой хлѣбъ христіанъ, сѣно и солому, которые принимались въ провіантскіе магазины и полки. Цѣны на хлѣбъ и фуражъ были на мѣстѣ дешевле, чѣмъ если бы ихъ привозили, и казна выигрывала на этой покупкѣ около 100000 рублей, которые возмѣщали издержки по переселенію. Отъ усиленныхъ работъ переболѣли всѣ сотрудники Суворова, и самъ онъ заболѣлъ лихорадкой. Приходилось много денегъ давать въ видѣ подарковъ—и христіанамъ и вліятельнымъ татарамъ, и о присылкѣ денегъ Суворовъ часто писалъ секретарю Потемкина Турчанинову. Вотъ отрывокъ одного изъ нихъ: „Казы-Гирей ласкается; дѣтина добрый, весельчакъ, никогда денегъ ни полушки; просилъ въ долгъ 500 рублей, я обчелся, прислалъ 600, былъ очень радъ... Деньги, деньги, деньги; сочтетсяъ послѣ, убытокъ будетъ не великъ; ой! го-

1541.

лубчикъ, тяжко, денегъ нѣтъ; радъ бы всё мои деревни заложить,—некому“.

Татарское населеніе было связано съ переселенцами-христіанами самыми тѣсными, кровными узами и скорбѣло о разлукѣ съ ними. Были случаи, напримѣръ въ Козловѣ и Бахчисараѣ, что татары объявляли свое желаніе также выѣхать въ Россію за христіанами, но Суворовъ имъ отвѣчалъ, что на то „отъ высшей команды повелѣнія нѣтъ“. Ханъ успѣлъ отклонить отъ переселенія обитателей трехъ деревень, но митрополитъ снова „направилъ ихъ на путь истины“. Напротивъ другіе на собственные деньги покупали повозки и лошадей, чтобы скорѣе отправиться въ путь.

Въ то время какъ переселеніе болѣе или менѣе наладилось, у Суворова усилились другія заботы. Порта обнаружила враждебныя дѣйствія противъ насъ. Нужно было принимать усиленныя мѣры къ охранѣ береговъ Крыма. Шагинъ-Гирей, отказавшійся отъ сношеній съ Суворовымъ, сообщилъ теперь ему, въ письмѣ отъ 17-го августа, о замыслахъ турокъ и волненіяхъ среди татаръ и, отчуждаясь отъ управленія общественными дѣлами, просилъ у Суворова указаній, что ему дѣлать. Суворовъ въ отвѣтномъ письмѣ убѣждалъ хана вернуться въ Бахчисарай, вступить въ управленіе своимъ народомъ и охранять дѣлность своей области и свою особу отъ навѣтовъ. Румянцеву же онъ писалъ: „Чего же иного должно было ожидать отъ варварскаго небогатаго принца, котораго со всёмъ моимъ ежевременнымъ почтеніемъ и всякаго рода прозрачѣйшими внушеніями, въ благомысліе привести должно деньгами“. Тутъ же онъ своеобразнымъ слогомъ съ проницательностью прибавлялъ: „Для великой Екатерины дѣла здѣшняго полуострова въ лучшемъ состояніи: три полезности—выводъ всёхъ христіанъ, съ возвышеніемъ предприбавленія анадольскихъ, отъ внутреннихъ мятежей, чего еще не видно кромѣ симптомовъ тайно скрытыхъ оружіевъ, какъ то въ варварскихъ земляхъ сдревля, но и на то она. Иная форма благоуправленія; побѣда стамбульцовъ паче изнуреніемъ однимъ на образъ Гаджи-Мехмета“.

Въ это время вошелъ въ Черное море сильный турецкій флотъ изъ 170 большихъ и малыхъ судовъ, обложилъ Крымъ отъ Кафы до Балаклавы, и начальствующіе на немъ—Гаджи-Али-паша, трапезондскій и эрзерумскій губернаторъ, сераскиръ крымскій, и сераскиръ Гасанъ-капитанъ-паша отправили письмо къ командиру нашей флотилии адмиралу Клока-

чеву съ требованіемъ уйти изъ Чернаго моря, якобы принадлежащаго исключительно Портѣ; они требовали также не препятствовать имъ получать прѣсную воду для флота. Суворовъ, по полученіи этого письма, послалъ на требованія турокъ грозный отвѣтъ съ рѣшительнымъ отказомъ и повтореніемъ прежнихъ оснований. Въ дальнѣйшихъ переговорахъ туркамъ было отказано, съ предложеніемъ возвратиться въ Константинополь и тамъ переговариваться съ русскимъ министромъ. Въ то же время генераль-поручику Багратиону онъ приказалъ перейти Перекопскій перешеекъ и взять начальство надъ войсками у Кафы противъ главныхъ силъ турокъ, а вдоль берега распределить нужные отряды, „въ сравненіе турецкимъ эволюціямъ“. Турецкіе военачальники извѣстили Суворова, что пришли къ Крыму въ виду нѣкоторыхъ происшедшихъ здѣсь приключеній, по просьбѣ татаръ, чтобы узнать истинное положеніе дѣлъ и сообразно этому дѣйствовать, и выражали надежду на свободное полученіе прѣсной воды, пока стоятъ здѣсь будутъ. Суворовъ отказалъ наотрѣвъ всего въ нѣсколькихъ словахъ. На всѣ просьбы и требованія турокъ разрѣшить имъ сойти на берегъ для прогулки, посидѣть на Кафинской биржѣ, взять воды хоть нѣсколько боченковъ было отказано, и турки 10-го сентября ушли въ море, а на ихъ мѣсто вошли въ Кафу пять нашихъ кораблей.

Рѣшительныя мѣры Суворова для обезпеченія Крыма отъ турокъ успокоили Шагинъ-гирея, но мало улучшили отношенія его къ Суворову. Ханъ настаивалъ на крайней надобности поскорѣе „прибѣгнуть къ всевысочайшему трону и, продолжая памятозловіе свое, ощущалъ особливое удовольствіе сыскивать способъ къ прицѣпкамъ и вносить напрасныя пени на російскія войска“. Румянцевъ отвѣтилъ Суворову сожалѣніемъ, что переселеніе христіанъ вызвало остуду хана къ Суворову и Константинову, а получивъ препровождаемую ханомъ жалобу нѣкоторыхъ грековъ и армянъ на притѣсненія, приказалъ уклоняться отъ малѣйшаго насилія и притѣсненій.

До 22-го августа выселилось изъ Крыма 10239 душъ, а 8-го сентября число переселенныхъ христіанъ доходило уже до 20000. Въ это время Суворовъ доносилъ Румянцеву, что „принимающіе секретно святое крещеніе здѣшніе татары уѣзжаютъ вмѣстѣ съ христіанами въ Россію; во многихъ изъ нихъ возрастаетъ къ тому ежевременно желаніе, въ чемъ отъ

меня препятствія чинить не велѣно“. По этому поводу Румянцевъ шуточно писалъ Потемкину: „вы увидите и странныя извѣстія, что татары и турки въ немаломъ количествѣ прибѣгають къ источнику вѣчной жизни, и я желаю, чтобы равноапостольный г. Суворовъ ихъ жажду утолилъ, а Гасанъ-бей къ прѣсной водѣ не пускалъ“.

Въ это время ханъ послалъ своихъ депутатовъ въ Петербургъ, съ просьбой о разрѣшеніи имѣть своего резидента при высочайшемъ дворѣ и другихъ европейскихъ дворахъ и жалобой на обиды отъ войскъ и насильное переселеніе христіанъ изъ Крима. Въ письмахъ къ графу Н. И. Панину и князю Потемкину Румянцевъ объясняетъ это дѣйствіе хана тѣмъ, что хотя онъ какъ и крымское правительство убѣдился, что переселеніе произведено не по частнымъ чьимъ-либо прихотямъ, но, какъ человѣкъ хитрый, видя ненадежное и не твердое свое положеніе, думаетъ посредствомъ этого шага „умягчить турокъ. а насъ совсѣмъ удалиться“. Румянцевъ однако не думалъ, чтобы ханъ, будучи человѣкомъ благоразумнымъ, не зналъ, что своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ, сочувствуя мятежу противъ Россіи, онъ дѣйствовалъ бы на собственную свою погибель, да и турки теперь, въ крайней ненависти къ нему, не помогли бы ему и не оставили бы его на ханствѣ. Румянцевъ предлагалъ Суворову и Константинову проникнуть въ тайные замыслы хана и, за окончаніемъ переселенія, снова „почтеніемъ и ласковостью прибрать въ свои руки“.

18-го сентября Суворовъ доносилъ Румянцеву, что выводъ изъ Крима христіанъ конченъ. Выѣхало обоего пола 31098 душъ, вскорѣ затѣмъ еще 68 человѣкъ ясырей-грузинъ, и осталось зимовать 288 душъ. Высшія духовныя лица выѣхали съ послѣдней партіей. Издержано на выводъ христіанъ 75092 рубля 92 коп. Дома христіанъ, съ согласія хана и крымскаго правительства, переданы въ распоряженіе войскъ. Негодованіе хана дошло до крайности. Татары жаловались ему на причиненное имъ отъ переселенія христіанъ раззореніе, но Румянцеву писали, что „очень довольны и обрадованы обѣщаніемъ, что за оный выводъ сдѣлано быть имѣеть все милостивѣйшее награжденіе его свѣтлости хану и обществу“. Съ выходомъ христіанъ изъ Крима усилилось среди татаръ стремленіе къ принятію крещенія. 13-го сентября Суворовъ доноситъ: „чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открывается между татаръ крымскихъ безпримѣрное желаніе къ принятію христіан-

скаго закона. Въ горахъ татарскаго закона семей до 20 отъ греческихъ священниковъ приняли святое крещеніе, и между выѣзжающихъ христіанъ скрывался, отпраивался вмѣстѣ съ оными на поселеніе такъ скрытно, что ниже росейскіе о томъ предузнать могли. Множество таковыхъ приходятъ къ начальникамъ войскъ разномѣстно, объявляя свое желаніе, но на то имъ соотвѣтствуется молчаніемъ... Осажденіе крѣпостями здѣшняго полуострова, продолжаетъ Суворовъ, воспренятствовало татарамъ мятежиться, къ чему со стороны ихъ много склонности примѣчаемо было. Сіе болѣе по поводу самого хана, ибо что до правительства, то многіе ихъ лучше дѣло понимаютъ и ни въ чемъ не дѣлаютъ сопротивленія“.

Отношенія хана къ Суворову были по прежнему неприязненны. Непосредственныхъ сношеній между ними не было: переписка происходила при посредствѣ Константинова. Ханъ и правительство продолжали жаловаться на дѣйствія русскихъ войскъ, но не указывали точно виновныхъ лицъ, или хотя бы начальниковъ тѣхъ частей, которые допускаютъ обиды жителямъ.—безъ чего только увеличивались неудовольствія. Эти жалобы были для Суворова тѣмъ обиднѣе, что онъ съ самаго приѣзда своего въ Крымъ заботился объ установленіи добрыхъ отношеній къ татарскому населенію—и по долгу службы, и по врожденной своей добротѣ и благородству души, самъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ татаръ и строго наказывалъ за всякія обиды населенію со стороны войскъ. Татары жаловались, что въ г. Козловѣ, въ противность ихъ мусульманскаго закона, начали въ колокола звонить. „чѣмъ весь народъ въ глубочайшее уныніе приведетъ“; ихъ уважили, и колокольный звонъ былъ прекращенъ. Жаловались еще на сломку въ Кафѣ домовъ ушедшихъ христіанъ,—и на это обстоятельство обращено вниманіе.

Высокомѣріе хана дошло до крайности, и онъ снова прервалъ сношенія съ Константиновымъ, требуя отъ него представленія кредитивныхъ грамотъ. Пришлось сдѣлать ему внушеніе изъ Петербурга. Въ началѣ слѣдующаго года Шагинъ-гирей получилъ, наконецъ, обѣщанное вознагражденіе за выводъ христіанъ изъ его владѣній: именно ему прислано было 50000 рублей, и такая же сумма прислана для братьевъ хана, беевъ, мурзъ и ханскихъ чиновниковъ. Вскорѣ, именно 10-го марта, Турція признала Шагинъ-гирея законнымъ и независимымъ ханомъ Крымскимъ.

Съ признаніемъ Шагина Турціей военныя приготовленія

наши въ Крыму и на Кубани прекратились, и Суворову было приказано оставить въ Крыму 6000 чел., а остальные войска выводить. Ханъ просилъ оставить отрядъ для его личной охраны, просилъ пушекъ,—ему было въ этомъ отказано. Ханъ просилъ также не срывать укрѣпленій, оставить ихъ для его войскъ. Суворовъ согласился только немногія оставить въ цѣлости и передать хану, подъ предлогомъ, что остальные были бы опасны самому ему среди вѣроломнаго народа. Войска вышли изъ Крыма, но Суворовъ остался еще на нѣкоторое время для разбора претензій ханскихъ таможенныхъ откушниковъ по поводу безпошлиннаго ввоза товаровъ для русскихъ войскъ въ Крымъ, и, окончивъ это дѣло, выѣхалъ изъ Крыма только въ концѣ іюля.

За крымскія дѣла Екатерина наградила его табакеркой со своимъ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами, а вскорѣ затѣмъ звѣздой Александра Невскаго.

Прошло два года, и Суворовъ получилъ снова назначеніе въ знакомыя ему мѣста—командовать Кубанскимъ корпусомъ и войсками, находившимися въ Крыму, гдѣ Шагинъ-Гирей возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе, отчего произошли серьезныя замѣшательства. Независимое существованіе крымскаго ханства прекращалось. Въ 1783 году въ іюнѣ Шагинъ-Гирей переѣхалъ изъ Крыма на Тамань, и Крымъ съ Таманью и Кубанскимъ краемъ присоединены были къ Россійской Имперіи.

Съ переѣздомъ Шагинъ-Гирея на Тамань начались волненія среди ногайцевъ, и, по полученіи объ этомъ рапорта Суворова, ему было поручено Потемкинымъ вручить Шагинъ-Гирею грозное письмо свѣтлѣйшаго, въ которомъ хану предлагалось немедленно переселиться въ предѣлы Россіи, такъ какъ сношенія его съ возмѣтителями волненій на Кубани извѣстны. Шагинъ-Гирей не соглашался ѣхать въ Россію, и Суворову предложено было арестовать его; но Шагинъ провѣдалъ объ опасности и бѣжалъ за Кубань. Но вскорѣ (въ ноябрѣ) Суворовъ получилъ ордеръ Потемкина съ письмами императрицы и фельдмаршала для врученія ихъ Шагинъ-Гирею, съ предложеніемъ отправиться внутрь Россійскихъ предѣловъ, при чемъ пребываніе ему назначено было въ Воронежѣ, и назначалось 200000 р. въ годъ содержанія, пока онъ будетъ жить въ Россіи. На путевые расходы было послано 20000 рублей. Не видно, ѣздилъ ли самъ Суворовъ на Кубань къ хану. Въ виду ихъ отношеній, скорѣе надо предположить, что онъ пе-

редадь порученіе это кому-либо другому. Весною 1784 года ханъ выѣхалъ въ Россію. Дальнѣйшая судьба его извѣстна.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ не былъ проченъ. Побуждаемая Англіей и Пруссіей, Турція готовилась къ новой войнѣ съ Россіей, а путешествіе Екатерины въ Крымъ вызвало особенное неудовольствіе Порты. Она предъявила послу нашему Булгакову неимовѣрныя требованія, на примѣръ, возвращенія Крыма, на отказъ его, посадила его въ семибашенный замокъ и 13-го августа 1787 года объявила войну Россіи.

Начало этой войны опять связало имя Суворова съ Крымомъ, прославило его Кинбурнской побѣдой. Припомнимъ важнѣйшія обстоятельства этого подвига Суворова. Главная наша армія была поручена Потемкину и должна была овладѣть Очаковомъ, перейти Днѣстръ, очистить пространство до Прута, тамъ соединиться съ австрійцами и идти къ Дунаю. Херсонско-Кинбурнскій районъ, прикрывавшій Крымъ и потому особенно важный, былъ порученъ Суворову. Живя въ Херсонѣ, онъ часто прѣзжалъ въ гавань Глубокую, а оттуда въ крѣпостцу Кинбурнъ, на западномъ мысу Крыма, строилъ укрѣпленія, измѣрялъ броды, наблюдалъ за движеніями турецкаго флота. Турки подвинулись отъ Очакова къ Кинбурну, чтобы овладѣть имъ и очистить себѣ путь на Крымъ. Двѣ попытки ихъ сдѣлать вылазку въ Кинбурнъ были вполнѣ неудачны. Спустя полтора мѣсяца турки снова появились подъ Кинбурномъ и стали бомбардировать его въ концѣ сентября. Рѣшительная же бомбардировка произошла 1-го октября. Суворовъ велѣлъ не отвѣчать на канонаду турокъ, пока всѣ они „не выльзутъ“ съ судовъ на берегъ, потомъ далъ сигналъ, и русскіе бросились въ атаку. Суворовъ былъ впереди, пѣший, потому что лошадь подъ нимъ была ранена, и самъ едва не погибъ отъ двухъ бросившихся на него турокъ, но подоспѣвшій мушкетеръ Новиковъ спасъ его. Сѣча была ужасная. Суворовъ получилъ рану въ бокъ ниже сердца, и на время потерялъ сознаніе, но не терялъ надежды на побѣду, а потомъ получилъ новую рану въ руку на вылетъ. Наступила ночь, а сѣча продолжалась. Между тѣмъ на помощь Суворову подоспѣли свѣжія войска, и турки были разбиты на голову. Въ Константинополѣ пораженіе турокъ подъ Кинбурномъ произвело большое смущеніе, въ Петербургѣ же всѣ были въ восторгѣ, начиная съ государыни, которая только сожалѣла, что „ранили старика“. Въ рескриптѣ къ нему она писала: „чувствительны намъ раны ваши“. При вторичномъ

рескриптѣ, по представленію Потемкина, Суворовъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго.

Въ наступившее затѣмъ глухое зимнее время Суворовъ жилъ въ Кинбурнѣ, лѣчился отъ ранъ и мучился бездѣйствіемъ Потемкина, который не рѣшался овладѣть Очаковомъ. Прошла и весна. Турки укрѣпляли Очаковъ, къ которому подошелъ и турецкій флотъ, но 17-го іюня былъ совершенно разбитъ нашимъ гребнымъ флотомъ. Несмотря на поощренія Екатерины и предложенія Суворова, Потемкинъ не штурмовалъ Очакова, хотя обложилъ эту крѣпость, при чемъ лѣвлымъ крыломъ поручено командовать Суворову, который былъ вызванъ изъ-подъ Кинбурна съ Фанагорійскимъ полкомъ. Между тѣмъ турки набрались смѣлости, и сами произвели вылазку, причемъ Суворовъ былъ раненъ въ шею. Тошно было Суворову, не щадилъ онъ и сарказмовъ на Потемкина, затѣмъ уѣхалъ въ Кинбурнъ, страдая отъ ранъ и лихорадки. Прошли лѣто, осень, наступила суровая зима, а новая „осада Трои“, по насмѣшливому выраженію Румянцева, продолжалась. Наконецъ начался глухой ропотъ въ арміи, и Потемкинъ назначилъ штурмъ на 6-е декабря, продолжавшійся всего часъ съ четвертью, но превратившій Очаковъ въ громадную могилу. Суворовъ, хотя онъ и не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, получилъ брилліантовое перо въ шляпу съ буквой К., большой цѣнности.

Въ февралѣ 1784 года Порта признала зависимость Крыма и Кубанскаго края отъ Россіи. Суворовъ уѣхалъ въ Москву и получилъ другое назначеніе.

Прошло еще восемь лѣтъ, и 10-го ноября 1792 г. во время второй турецкой войны, Суворовъ получилъ въ третій разъ назначеніе на югъ. Въ это время французская республика, чтобы отвлечь Россію отъ коалиціи противъ нея, стала подбивать Турцію противъ Россіи, и тутъ понадобился Суворовъ. Ему ввѣрились войска въ Екатеринославской губерніи, Таврической области и вновь присоединенномъ отъ Турціи краѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ ему было приказано руководить построеніемъ по проектамъ инженеръ-маіора де-Волана крѣпостей на границахъ, привести въ исправность войска, осмотрѣть берега и границы и, въ случаѣ надобности, измѣнить дислокацію войскъ. Вскорѣ по прибытіи на новое мѣсто службы, Суворовъ получилъ отъ русскаго резидента въ Константинополѣ Хвостова депешу съ такими словами: „Одинъ слухъ о битіи вашемъ на границахъ сдѣлалъ и облегченіе мнѣ въ дѣлахъ, и великое у Порты впечатлѣніе; одно имя ваше есть сильное отраженіе всѣмъ

внушеніямъ, кои отъ стороны зломыслящихъ на преклоненіе Порты къ враждованію намъ дѣлаются“. Прежде всего Суворовъ обратилъ вниманіе на сооруженіе укрѣпленій, и между прочимъ возвелъ укрѣпленія въ Севастополѣ, гдѣ при немъ начаты четыре форта, изъ нихъ два казематированные. Со свойственной ему энергіей, онъ готовился къ возможной войнѣ, что смутило не только Турцію, но и Францію, велѣлъ раздать по ротамъ для изученія свой „Катехизисъ“ и, горячо сочувствуя давно лелѣянному проекту Екатерины о взятіи Константинополя и завоеваніи Турціи, составилъ на французскомъ языкѣ и представилъ Екатеринѣ замѣчательный планъ наступательной войны съ Турціей, съ переходомъ черезъ Балканы, взятіемъ Константинополя и раздѣломъ Турціи. (Plans de campagnes et d'operations contre les Turcs, dictés à Kherson, le 10 novembre 1793, en langue française par le comte Souworow-Kimmisky, et envoyés par ordre suprême au Souverain).

Много заботъ приложилъ тогда Суворовъ къ возстановленію въ войскахъ нившей дисциплины, между прочимъ прекращенію дезертирства и побѣговъ въ донскихъ казачьихъ полкахъ, стоявшихъ въ Крыму, и улучшенію санитарной части въ войскахъ. Въ Крыму больныхъ было особенно много. Одинъ полкъ, стоявшій въ нездоровой мѣстности вблизи Карасубасара, Суворовъ перемѣстилъ въ Евпаторію. Въ Карасубазарскомъ провіантскомъ магазинѣ оказался совсѣмъ негодный провіантъ, гибельно отражавшійся на здоровья солдатъ. Во многихъ мѣстахъ казармы были построены изъ совсѣмъ сырого матеріала.

Вмѣстѣ съ этимъ Суворовъ пристально слѣдилъ за военными дѣйствіями противъ Франціи (1793—1794), ожидалъ вступленія Россіи въ коалицію, скучая въ Херсонѣ, жаловался на „тиранство своей судьбы“ и два раза подавалъ прошеніе Екатеринѣ объ увольненіи его въ западную Европу къ союзнымъ войскамъ. Императрица отказала ему, конечно, заявляя: „нынѣ, какъ и всегда, почитаю васъ отечеству нужнымъ“.

Въ мартѣ 1794 года начались волненія въ Польшѣ, гдѣ Таадей Косцюшко поднялъ возстаніе противъ Россіи. Онъ вступилъ въ сношенія съ турками и побуждалъ ихъ къ войнѣ съ Россіей, между прочимъ имѣлъ намѣреніе поднять возстаніе въ Крыму, перебить здѣсь всѣхъ русскихъ и сжечь нашъ флотъ. Должно было произойти нѣчто въ родѣ кровавыхъ избіеній русскихъ въ Польшѣ. Замыслы Косцюшки были обнаружены, и Суворовъ получилъ приказаніе предупредить ихъ осуществленіе, а затѣмъ онъ отправленъ былъ въ Польшу, гдѣ увѣнчалъ себя взятіемъ Варшавы.

По окончаніи польской войны, въ началѣ 1796 г. фельд-маршалъ Суворовъ въ послѣдній разъ получилъ назначеніе на югъ, который былъ послѣднимъ поприщемъ его славной дѣятельности въ предѣлахъ Россіи. Подъ его начальство назначены были войска въ губерніяхъ Брацлавской, Вознесенской, Екатеринославской, Харьковской и въ Таврической области. Штабъ-квартирой онъ выбралъ себѣ Тульчинъ. Снова начались заботы Суворова о благоустройствѣ войскъ, ихъ обученіи, дисциплинѣ и здоровьи. Знаменитая „Наука побѣждать“ была окончательно выработана,—но началось въ концѣ года новое царствованіе; тактика Суворова оказалась не годной, а вскорѣ и его самого постигла она, и служба его окончилась ссылкой.

Я разсмотрѣлъ тѣ моменты жизни и дѣятельности Суворова, которые связываютъ его славное имя съ Тавридой. Въ самую главную эпоху его дѣятельности въ Крыму онъ не былъ здѣсь вполнѣ самостоятельнымъ лицомъ; на его долю выпало быть исполнителемъ чужихъ замысловъ и предначертаній. Но роль исполнителя бываетъ часто и особенно трудной, и особенно важной и отвѣтственной. Впрочемъ, Суворовъ не былъ въ Крыму слѣпымъ орудіемъ чужого генія: ему пришлось здѣсь быть и военачальникомъ и дипломатомъ въ очень серьезное время въ жизни Крыма; отъ него требовалось много энергіи, настойчивости, много труда, силы воли и мужества. Только съ его энергіей можно было осуществить то предпріятіе, котораго испугался Прозоровскій и которое смущало даже Румянцева—переселеніе христіанъ изъ Крыма. Только съ его настойчивостью и распорядительностью можно было поддерживать порядокъ и миръ въ мятежномъ краѣ безъ пролитія капли крови и одними переговорами отклонить враждебные замыслы турокъ. Но надъ всѣми свойствами его мощнаго духа господствовалъ благородный его патріотизмъ, который руководилъ имъ въ его дѣяніяхъ, связавшихъ навсегда его имя съ Крымомъ, какъ одного изъ славныхъ сподвижниковъ Екатерины въ присоединеніи этой страны къ Россіи.

Арсеній Марневичъ.

К И Н Б У Р Н Ъ

(къ 6-му мая 1900 года)

Въ дни памяти нашего великаго чудо-богатыря А. В. Суворова считаю не лишнимъ припомнить имя одного заброшеннаго, забытаго и, можно сказать, стертаго съ лица земли уголка Таврической губернии, который, между прочимъ, не одинъ листъ вилелъ въ богатый лавровый вѣнокъ, украшавшій чело великаго героя. Этотъ уголокъ—Кинбурнь.

На самомъ западномъ краю Таврической губернии, на узкой и низкой песчаной косѣ, отдѣляющей Днѣпровскій лиманъ отъ Чернаго моря, до 60-хъ годовъ истекающаго столѣтія существовала отъ временъ турецкаго владычества небольшая крѣпостца Кинбурнь (по-турецки—Кильбурну), расположенная прямо противъ знаменитаго въ свое время Очакова и замыкавшая такимъ образомъ Днѣпровскій лиманъ отъ непріятельскихъ вторженій съ моря. Въ началѣ нашихъ турецкихъ войнъ прошлаго столѣтія важное стратегическое положеніе Кинбурна было уже очень хорошо понято русскими полководцами, и они при первой же возможности овладѣли этою крѣпостью; именно въ 1736 году это было сдѣлано генераломъ Леонтьевымъ. Въ 1739 г. Кинбурнь былъ срытъ и возвращенъ туркамъ, но по Кучукъ-Кайнарджійскому миру въ 1774 году снова уступленъ Россіи. Во вторую турецкую войну при Екатеринѣ II-ой Суворовъ расположилъ свой лагерь на Кинбурнской косѣ и не допускалъ съ моря подвоза подкрѣпленій къ Очакову, осажденному русскими войсками съ сухого пути. 14-го и 30-го сентября и 1-го октября 1787 года турки повели энергическую атаку противъ Кинбурна съ воды и суши и хотѣли овладѣть русскимъ лагеремъ, находившимся на открытой и ничѣмъ незащищенной косѣ; но Суворовъ заставилъ ихъ отступить съ большимъ урономъ. Въ слѣдующемъ году палъ и славный Очаковъ. Мѣстное преданіе взятіе его приписываетъ именно Суворову. По этому преданію, подъ 6-е декабря 1788

года сильный мороз сковалъ никогда не замерзающее гирло (устье) Днѣпра подѣ Очаковомъ, а турки, не предполагая, чтобы русскіе въ такой великій праздникъ, какимъ они считаютъ день святителя Николая, рѣшились сражаться, — совсѣмъ не стерегли своей крѣпости съ моря. Но Суворовъ, пользуясь крѣпкимъ льдомъ, подвезъ будто-бы пушки изъ Кинбурна къ Очакову и началъ штурмъ, кончившійся взятіемъ этой неприступной крѣпости. Съ этихъ поръ Очаковъ и Кинбурнъ сдѣлались уже навсегда достояніемъ Россіи.

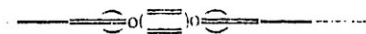
Въ память пребыванія Суворова въ Кинбурнѣ на небольшой площадкѣ передъ комендантскимъ домомъ былъ поставленъ на гранитномъ пьедесталѣ небольшой бронзовый бюстъ знаменитаго полководца, окруженный зарытыми до половины въ песокъ пушками, трофеями войны.

До Крымской войны Кинбурнъ, не смотря на свою незначительность, сохранялъ свое стратегическое положеніе и считался одною изъ важнѣйшихъ на Черномъ морѣ крѣпостей. По пространству крѣпость занимала не болѣе 2000 кв. саж., и была вооружена 30—40 орудіями со стороны лимана; (со стороны моря, по мелководью, почти не было орудій). Гарнизонъ крѣпости состоялъ обыкновенно изъ 500 человекъ, а въ мирное время доходилъ и до 200 человекъ. Предъ крѣпостью, вдоль косы, на разстояніи цѣлой полуверсты тянулся т.-наз. форштадтъ, состоявшій изъ ряда домиковъ, въ которыхъ жили семейства военныхъ и штатскихъ лицъ, имѣвшихъ такое или иное отношеніе къ крѣпости, а на берегу моря нѣсколько рыболовныхъ заводовъ по ту и другую сторону крѣпости оживляли однообразный видъ и жизнь Кинбурнской косы.

Въ 1855 году, 1-го октября, союзный флотъ англичанъ и французовъ подошелъ къ Кинбурну и осадилъ его съ двухъ сторонъ — съ моря и съ лимана; кромѣ того союзники высадили десантъ на Кинбурнскую косу, угрожая подойти къ крѣпости и съ сухого пути. 2-го октября началась усиленная бомбардировка крѣпости союзными судами. Три дня защитники Кинбурна мужественно отвѣчали на выстрѣлы враговъ изъ своихъ маленькихъ, полузаржавѣвшихъ пушекъ и твердо рѣшились стоять до конца за свое отечество. На третій день начался пожаръ въ крѣпости: загорѣлись казармы, церковь, взорвало нѣсколько пороховыхъ ящиковъ, было подбито нѣсколько пушекъ; гореть героевъ значительно поубавилась, а помощи ожидать нельзя было ни откуда. Ночью изъ Очакова пробрался въ Кинбурнъ на небольшомъ гребномъ катерѣ ве-

ликій князь Константинъ Николаевичъ, генераль - адмираль русскаго флота, увидѣлъ безпомощное положеніе защитниковъ, ободрилъ ихъ и посовѣтовалъ сдаться. Документы и деньги были увезены ночью, — и 5-го октября Кинбурнъ капитулировалъ. Союзники сдѣлали его лазаретомъ для своихъ раненныхъ подъ Севастополемъ и оставались въ Кинбурнѣ до конца войны. Послѣ Парижскаго мира Кинбурнъ былъ возвращенъ Россіи, но англичане забрали изъ него все желѣзо и мѣдь, даже старыя пушки и ядра. Въ числѣ трофеевъ они, конечно, увезли и бюстъ безсмертнаго Суворова. Немногія церковныя вещи, въ томъ числѣ Суворовское евангеліе, сосуды и иконы были возвращены изъ Лондона и переданы въ крѣпостную церковь сосѣдняго Очакова. Крѣпость послѣ Крымской войны уже не была восстановлена и до сихъ поръ остается въ развалинахъ. Въ ней никто не живетъ, — и самый форштадтъ разсыпанъ. Только небольшое англо-французское кладбище съ полусогнившими и упавшими деревянными крестами напоминаетъ о вповнивахъ великой катастрофы, постигшей Кинбурнъ, да нѣсколько рыбачьихъ заводовъ лѣтомъ оживляютъ пустынные берега Кинбурнской косы. Кинбурна теперь нѣтъ. Замѣчательно, что и на грамотѣ, Высочайше жалованной жителямъ Таврической губерніи послѣ Крымской войны и хранящейся въ Симферопольскомъ соборѣ, въ числѣ городовъ и мѣстъ Таврической губерніи, пострадавшихъ въ Крымскую войну и поименно перечисленныхъ на поляхъ грамоты, нѣтъ имени Кинбурна, какъ-бы въ доказательство того, что война стерла его съ лица земли. Но это имя не должно быть забыто, такъ какъ оно связано съ именемъ нашего великаго героя-полководца.

А. Ивановъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ТАВРИДѢ

ИННОКЕНТІЯ

Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

(Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Таврической Ученой Архивной Комиссіи
15-го декабря 1900 года).

*Ваше Преосвященство, Высокочтимые Отцы,
Милостивые Государи!*

Съ невольнымъ смущеніемъ приступаю я къ исполненію возложенной на меня обязанности предложить Вашему благосклонному вниманію нѣсколько словъ о приснопамятномъ архіепископѣ Иннокентіи, со дня рожденія котораго исполнилось нынѣ сто лѣтъ. Мое слово слишкомъ слабо для того, чтобы мнѣ говорить о геніальномъ русскомъ витіи, вдохновенное слово котораго волновало нѣкогда всю Россію, неоднократно слышалось и въ Тавридѣ, и въ нашемъ городѣ, и такъ близко отъ этого мѣста; мои силы слишкомъ слабы для того, чтобы изобразить все величіе духа, высоту и разносторонность дѣятельности человѣка, котораго историкъ Погодинъ назвалъ „звѣздой отечества“ и „человѣкомъ всероссійскимъ“; ¹⁾ я боюсь, наконецъ, что не сумѣю быть истиннымъ выразителемъ тѣхъ чувствъ глубокаго благоговѣнія къ памяти незабвеннаго іерарха и сыновней благодарности къ его дѣятельности, которыми мы проникнуты въ настоящую минуту.

Я не буду излагать всѣ обстоятельства жизни и дѣятельности архіепископа Иннокентія, не буду останавливаться на его ученыхъ трудахъ, доставившихъ ему званіе почетнаго члена нашей Академіи Наукъ, и его архипастырскомъ служеніи. Моя задача гораздо проще: припомнить тѣ обстоятельства жизни и дѣятельности святителя Иннокентія, которыя навѣки связали его великое, свѣтлое имя съ Тавридой и ея исторіей.

¹⁾ Въ письмѣ къ Иннокентію авг. 1848 г. Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. XV, стр. 818.

Имя приснопамятнаго владыки Иннокентія, какъ выдающагося ученаго—богослова и историка и необыкновеннаго церковнаго витія, стало гремѣть по всей Россіи еще въ то время, когда онъ былъ ректоромъ Кіевской духовной академіи. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ санѣ викарнаго епископа Чигиринскаго, преосв. Иннокентій былъ назначенъ епископомъ въ Вологду, гдѣ вполне обнаружилия административныя его способности и всесторонность его души. Сѣверный Вологодскій край полюбился владыкѣ Иннокентію и суровымъ величіемъ своей природы и еще болѣе своей исторіей и памятниками древности. Этотъ край Иннокентій называетъ „древнѣйшею и весьма примѣчательною частію Россіи“. „обѣтованной страной церковной археологіи во всѣхъ видахъ“. 1).

Но „сѣверъ“, говоря словами владыки, былъ для него „страной чуждой“. 2). Въ письмѣ къ Рязанскому архіепископу Гавріилу онъ упоминаетъ о своей „склонности къ путешествіямъ и исторіи“, и помышляетъ о путешествіи на Востокъ, въ Палестину, на Синай и на Аѳонъ, къ чему данъ былъ имъ, по словамъ его, и „полюбіть“: 3). Указывая на необходимость учрежденія въ Іерусалимѣ своего, русскаго епископата, на обширное поле нашей дѣятельности на Востокѣ, преосв. Иннокентій предлагалъ въ случаѣ надобности свои услуги: „ибо потрудиться на Востокѣ для блага Церкви было бы для меня, пишетъ онъ, не трудомъ, а наслажденіемъ душевнымъ“. Но не суждено было ему осуществить своей мечты побывать и потрудиться въ святыхъ мѣстахъ Востока, а Аѳонъ онъ самъ создалъ въ иномъ мѣстѣ.

Въ 1841 году Иннокентій получилъ высшее назначеніе—постъ архіепископа Харьковскаго. 4) Не останавливаясь долго на дѣятельности его въ Харьковѣ на благо епархіи и рус-

1) Письмо Иннокентія къ арх. Рязанскому Гавріилу отъ 6 марта 1842 г. (Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XIV, стр. 738—9). Въ Вологдѣ Иннокентій составилъ коллекцію древнихъ антиминсовъ и мечталъ составить три коллекціи первопечатныхъ книгъ и разослать въ подарокъ по духовнымъ академіямъ.

2) Письмо къ арх. Гавріилу отъ 14 дек. 1843 г. Ibid., стр. 751.

3) Письмо отъ 2 сент. 1841 г. Ibid. 733—735, 740.

4) По пути въ Харьковъ Иннокентій внимательно осматривалъ древніе храмы Ярославля, Костромы, Суздаля и Владиміра на Клязьмѣ; и въ Москвѣ взоръ на синодальную бібліотеку опять пробудилъ въ немъ сильную грусть о томъ, что мы не брежемъ доселѣ разобрать сокровища, въ ней наваленныя кучей“. Ibid. стр. 739.

ской церкви, укажу только на восстановление имъ древнихъ святынь въ томъ краѣ (Святогорскаго, Ахтырскаго монастырей) и учрежденіе новыхъ монастырей, „въ украшеніе и назиданіе цѣлаго края, скуднаго святынею церковною“, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ архіепископу Гавріилу ¹⁾. Въ то же время онъ продолжалъ свои научно-историческіе труды, много занимался въ архивахъ и бібліотекахъ, составилъ программу церковнаго архива—изданія, въ которомъ собраны были бы все памятники, касающіеся исторіи русской церкви, и мечталъ составить сборникъ свидѣтельствъ византійскихъ и западныхъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи нашей церкви. ²⁾.

Послѣ семилѣтняго святительскаго служенія на кафедрѣ Харьковской, 24 февраля 1848 года преосв. Иннокентій былъ назначенъ на кафедру Херсоно-Таврическую, на которой оставался и трудился во славу Россіи и благо Новороссійскаго края до конца дней своихъ, въ теченіе девяти съ небольшимъ лѣтъ. Хотя тяжело было Иннокентію разставаться съ „любимымъ и любимымъ его Харьковомъ“, но съ удовольствіемъ, можно думать, принялъ онъ назначеніе въ Новороссійскій край, который и по климату болѣе соответствовалъ его довольно слабому здоровью, и былъ ближе его душѣ, чѣмъ „чуждыя ему страны сѣвера“. Еще въ бытность свою ректоромъ Кіевской академіи интересовался Иннокентій Крымомъ, высказывалъ желаніе побывать въ немъ, что и исполнилъ въ 1836 году, воспользовавшись для этого обзорѣніемъ своего академическаго округа. Теперь Крымъ сдѣлался предметомъ его особенныхъ заботъ. ³⁾. Историкъ Погодинъ, привѣтствуя владыку „на новомъ полѣ“, желалъ ему „обѣять его подобно Вологодскому и Харьковскому“. ⁴⁾. Знаменательно, что 1848-ой годъ, когда Иннокентій былъ назначенъ архіепископомъ Таврическимъ, былъ началомъ археологической дѣятельности на югѣ Россіи, и въ частности въ Тавридѣ, знаменитаго нашего археолога гр. А. С. Уварова. Привѣтствуя Иннокентія съ назначеніемъ на новую кафедру, Погодинъ писалъ: „Рекомендую Вамъ молодого графа Уварова. Онъ является

¹⁾ 6 марта 1843 г. Ibid. стр. 747.

²⁾ Н. М. Востоковъ. Иннокентій, арх. Херс. и Таврич. Русск. Стар. 1879, т. XXIV, стл. 652—3.

³⁾ Ibid. стр. 682.

⁴⁾ Письмо отъ 20 мая 1848 г. Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XV, стр. 816.

на Черное море для изслѣдованій археологическихъ. Поласкайте его, и помогите ему“. ¹⁾

Присутствованіе въ Св. Синодѣ въ первые годы служенія на югѣ не позволяло Иннокентію отдавать новой паствѣ все свое время. Но, прибывши въ Одессу 29-го мая 1848 года, уже лѣтомъ этого года онъ успѣлъ, несмотря на свирѣпствовавшую тогда на югѣ холеру, осмотрѣть значительную часть своей епархіи, и въ частности Тавриду, „побывалъ на югѣ, обозрѣлъ все поморіе... Поле обширное для труда, пишетъ онъ архіеп. Гавріилу: Новая Россія. Если кому, то владыкѣ Херсонскому надобно жить на своемъ мѣстѣ—дома; ибо это авачность духовный Россіи предъ Востокомъ“. ²⁾

Объѣхавъ Тавриду, архіепископъ Иннокентій ясно увидѣлъ ея духовныя нужды. Если Харьковскую Украину онъ называлъ „скудной святынею церковною“, то что было сказать о Тавридѣ, иѣкогда такъ богатой этой святыней, но о которой священникъ Іаковъ Лызловъ еще въ 1634 году говорилъ, что здѣсь „промежъ горъ живетъ много армянъ и христіанъ (т. е. грековъ православныхъ), но благочестіе изсякло отъ татарскаго поселенія“... ³⁾

Предшественникъ архіеп. Иннокентія на каѳедрѣ Херсонско-Таврической арх. Гавріилъ ознаменовалъ дѣятельность свою учеными изслѣдованіями и описаніемъ памятниковъ христіанской, особенно православной древности въ Крыму; предъ архіепископомъ Иннокентіемъ открылось другое—великое и близкое его душѣ дѣло возстановленія древнихъ церковныхъ святынь въ Тавридѣ, дѣло, въ которомъ сразу проявилось его духовное единеніе съ здѣшней паствой, ея нуждами и желаніями. Уже въ первый годъ своего архипастырскаго служенія здѣсь ему привелось довершить дѣло, начатое еще при арх. Гавріилѣ, возобновленія древней церкви въ д. Біасалахъ Симферопольскаго уѣзда, ⁴⁾ въ недавнее время реставриро-

¹⁾ Ibid. стр.817.

²⁾ Письмо отъ 22 дек. 1848 г. Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. XIV, стр. 760. Жалобы на невозможность постоянно оставаться въ епархіи мы читаемъ также во многихъ письмахъ Иннокентія къ Сербиновичу. Русск. Стар. 1879 г. Т. XXIV, 675—681.

³⁾ Зап. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн., Т. II, стр. 683.

⁴⁾ Церковь эта, въ честь св. Іоанна Предтечи, построена въ 1587 г. Готейскимъ епископомъ Константіемъ и возобновлена на средства пселянина Карпа Савельева. Дѣло Таврич. Дух. Консист. 1849 г. о возстановленіи Біасальской церкви.

ванной вторично и заслуживающей особеннаго вниманія своею запрестольной фресковой иконой.

Архіепископъ Иннокентій обратилъ все свое вниманіе на обиліе развалинъ древнихъ христіанскихъ храмовъ въ Тавридѣ и, несмотря на трудности путешествія по горамъ Крымскимъ, посѣтилъ многія изъ этихъ развалинъ, особенно тѣ, которыя чествовались народомъ, и приглашалъ мѣстное православное населеніе къ возстановленію древнихъ святынь крымскихъ. Жители Крыма съ полнымъ сочувствіемъ пошли на встрѣчу владыкѣ въ этомъ дѣлѣ. Именно, 9-го августа 1849 года жители Симферополя, Бахчисарая, Алушты и прочихъ сосѣднихъ городовъ и селеній, „одушевленные ревностію ко славѣ Божіей и православной вѣрѣ“, обратились съ просьбой къ новому своему владыкѣ Иннокентію, „въ увѣренности, что она будетъ ему по сердцу“, принять мѣры къ постепенному возстановленію древнихъ христіанскихъ храмовъ въ Крыму, хотя по главнѣйшимъ мѣстамъ, „ознаменованнымъ древнею святынею“. Прежде всего они просили учредить скитъ въ Бахчисарайской Успенской скалѣ, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ небольшія киновіи, въ зависимости отъ Бахчисарайскаго монастыря, чтобы такимъ образомъ, „сообразно природному свойству здѣшнихъ мѣстъ, похожему на извѣстную во всемъ мірѣ христіанскомъ гору Аѳонскую, на горахъ Крымскихъ могъ составиться современемъ нашъ русскій Аѳонъ“¹⁾.

Это ходатайство, встрѣтившее полное сочувствіе князя М. С. Воронцова, которому очень понравился *проектъ крымскій*²⁾ преосв. Иннокентія, владыка, со своей запиской, представилъ въ Св. Синодъ, который призналъ ходатайство пре-

1) Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, № 5, стр. 81—83.—Просители желали видѣть возстановленными и защищенными отъ окончательнаго разрушенія слѣдующіе храмы и мѣста: 1) древнюю церковь св. Анастасіи, въ имѣніи Хвицкаго, по р. Качѣ; 2) древнюю церковь въ скалѣ Инкерманской; 3) урочище съ источникомъ св. Іоанна Предтечи близъ д. Комаровъ; 4) источникъ Судукъ-су свв. безсребренниковъ Космы и Даміана, на р. Алмѣ, у подошвы Чатырдага; 5) церковь пророка Іліи въ Козской долинѣ; 6) церковь апостола Матѳея въ Судакской долинѣ; 7) церковь св. Параскевы въ урочищѣ Топлу; 8) церковь св. Георгія близъ Стараго Крыма, у подошвы горы Агермышь; 9) церковь св. Іоанна Предтечи съ источникомъ у горы Кизильташь и 10) церковь св. Георгія въ уроч. Катерлезъ, близъ Керчи.

2) Письмо Иннокентія къ Сербиновичу отъ 29-го сент. 1849 года Русск. Стар. 1879 г. Т. XXIV, стр. 682—3.

освященнаго заслуживающимъ полнаго одобренія. Въ своей „Запискѣ о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ Крымскимъ“ архіеп. Иннокентій прежде всего говоритъ о важности этого возстановленія: „а) этимъ поддержалась бы, въ особенности въ глазахъ иновѣрцевъ, честь вѣры христіанской и самого правительства; б) сохранились бы отъ конечнаго разрушенія мѣста, по многимъ причинамъ стоющія вниманія всякаго просвѣщеннаго человѣка; в) образовались бы неприимѣтно средоточія тихаго, благотворнаго дѣйствованія вѣры христіанской на окрестное населеніе татаръ, и кто знаетъ? можетъ быть, приготовили бы постепенное сближеніе мусульманъ крымскихъ съ христіанствомъ; д) самимъ путешественникамъ по горамъ Крымскимъ пріятно было бы, вмѣсто мертвыхъ и безжизненныхъ развалинъ, наводящихъ грусть и уныніе, находить по мѣстамъ пристанища священныя, гдѣ бы, вмѣстѣ съ тѣломъ, могъ опочить и духъ“. Указывая значеніе священныхъ мѣстъ, о возстановленіи коихъ ходатайствовало населеніе Крыма, Иннокентій присоединяетъ къ нимъ развалины Херсонеса, гдѣ „надлежало быть и церкви, предположенной къ постройкѣ отъ лица всей Россіи въ память крещенія Владимірова“, ¹⁾ и гдѣ онъ предлагаетъ возобновить древнюю церковь и устроить помѣщеніе для служащихъ и насадить садъ. Далѣе Иннокентій указываетъ въ своей запискѣ на скитскій видъ монашества, какъ на самый цѣлесообразный для Крыма, хранимый во всей силѣ на горѣ Аѳонской и хорошо знакомый въ Россіи. Затѣмъ преосвященный Иннокентій указываетъ на сходство физическихъ условій Крыма и Аѳона и на превосходство Крыма предъ Аѳономъ для нашихъ соотечественниковъ, которые ищутъ безмолвія въ тамошнихъ обителяхъ; что же касается „святыхъ воспоминаній“, то и ими. говоритъ онъ, Таврія не уступитъ никакому Аѳону“. „Какъ бы хорошо было посему устроить нашъ Русскій Аѳонъ!.. Крымъ нашъ съ горами своими и съ священными воспоминаніями. кои пришли въ забвеніе у православной Россіи только по невниманію къ нимъ г.г. Кепшеновъ и Монтандоновъ (говоря сіе, нисколько не думаемъ отнимать ихъ ученаго достоинства), представляетъ къ тому единственное средство“.

Изъ всѣхъ священныхъ мѣстъ Крыма предлагалъ онъ учредить одно иноческое братство со средоточіемъ въ Успен-

¹⁾ Первоначально мѣстомъ для сооруженія этого храма предназначался Севастополь.

скомъ скиту. Намѣчалъ онъ и занятія для будущихъ пустынноиковъ крымскихъ. „Кто можетъ, пусть занимается собраніемъ историческихъ преданій и описаніемъ древностей; другой пусть посвящаетъ свободное время на писаніе св. иконъ; третій на собраніе цѣлебныхъ травъ и подаваніе помощи болящимъ; четвертый на приѣмъ и путеводительство страппиковъ; пятый на разведеніе винограда, смоквъ и пр. и т. д. Небезполезно, чтобы нѣкоторые по крайней мѣрѣ знакомились съ языкомъ татарскимъ, дабы могли вести при случаѣ рѣчь съ татарами“. Обративъ, наконецъ, вниманіе на то, что учрежденіе скитовъ и пустынножительства въ Крыму не требуетъ особыхъ расходовъ отъ правительства, архіепископъ заключаетъ: „таковъ вкратцѣ планъ будущаго Аѳона. Отъ казны ничего, все отъ Бога! Да дастъ же Господь, чтобы это предначертаніе осуществилось въ томъ или другомъ видѣ, исполнѣ или отчасти, руками нашими и при насъ, или руками другихъ и въ другое время—все равно, только бы все, имѣющее совершиться, обратилось во славу Божию, къ пользѣ святой церкви, для блага человѣчества, къ чести Монарха и имени Русскаго!“¹⁾

Справедливо говорить проф. Палимпсестовъ, что преосвященный Иннокентій, „водимый любовію къ родной землѣ, черезъ открываемыя въ Крыму обители желалъ вдохнуть и укрѣпить и въ этотъ юный разноплеменный край тотъ же духъ православія и русской народности, которыми созидалась, живетъ и крѣпнетъ наша православная Русь“²⁾.

Получивъ воспослѣдовавшее 15-го апрѣля 1850 года высочайшее соизволеніе на открытіе Бахчисарайскаго скита съ подчиненными ему киновіями и съ утвержденіемъ общежительнаго образа жизни въ Крымскихъ скитахъ, по примѣру пустынножительства Аѳонскаго, съ примѣненіемъ къ мѣстнымъ условіямъ, архіепископъ Иннокентій немедленно приступилъ къ трудамъ по обновленію Успенскаго скита,—этой важнѣйшей въ Крыму святыни греческой,—еще недавно опустѣвшаго, который, по выраженію Муравьева-Апостола, „предназначался быть начальною лаврою для всѣхъ будущихъ скитовъ

¹⁾ Изв. Тавр. Учен. Арх. Комм., № 5, стр. 87—97. Объ учрежденіи русскаго Аѳона преосв. Иннокентій энергично настаивалъ и въ своихъ письмахъ къ Сербиновичу. Буткевичъ. Иннокентій Борисовъ б. архіепископъ Херсонскій, стр. 338—9. Русск. Стар. 1879, I, 682—683.

²⁾ Палимпсестовъ. Мои воспоминанія о преосв. Иннокентіи, арх. Херсонскомъ и Таврическомъ, стр. 98—100.

крымскихъ“. ¹⁾ Архієпископъ Иннокентій выработалъ планъ построекъ и исправленій въ этомъ скиту, большая часть которыхъ и осуществлена, употребилъ стараніе къ отводу скиту городомъ Бахчисараемъ и частными лицами земельныхъ угодій и пр. Нужно было найти и человѣка, достойнаго стать во главѣ возобновляемаго монастыря и всего монашества крымскаго, и Иннокентій нашелъ его. Онъ вызвалъ изъ Кіевопечерской лавры архимандрита Поликарпа, который по окончаніи духовной академіи въ Кіевѣ служилъ сначала по духовно-учебному вѣдомству, а потомъ долгое время былъ начальникомъ нашей миссіи въ Аѳинахъ, много путешествовалъ по святымъ мѣстамъ Востока, извѣстенъ былъ своею благочестивою жизнію и совершенно былъ подготовленъ къ предстоящимъ ему трудамъ въ Тавридѣ.

Освященіе скита назначено было на 15-е августа 1850 года. 6-го августа Иннокентій прибылъ въ Симферополь, а на другой день отправился для обозрѣнія достопримѣчательныхъ мѣстъ Крыма, посѣтилъ источникъ свв. Космы и Даміана, источникъ св. Анастасіи на Качѣ, пещеры Инкермана и развалины Херсониса, 12-го къ полуночи возвратился къ источнику св. Анастасіи, гдѣ на другой день освятилъ въ тамошней церкви придѣлъ во имя страстной иконы Божіей Матери; затѣмъ часовъ въ 6 вечера отправился съ архимандритомъ Поликарпомъ и проводниками пѣшкомъ въ Успенскій скитъ, путемъ богомольцевъ, прямо черезъ гору, и прибылъ туда въ 12 часовъ ночи. Здѣсь 14-го числа совершилъ онъ всенощное бдѣніе за тѣснотою церкви прямо на площадкѣ передъ скалою при громадномъ стеченіи народа ²⁾. Утромъ 15-го числа Иннокентій служилъ литургію въ Бахчисарайскомъ соборѣ, послѣ которой совершилъ невиданный по своей торжественности въ этихъ мѣстахъ крестный ходъ въ Успенскій монастырь и послѣ литургіи въ монастырской церкви, совершенной греческимъ митрополитомъ Агаѳангеломъ, жившимъ въ Георгіевскомъ монастырѣ, отслужилъ молебствіе на основаніе новой обители и произнесъ одну изъ дивныхъ своихъ проповѣдей, а затѣмъ сказалъ умиленное наставленіе и пріѣтствіе первымъ инокамъ новаго монастыря.

И такъ, начало было сдѣлано. Другія святыни положено

¹⁾ Впечатлѣнія Украины и Севастополя. 1859 г., стр. 60.

²⁾ Съ этого времени всенощное бдѣніе въ этотъ день всегда совершается въ Успенскомъ скиту на этомъ же мѣстѣ подъ открытымъ небомъ.

было открывать постепенно, по мѣрѣ накопленія средствъ. Съ радостью пишетъ преосвященный Иннокентій архіепископу Рязанскому Гавріилу: „И Крымъ нашъ, слава Богу, начинается оттаивать отъ льда магометанскаго. Новый скитъ Бахчисарайскій видимо обращаетъ на себя дружелюбное—что всего лучше—вниманіе татаръ. Не проходитъ недѣли, чтобы не являлось какое-либо семейство татарское, которое просить, какъ милости, быть допущеннымъ въ пещерную церковь; допущенное, становится на колѣни предъ образомъ Богоматери и молится со слезами. Все это ободряетъ насъ на труды для новаго святаго мѣста. А труды, надобно признаться, не малые,—и по недостатку средствъ, и по отдаленности отсюда (т. е. отъ Одессы) мѣста, и по иноплеменности жителей“. 3-го апрѣля 1851 года владыка писалъ ему-же: „Крымъ нашъ, т. е. новое пустынножителство по чину Аѳонскому, идетъ, слава Богу, хорошо: есть до десятка добрыхъ старцевъ, а болѣе и не нужно на первый разъ, ибо еще не устроены для нихъ жилища“¹⁾. Особенно хвалить онъ архимандрита Поликарпа: „мы воистину богаты симъ человѣкомъ“.

Колыбель русскаго христіанства, купель св. равноапостольнаго князя Владиміра — Херсонисъ обратилъ на себя особенное вниманіе архіепископа Иннокентія, по представленію котораго Св. Синодъ разрѣшилъ открыть на развалинахъ Херсониса киновію 4-го мая того-же 1850 года. Много потрудился преосвященный Иннокентій по вопросу объ отчужденіи этой мѣстности (равно какъ и остатковъ святыни Инкерманской) изъ морского вѣдомства въ епархіальное, послѣ чего рѣшилъ немедленно начать богослуженіе въ этомъ святомъ мѣстѣ и построить здѣсь храмъ въ память крещенія Владиміра Святого, и самъ въ 1852 году проектировалъ планъ предполагаемаго храма въ стилѣ византійскихъ базиликъ IX вѣка. Для устройства хоть небольшого пока храма и киновіи въ Херсонисѣ онъ послалъ туда іеромонаха Василія, изъ окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Съ удивительною ревностью къ святому дѣлу іеромонахъ Василій вскорѣ обнесъ развалины Херсониса стѣною и построилъ небольшой храмъ съ келіею, которые были освящены преосвященнымъ Иннокентіемъ 28-го фѣвраля 1853 года. Въ то же время преосвященный внимательно слѣдилъ за ходомъ раскопокъ въ

¹⁾ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. т. XIV, стр. 764—5. Также письмо къ Сербинновичу отъ 18 дек. 1950 г. Востоковъ, Иннокентій, арх. Херсонскій и Тавричскій. Русск. Стар. 1879 г. т. XXIV, стр. 685.

Херсонисѣ гр. Уварова, принималъ въ нихъ участіе и выхлопоталъ разрѣшеніе на устройство въ Херсонисѣ музея христіанскихъ древностей, найденныхъ здѣсь при раскопкахъ.¹⁾ Одну изъ открытыхъ въ Херсонисѣ церковей гр. Уваровъ и преосвященный Иннокентій признали тою церковью въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, въ которой крестился Св. Владиміръ.

Въ 1852 году преосвященный Иннокентій возстановилъ киновію Инкерманскую, при чемъ открылъ здѣсь храмъ во имя св. Климента,²⁾ и это событіе совпало съ появленіемъ въ свѣтъ во II томѣ Записокъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей статейнаго списка русскаго посланника въ Крымъ (въ 1634—5 г.) Бориса Дворенникова, съ замѣчательнымъ сказаніемъ бывшаго при немъ священника Іакова Лызлова объ Инкерманскихъ святыняхъ, съ предсказаніемъ неизвѣстнаго святого, что въ этихъ мѣстахъ водворится Русь³⁾. Это произведеніе поразило Иннокентія, и о немъ онъ сообщилъ, какъ о весьма замѣчательномъ, великому князю Константину Николаевичу.

Не забывалъ Иннокентій своихъ скитовъ крымскихъ ни въ Одессѣ, ни въ Петербургѣ, во время ежегоднаго присутствованія въ Синодѣ. „Шумъ и блескъ столичный если полезенъ для насъ, пишетъ онъ архіепископу Гавріилу 13-го декабря 1852 года, то тѣмъ особенно, что возбуждаетъ и усиливаетъ въ насъ жажду къ пустынножительству Крымскому, которое, благодареніе Господу, хотя и медленными стопами, но идетъ впередъ и пускаетъ корни и вѣтви по всему горному хребту Таврическому“. ⁴⁾ Черезъ нѣсколько дней, 27-го декабря, онъ пишетъ ему же: „И скиты наши въ Куыму, слава Богу, выходятъ изъ земли и принимаютъ видъ, подобающій святымъ мѣстамъ. Но это дѣло не годовое. а многихъ десятилѣтій. Главные недостатки въ людяхъ, способныхъ понести тягость первоначальнаго, неустроеннаго еще бытія скит-

¹⁾ Предметы, касающіеся классической древности, представлялись въ Императорскій Эрмитажъ.

²⁾ Позже, въ 1855 г., этотъ храмъ былъ приспособленъ къ богослуженію, и въ немъ былъ поставленъ парусинный иконостасъ изъ походной церкви.

³⁾ „Повѣсть извѣстна и удивленію достойна о мощахъ невѣдомаго святаго, како обрѣтошася и въ коихъ странахъ и въ коемъ градѣ и въ которое время. Списана многогрѣшнымъ попомъ Іаковомъ въ лѣто 7143“. Сообш. кн. М. Оболенскій. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. II, 685—692.

⁴⁾ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XIV, стр. 765.

(х) Отъ того же гр. Уварова, — это рукопись, принадлежавшая отцу его, г. Ам. Сефр. Уварова. —

скаго“¹⁾). Съ радостію писалъ Иннокентій и другу своему Сербиновичу о томъ, что скиты Крымскіе помаленьку устроятся. „Теперь, пишетъ онъ ему 20-го декабря 1853 года, можно съ увѣренностію сказать, что пустынножителство Таврическое не благочестивое мечтаніе, а истинное событіе и дѣло благое“²⁾).

Со времени назначенія своего въ Одессу, архіепископъ Иннокентій ежегодно посѣщалъ Тавриду и Крымъ, даже болѣе, нерѣдко въ одно лѣто бывалъ въ Крыму раза по два. Гдѣ можно было, въ экипажѣ, гдѣ нельзя было—верхомъ, а то и пѣшкомъ путешествовалъ неутомимый владыка „по всему свѣту новороссійскому“³⁾, посѣщая самыя дикія, неприступныя мѣста Крыма съ остатками древнихъ святынь христіанскихъ. Мы имѣемъ два подробныя описанія этихъ путешествій Иннокентія—г. Палимпсестова, касающагося обширнаго путешествія преосвященнаго Иннокентія по Крыму 1851 года,⁴⁾ съ умиленнымъ рассказомъ о посѣщеніи источника Космы и Даміана, подъемѣ оттуда на Чатырдагъ и одинокой продолжительной молитвѣ Иннокентія въ полночь на вершинѣ этой горы, которую онъ особенно любилъ и на которой мечталъ также воздвигнуть храмъ⁵⁾,—и Завадовскаго, 1853 года; обзорѣне владыкою Феодосійскаго уѣзда, когда онъ посѣтилъ, кромѣ Феодосіи, Отузы, Козы, Коцсель, Судакъ, Кизильташъ, Кишлавъ, Старый Крымъ и др.⁶⁾

Очевидцы передаютъ, что преосвященный Иннокентій обнаруживалъ во время этихъ путешествій необыкновенную наблюдательность и высказывалъ глубокія соображенія по поводу разныхъ обстоятельствъ и условій мѣстной жизни⁷⁾. Онъ любилъ и красоты природы здѣшняго края, но сожалѣлъ,

¹⁾ Ibid., стр. 766.

²⁾ Русс. Стар. 1879 г. т. XXVI, стр. 685—686.

³⁾ Письмо къ Сербиновичу отъ 20 дек. 1851 г. Ibid. 681.

⁴⁾ Къ этой поѣздкѣ въ Крымъ относится замѣтка преосв. Иннокентія на докладѣ Симферопольскаго протоіерея Михаила Родіонова отъ 3 авг. 1851 г., точную копию съ которой прилагаемъ къ настоящей статьѣ.

⁵⁾ Въ саду на своей дачѣ въ Одессѣ преосв. Иннокентій насыпалъ холмъ, похожій на Чатырдагъ, съ витой дорожкой на его вершину, и часто подолгу оставался на немъ, погруженный въ глубокія думы. Были въ томъ саду и другіе холмы, на подобіе Ай-Петри, Ай-Василия и др.

⁶⁾ Завадовскій. Сто лѣтъ жизни Тавриды.

⁷⁾ По словамъ Завадовскаго, Иннокентій едвали не первый указалъ, что если бы провести воду, господствующую надъ прудомъ б. Славичъ въ Симферополь, то этотъ городъ былъ бы богатъ водою. Сто лѣтъ жизни Тавриды, стр. 201.

что русскіе люди не цѣнятъ „своей благодатной Италіи“ и не пользуются нашимъ южнымъ берегомъ, который для нихъ могъ бы быть и овчею купелью и сілоамомъ.

Но не только узами любящаго пастыря былъ связанъ преосвященный Иннокентій съ Тавридой,—онъ былъ связанъ съ нею и узами истиннаго патріота и гражданина земли русской. Онъ сожалѣлъ, что здѣшнія богатыя земли раздавались всѣмъ, а не однимъ только русскимъ людямъ; скорбѣлъ, что къ Крыму, „этой самой уязвимой окраинѣ Россіи“, не было проведено шоссеиной дороги; 50 лѣтъ назадъ онъ думалъ о томъ, что осуществлено такъ недавно,—о введеніи въ здѣшнихъ нѣмецкихъ школахъ русскаго языка, той силы, которая должна объединять всѣ разнообразныя народности нашего отечества; скорбѣлъ о томъ, что въ Тавридѣ не были положены троинки для распространенія Евангельскаго слова среди татарскаго населенія, значительная часть котораго еще не такъ давно была христіанской; сожалѣлъ о жалкомъ и необезпеченномъ положеніи нашего духовенства въ Крыму, между тѣмъ какъ магометанское обладаетъ огромнымъ количествомъ вакуфныхъ земель; считалъ ненормальнымъ то явленіе, что въ то время какъ православные приходы ограничены количествомъ душъ, магометанскіе не ограничены въ этомъ отношеніи ¹⁾.

Эти чувства гражданина—патріота архіепископъ Иннокентій высказалъ лучше всего въ своихъ замѣчательныхъ письмахъ къ великому князю Константину Николаевичу, который письмомъ отъ 17-го января 1852 года изъ Венеціи изъяснилъ желаніе получить отъ него свѣдѣнія „о преуспѣянніи на полуостровѣ Таврическомъ общежительствъ, устроенныхъ тамъ на подобіе пустынножительствъ Аэона, и вообще имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о духовной жизни ввѣренной ему паствы“.

Въ отвѣтъ своемъ на рескриптъ великаго князя отъ 27 февраля 1852 года Иннокентій сообщаетъ ему свѣдѣнія о возстановленномъ скитѣ Бахчисарайскомъ и предложенномъ возрожденіи святынь на развалинахъ Херсониса и въ пещерахъ Инкермана, и далѣе высказываетъ нѣсколько мыслей о духѣ своей паствы Херсоно-Таврической. При этомъ онъ затрудняется сказать „что-либо порадостнѣе“, такъ какъ „часть радованія видимо еще не пришелъ для насъ“; говоритъ о необходимости положить здѣсь много, очень много труда, гово-

¹⁾ Палимпсестовъ. Мои воспоминанія объ Иннокентіи, архіепископѣ Херс. и Таврич., стр. 42—3, 44, 46—7, 48.

речь о разноплеменности состава здѣшняго населенія и епархій, „что представляет собою богатый матеріалъ для наблюдений весьма поучительныхъ. По счастливому свойству русскаго духа объединять собою все разносоставное, пишетъ Иннокентій, сіи разности давно бы могли слиться въ одинъ стройный обликъ, если бы не мѣшала тому еще одна (несчастливая!) религіозно - характеристическая черта здѣшняго края, произникшая изъ свойства самаго происхожденія и образованія его и состоящая въ томъ, что, живя среди инородцевъ и иностранцевъ, подлежа непрестанному тѣловому вліянію изъ-за моря, рѣдкіе не привыкають непримѣтно къ безразличію въ вѣрѣ и не становятся хладными къ св. обрядамъ своей церкви. Отраднo между тѣмъ видѣть, какъ христіанство, стоя у насъ лицомъ къ лицу съ магометанствомъ, даже безъ всякихъ человѣческихъ средствъ, рѣшительно обнажаетъ собою бѣдность послѣдняго и, видимо, возносится надъ нимъ своимъ внутреннимъ превосходствомъ, по сознанію самихъ благомыслящихъ мусульманъ“. Говоря далѣе о томъ, что въ этомъ краѣ многое дѣлалось наскоро, безъ должной осмотрительности и проицательности, преосвященный Иннокентій заключаетъ: „Посему-то теперь, и послѣ безчисленныхъ трудовъ и—такъ называемыхъ—улучшеній, когда нужно бываетъ посмотрѣть на все въ совокупности, тотчасъ видишь, что, при всемъ желаніи видѣть вещи съ ихъ лучшей стороны, никакъ нельзя усвоить нашему краю онаго отраднaго и успокоительнаго глагола: „и се вся добра зло!“¹⁾.

Еще замѣчательнѣе письмо Иннокентія къ великому князю Константину Николаевичу отъ 26-го іюня того-же 1852 г., касающееся вопроса объ отношеніи у насъ магометанства къ господствующей религіи, на который великій князь обратилъ особенное вниманіе. „Крымъ, пишетъ владыка, купленъ цѣною русскою крови, не разъ обливавшей его отъ Перекопа до Керчи, и, слѣдовательно, жители его, какъ побѣжденные, не имѣють никакихъ правъ на особыя преимущества; но, несмотря на это, татары крымскіе пользуются у насъ доселѣ такими отличіями и льготами, какихъ не имѣеть въ нашемъ краѣ ни одинъ русскій поселянинъ: они не платятъ подушной подати, не обязаны рекрутскою повинностью, не подлежатъ помѣщичьему праву въ той мѣрѣ, какъ нашъ бѣдный крестьянинъ, и проч.“ Этотъ „неестественный избытокъ правъ

¹⁾ Н. М. Востоковъ. Иннокентій, арх. Херсонскій и Таврическій. Русск. Стар. 1879, т. XXV., стр. 190—194.

у народа дикаго и побѣжденнаго предъ его побѣдителями“ вызываетъ, говоритъ Иннокентій, съ одной стороны „ропотъ и неудовольствіе на свое родное правительство“, а съ другой—„падменность, презрѣніе имени русскаго, отвращеніе отъ русской вѣры и тайныя надежды на будущую политическую независимость“. Близкія событія дѣйствительно показали, какъ правъ былъ преосвященный, говоря это. Въ этомъ же письмѣ онъ выражаетъ скорбь о томъ, что „на обращеніе татаръ къ христіанству никогда не было обращено ни малѣйшаго вниманія, хотя дѣло это первой важности не только въ отношеніи къ церкви, но и къ государству, по признанію самихъ губернаторовъ Таврическихъ“, и съ горечью отмѣчаетъ неудобное положеніе господствующей религіи въ здѣшнемъ краѣ, именно то обстоятельство, что иновѣрцы, напр. вѣмцы—колонисты, перешедшіе въ православіе, лишаются тѣхъ правъ, коими они пользовались дотолѣ и которыя простираются весьма далеко. „Излагая такимъ образомъ мысли и чувства свои предъ В. Выс—ствомъ, я увѣренъ, заключаетъ владыка, что прозорливая мудрость Ваша не припишетъ ихъ какой-либо раздражительности или страсти къ прозелитизму и пропагандѣ: перомъ моимъ, какъ и сердцемъ, водить одна искренняя любовь къ престолу и отечеству, для коихъ вѣра православная была и есть краеугольнымъ камнемъ силы и величія, котораго не могутъ затмить никакіе искусственные контрафорсы самой оборотливой политики“¹⁾.

Настойчиво указывалъ архіепископъ Иннокентій и на необходимость выдѣленія Тавриды въ особую епархію, но пока вмѣсто этого въ 1853 году ему разрѣшено было имѣть викарія, которымъ былъ назначенъ архимандритъ Бахчисарайскаго скита Поликарпъ. Въ это время Иннокентій снова заявилъ о своемъ желаніи побывать въ Палестинѣ у гроба Господня,²⁾ но по политическимъ соображеніямъ это не осуществилось.

Во время этой кипучей дѣятельности преосвященнаго Иннокентія политическій нашъ горизонтъ покрылся тучами; произошла поразившая всю Европу Синопская битва, слышались громы нашего оружія на Дунаѣ, заключена была противъ насъ коалиція Англіи, Франціи и Турціи, съ явными угрозами нашему Черноморскому побережью, съ очевиднымъ намѣреніемъ вторгнуться въ Крымъ. Вмѣстѣ съ этимъ начал-

¹⁾ Ibid. стр. 367—370.

²⁾ Письмо его къ архіепископу Гаврилу отъ 13 апр. 1853 г.

ся новый, великій подвигъ и архіепископа Иннокентія. Ознаменовавъ себя необыкновеннымъ величіемъ духа и истинно-пастырскою любовію къ своей паствѣ въ Одессѣ, во время блокады и бомбардировки этого города во дни страстной недѣли и Св. Пасхи 8—14-го апрѣля 1854 года, когда онъ ежедневно въ своихъ знаменитыхъ проповѣдяхъ ободрялъ и укрѣплялъ духъ населенія, преосвященный Иннокентій послѣ временнаго удаленія непріятельскаго флота отъ нашихъ береговъ послѣшилъ и къ своей паствѣ Таврической и прибылъ неожиданно въ Севастополь, хотя не приглашенный, къ 15-му іюля, ко дню закладки здѣсь храма во имя Св. Владимира. Въ своей необыкновенно сильной проповѣди, произнесенной во время этого торжества, онъ, между прочимъ, сказалъ, обращаясь къ врагамъ нашимъ: „Непростительно грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостровъ Таврической составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣдъ: нѣтъ, это древнее и родовое достояніе наше, это наслѣдіе еще св. Владимира. Здѣсь купѣль нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій“. Уже тогда преосвященный Иннокентій удивлялся неподготовленности нашей къ встрѣчѣ непріятеля въ Крыму, въ то время какъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ писали уже объ экспедиціи на полуостровъ. „Мы спали тогда, какъ-бы среди глубокаго мира; войска было мало, и то разбросано“ 1).

Спустя полтора мѣсяца послѣ этого, непріятельскій флотъ снова появился у нашихъ береговъ, и наступила Крымская война, когда, по превосходному выраженію Погодина, „пылая злобой, пошла Европа сокрушить великую Русь, которая сорокъ лѣтъ оскорбляла ее своимъ могуществомъ, смиреніемъ, благодушіемъ и православіемъ“ 2). Сейчасъ послѣ высадки непріятельскихъ войскъ въ Крыму и Альминской битвы (8-го сент.), архіепископъ Иннокентій послѣшилъ въ Тавриду, чтобы ободрить, успокоить и утѣшить свою здѣшнюю паству и благословить на брань войска.

Печальную картину представлялъ Крымъ въ первые дни послѣ высадки непріятеля и неблагоприятнаго для насъ исхода Альминскаго сраженія. Татарское населеніе явно сочувствовало непріятелю, помогало ему и нападало на наши обозы и небольшіе отряды. Русское населеніе пало духомъ. Губернская администрація растерялась и не знала, что дѣлать,

1) Русск. Стар. 1879, XXIV, 699—700.

2) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Т. XIV, стр. 7.

въ виду отказа князя Меншикова прислать отрядъ для защиты Симферополя и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. 10-го сентября, по распоряженію губернатора Пестеля, двинулся изъ Симферополя огромный обозъ въ 2500 подводъ съ дѣлами и архивами разныхъ учреждений, семействами и имуществомъ чиновниковъ и частныхъ лицъ, приблизительно въ 10000 человекъ, съ губернаторомъ во главѣ, конвоируемый 60 солдатами гарнизоннаго баталіона, — по направленію на Перекопъ, въ Мелитополь. Впрочемъ, едва этотъ караванъ прошелъ 18 верстъ, какъ прибывшій адъютантъ кн. Меншикова объявилъ губернатору, что Симферополь внѣ опасности, послѣ чего началось обратное движеніе обоза къ Симферополю. Такое же переселеніе произошло и въ Перекопѣ, откуда управленія и многія частныя лица перебѣжали въ Бериславъ.

Среди такого смятенія прибылъ въ Перекопъ 12-го сентября преосвященный Иннокентій, увидѣлъ, каково положеніе дѣлъ здѣсь и на всемъ Крымскомъ полуостровѣ, и тутъ-же описалъ его въ письмѣ къ Новороссійскому и Бессарабскому генераль-губернатору Анненкову отъ 23-го сентября: „Здѣсь, у воротъ Крыма въ Россію, совершенное безначаліе и городъ почти пустъ. Губернское начальство, слышно, само хотѣло бѣжать въ Мелитополь, но удержано княземъ. Сердце разрывается отъ жалости—отъ такихъ недосмотровъ и нераспоряженій“¹⁾.

13-го сентября, совершенно неожиданно, одинъ, безъ свиты, прибылъ преосвященный Иннокентій въ Симферополь и увидѣлъ повсюду уныніе, смятеніе. На другой день въ кафедральномъ соборѣ, при совершеніи покаяннаго молебна по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплемениковъ, онъ, при громадномъ стеченіи народа, произнесъ проповѣдь, обратившись къ паствѣ со словами: „миръ вамъ“! Это слово полно любви и успокоенія; съ силой обличалъ въ немъ Иннокентій неразуміе мнимыхъ туземцевъ, жалкихъ пришлецовъ, которые увлеклись безумно на сторону нашихъ враговъ. Напоминая значеніе для Россіи этого края, какъ колыбели нашего христіанства, онъ упрекалъ населеніе, какъ можно было оставить „это мѣсто втуне“, какъ могло оно подумать, что Крестъ Христовъ можетъ уступить мѣсто лунѣ Магометовой... Онъ убѣждалъ слушателей вмѣсто смущенія заботиться о войскахъ, прибывающихъ въ Крымъ, о раненыхъ

¹⁾ Дубровинъ. Исторія Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I, стр. 294.

войнахъ, которыхъ стали въ то время уже привозить сюда съ Альминскаго поля, и о больныхъ, которыхъ начали доставлять изъ Севастополя. Это слово произвело потрясающее впечатлѣніе на слушателей; всѣ плакали, женщины рыдали.

На слѣдующій день, 15-го сентября, Иннокентій сказалъ опять проповѣдь въ нашемъ соборѣ, полную утѣшенія, ободренія, успокоенія. Онъ внушалъ слушателямъ великій „духъ твердости и мужества, воодушевляющій теперь всю Россію, которая, говорилъ владыка, смотритъ на васъ и ожидаетъ съ монархомъ не малодушія и не обыкновеннаго даже мужества и присутствія духа, а какого-либо особеннаго подвига любви къ отечеству и самоотверженія; указывалъ, что чѣмъ болѣе принесено будетъ жертвъ на алтарь отечества, тѣмъ лучше будетъ примѣръ, тѣмъ выше будетъ и честь“... „Мнѣ дороги спокойствіе и честь ваши, и еще дороже честь, нежели спокойствіе. Кратко: передъ вами теперь слава или стыдъ вѣчный, благословіе или укоризна неизгладимая“! Владыка призывалъ паству здѣшнюю „поспѣшить прославиться славою чистою и святою“—вѣры и надежды на Бога, любви къ отечеству и помощи войску, предсказывалъ для Крыма съ окончаніемъ войны лучшее, прекрасное будущее, когда Таврида „сотрясетъ съ себя вретиче и прахъ жалкаго полубытія общественнаго“, когда всѣ части здѣшняго населенія „тѣснѣе и искреннѣе войдутъ въ живой и мощный составъ Россіи, заема я отъ него новую жизнь и крѣпость; какъ Херсонесу Таврическому возвратится вполнѣ его древній характеръ христіанскій, и вѣковья святыни его поднимутся изъ развалинъ: какъ сама природа здѣшняя, найдя, наконецъ, кому открыть, раскроетъ еще болѣе тайныя сокровища свои на пользу человѣка“...

Въ тотъ же день прибылъ архіепископъ Иннокентій въ Бахчисарай и отсюда, „движимый святою любовію къ Россіи и самоотверженіемъ древнихъ пастырей церкви“, послалъ письмо главнокомандующему кн. Меншикову, главная квартира котораго была на р. Бельбекѣ, между Бахчисараемъ и Дуванкоемъ, съ просьбой разрѣшить ему прибыть въ главную квартиру, а оттуда въ Севастополь, помолиться вмѣстѣ съ войсками и передать имъ Касперовскую икону Божіей Матери, которую онъ привезъ съ собою изъ Одессы и съ которой хотѣлъ обойти войска.

Получивъ безтактный отказъ Меншикова, который не ручался въ настоящую минуту за безопасность преосвященнаго

на мѣстѣ военныхъ дѣйствій ¹⁾, до глубины души огорченный, вернулся Иннокентій въ Симферополь и здѣсь 16-го сентября произнесъ въ соборѣ новое слово, послѣднюю часть этой дивной трилогіи. „Возблагодаримъ Бога, возлюбленные, говорилъ владыка, и будемъ тверды и благодушны. Явимъ себя достойными сынами отечества и церкви православной! Да не посмѣетъ сказать врагъ нашъ, что онъ срътилъ въ насъ не прежнихъ Россіянь, что мы переродились!—Итъ, все за вѣру, все для отечества! Лишимся всего, но не дадимъ возрадоваться о насъ наглымъ иноплеменикамъ!“ И въ этомъ словѣ онъ призывалъ къ помощи вещественной и невестественной войскамъ — продовольствіемъ, помѣщеніемъ, утѣшеніемъ. „Сколько градовъ великой Россіи желали бы теперь быть на мѣстѣ вашемъ! Покажите же, что вы были *на своемъ мѣстѣ*, и что Россія не будетъ имѣть причины стыдиться за васъ и сожалѣть о томъ, что ея на это время здѣсь не было!“ Тогда же преосвященный Иннокентій благословилъ Симферополь и весь Крымъ той иконой Касперовской Божіей Матери, которою хотѣлъ благословить войска, и оставилъ эту икону въ Симферополѣ, въ кафедральномъ соборѣ, гдѣ она и до сихъ поръ находится.

Изъ Симферополя Иннокентій отправился въ Карасубазаръ и Θεодосію, съ тяжелымъ чувствомъ, вызваннымъ поступкомъ кн. Меншикова, который уже и самъ созналъ свою ошибку и прислалъ просить преосвященнаго пріѣхать къ арміи, но посланцы уже не могли его найти.

Въ Карасубазарѣ было спокойнѣе всѣхъ городовъ Крымскихъ, что очень обрадовало владыку. 17-го сентября, при совершеніи покаяннаго молебствія, онъ сказалъ поученіе тамошнему населенію, ободрялъ, утѣшалъ его, призывалъ къ дѣламъ благочестія христіанскаго, и прежде всего помощи воинству, и обращалъ вниманіе на то, что внутренняя крамола въ Крыму и измѣна, „такъ было поднявшія голову со вторженіемъ враговъ, уже начали стихать и замирать при одномъ приближеніи русскаго оружія“.

Θеодосія въ это время нѣсколько дней была совершенно пустою, но къ пріѣзду Иннокентія жители стали со всѣхъ сторонъ возвращаться въ городъ. 18-го сентября владыка и имъ сказалъ полное любви и утѣшенія слово, въ которомъ убѣждалъ не падать духомъ и особенно прибѣгать къ покровительству св. Стефана Сурожскаго.

¹⁾ Подробно объ этомъ у Дубровина въ указ. соч., т. I, стр. 346—7.

Возвращаясь въ Одессу, съ пути преосвященный Иннокентій писалъ генераль-губернатору Анненкову: „Грустно и тяжело было въѣхать въ Крымъ, находя вездѣ безурядицу и упадокъ духа, но изъ Крыма можно было выѣхать съ лицомъ не печальнымъ и не безъ твердой надежды. Если видимо было, что дѣло наше доходило до крайности, то ощутительно также было, что верхъ кризиса уже пройденъ, что солнце поворотило на югъ—съ зимы на лѣто“¹⁾.

Съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ преосвященный Иннокентій за ходомъ войны, имѣя постояннаго и обстоятельнаго корреспондента въ лицѣ Севастопольскаго протоіерея о. Арс. Гавр. Лебединцева²⁾. Цѣлый рядъ словъ, произнесенныхъ Иннокентіемъ въ это время въ Одессѣ, обнаруживаетъ все величіе духа этого пастыря—гражданина, сердце котораго возмущено было этой несправедливой войной, вызванной одной завистью запада къ нашему могуществу и обнаружившей попраніе самыхъ несомнѣнныхъ и священныхъ правъ нашего отечества. Ободряя свою паству, съ чувствомъ истиннаго патриота восклицалъ въ одной изъ этихъ проповѣдей владыка: „Да услышитъ и познаетъ весь свѣтъ, что на землѣ нѣтъ силы, могущей утратить православную Россію, доколѣ она вѣрна Богу отцовъ своихъ“³⁾.

Сильно пострадали многіе храмы въ Крымѣ во время этой бѣдственной войны—въ Севастополѣ, Евпаторіи, Акмечети и другихъ мѣстахъ: одни были разрушены непріятельскими ядрами, другіе разграблены и обезчещены. Построеніе же новыхъ церквей было пріостановлено до окончанія войны⁴⁾. Пострадали сильно и новые монастыри въ Крымѣ—Херсонисскій и Инкерманскій. Въ Херсонисѣ за годъ до войны освященный храмъ былъ совершенно разрушенъ непріателемъ, а на мѣстѣ келіи сооружена была французами батарея съ пороховыми складами, отъ которой проведены были въ разныя стороны траншеи.

29-го апрѣля 1855 года Иннокентій писалъ преосвященному Макарію: „На дняхъ думаю провѣдать свой Крымъ. Двухъ скитовъ нашихъ — Херсонисскаго и Инкерманскаго

¹⁾ Дубровинъ. I, 16.

²⁾ Кіевская Старина 1896 г., № 1 и слѣд.

³⁾ Слово въ недѣлю православія, 13 февр. 1855 г.

⁴⁾ Напр. церкви въ с. Айбарахъ Перекопскаго уѣзда, заложенной въ 1853 г., въ честь священномучениковъ Херсонисскихъ, по желанію преосв. Иннокентія.

какъ не бывало. Первый, строенный едва не одними слезами, пошелъ на топливо на французовъ, а второй чуть не развалился весь отъ англійскихъ бомбъ и ядеръ. Севастополь сдѣлался истинною купиною — горитъ непрестанно и не сгораетъ. Это теперь европейское кладбище. И здѣсь-то особенно теперь во всей силѣ дышетъ и вѣетъ русскій духъ. Войско готово все умереть, но не уступить святаго мѣста цсамъ, какъ называютъ враговъ наши воины“¹⁾.

Въ іюнѣ 1855 года прибылъ преосвященный Иннокентій въ Крымъ, чтобы утѣшить населеніе и подкрѣпить духъ войска, и 23-го числа привѣтствовалъ въ Симферопольскомъ соборѣ здѣшнюю паству. Въ началѣ своего слова къ ней онъ высказалъ сожалѣніе о томъ, что въ прошлогоднихъ проповѣдяхъ обращался къ ней „хотя отечески“, но „съ нѣкоторою суровостію“, а затѣмъ радостно свидѣтельствовалъ о постоянныхъ и усердныхъ жертвахъ и трудахъ жителей Симферополя для раненныхъ и больныхъ. — къ чему призывалъ онъ ихъ тогда, — говорилъ, что жители Симферополя сдѣлали даже болѣе, чѣмъ можно было требовать отъ нихъ. „Что теперь весь городъ вашъ? Это не городъ, а одна пространная лечебница, у коей почти столько же отдѣленій, сколько въ городѣ домовъ... Это умиленное торжество любви христіанской... Въ похвалу вашу довольно сказать, что число призрѣваемыхъ въ недугѣ защитниковъ отечества во градѣ нашемъ не разъ равнялось почти числу его жителей“. Далѣе преосвященный хвалилъ здѣшнихъ гражданъ за прекрасную, высокочеловѣколюбивую постановку въ Симферополѣ ухода за ранеными, — и это одобреніе Симферополь заслужилъ тогда вполне. Онъ представлялъ тогда безотрадную картину, имѣя видъ громаднаго госпиталя. Повсюду были видны больные, раненые похороны²⁾. По почину гимназіи, уступившей подъ лазаретъ сейчасъ же послѣ Альманской битвы зданіе своего пансіона, переведеннаго на время войны въ Херсонъ, и организовавшей непрерывное дежурство учителей въ лазаретѣ, — всѣ значительныя зданія въ городѣ, — присутственныя мѣста и дома частныхъ лицъ, — превращены были въ больницы. Нѣкоторыя изъ нихъ были посѣщены преосвященнымъ Иннокентіемъ, напр. лазаретъ въ зданіи пансіона гимназіи.

Изъ Симферополя преосвященный Иннокентій отправился

¹⁾ Буткевичъ. Иннокентій Борисовъ, б. арх. Херсонскій, гл. 6.

²⁾ Письмо кн. Д. И. Святополкъ-Мирскаго. Барсуковъ „Жизнь и труды Погодина“, т. XIV, стр. 76—77.

въ „окровавленный и опаленный“ Севастополь и озарилъ его своимъ посвѣщеніемъ въ тяжкую для него минуту, когда Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій редуты были уже въ рукахъ непріятелей, когда Малаховъ курганъ съ трудомъ уже держался, когда на нашихъ бастіонахъ шопотомъ говорили и молились, потому что непріятель былъ на разстояніи какихъ-нибудь шестидесяти шаговъ...

Въ виду Севастополя долго преосвященный наблюдалъ непріятельскую канонаду и храбрую оборону съ Малахова кургана, — остановился на сѣверной сторонѣ, у Куринской балки, въ простой солдатской палаткѣ. Хотѣлъ онъ обойти всѣ траншеи и редуты, отъ чего едва могли отговорить его главнокомандующій кн. Горчаковъ и графъ Остенъ-Сакенъ.

25-го іюня Иннокентій съ особенною торжественностію служилъ литургію въ лагерной церкви на сѣверной сторонѣ. Въ этотъ день кн. Горчаковъ давалъ праздникъ Брянскому егерскому полку по случаю назначенія своего шефомъ этого полка. Наканунѣ этотъ полкъ былъ перевезенъ на сѣверную сторону. Послѣ литургіи преосвященный обратился со словомъ къ защитникамъ Севастополя, упомянулъ, какъ въ прошломъ году онъ хотѣлъ быть въ Севастополѣ и, „подобно птицѣ, кружащейся вокругъ занятаго кѣмъ-либо гнѣзда ея, долго странствовалъ вокругъ этого города“, высказалъ радость, видя вокругъ себя „священныхъ для всѣхъ сыновъ отечества“, напоминать мысль свою, высказанную при закладкѣ храма св. Владиміра, что скорѣе не останется камня на камнѣ въ горахъ здѣшнихъ, нежели уступится врагамъ нашимъ эта колыбель русскаго православія“. Призывая воиновъ къ продолженію своихъ подвиговъ. Иннокентій сказалъ: „помните, что за вами Россія, передъ вами потомство, надъ вами Богъ и Его всесвѣтой Промыслъ“.

Послѣ владыки обратился къ своему храброму полку съ рѣчью кн. Горчаковъ и закончилъ ее такъ: „Преосвященный архипастырь, свидѣтель нашего праздника, благословилъ насъ на новый праздникъ—на бой кровавый за вѣру православную, за царя русскаго, за отчизну святую“...

Въ этотъ же день Иннокентій безстрашно переѣхалъ на катерѣ на южную сторону Севастополя, къ генералу Остенъ-Сакену, и во время этого переѣзда одна непріятельская бомба упала передъ носомъ катера, а другая за кормой.

На другой день, 26-го іюня, утромъ на площади противъ адмиралтейства были собраны и выстроены команды со всѣхъ

батареѣ съ боевой линіи, по нѣсколько человекъ, большею частію Георгіевскіе кавалеры. Въ Николаевскомъ соборѣ, при непрерывной бомбардировкѣ, совершалъ богослуженіе преосвященный Иннокентій и произнесъ высокотрогательную проповѣдь, какъ бы въ отвѣтъ на „великую, громогласную, всемірную проповѣдь Севастопольскую“, которая „произносится только на землѣ, а слагается на небѣ“, проповѣдь, „для слушанія которой собрались подъ Севастополемъ, „яко братія“, народы, соединенные общемою враждою къ намъ, кои доселѣ не могли равнодушно слышать имени одинъ другого. Указавъ на знаменательное, умилительное избраніе мѣста для этой новой борьбы добра со зломъ, этого неожиданнаго спора страстей и злобы человѣческой съ судьбами правды Божіей, того самаго мѣста, гдѣ колыбель нашего православія, Иннокентій объясняетъ, что этимъ самымъ Промыслъ Божій поставилъ въ необходимость стоять за это мѣсто, какъ за святыню и драгоценность, и этимъ самымъ врагу, при всей его надменности, какъ бы заранѣе сказано: „до сего—только до сего! дойдеши и не преjdeши далѣе!“ Послѣ обѣдни, обойдя и окропивъ на площади собранныя войска, съ ивнѣмъ „Спаси, Господи, люди Твоя“! Иннокентій передалъ старѣйшимъ генераламъ и адмираламъ — кн. Горчакову, гр. Остенъ-Сакену, Коцебу, Ушакову, Нахимову, смертельно раненому черезъ два дня 28-го іюня (+ 30-го), и другимъ иконы, присланныя на благословеніе защитникамъ Севастополя съ разныхъ концовъ Россіи, и каждому сказалъ при этомъ теплое слово. А канонада не прекращалась, даже все болѣе усиливалась. Къ 9-ти часамъ утра все кончилось.

Утѣшивъ войска и вождей ихъ своимъ благословеніемъ и пробывъ въ Севастополѣ нѣсколько дней, преосвященный Иннокентій отправился въ горную часть Крыма, 30-го іюня былъ у источника свв. Космы и Даміана, а 1-го іюля, въ день ихъ памяти, служилъ литургію въ Симферополѣ. Въ своемъ словѣ, сказанномъ тогда, владыка, послѣ прекраснаго описанія пустыннаго и величественно-живописнаго мѣста Космо-Даміановской киновіи, внушалъ здѣшнимъ жителямъ изучать свои древнія святыни, не предпочитать имъ вниманіе къ древностямъ языческимъ, іудейскимъ и магометанскимъ, — „ибо мы христіане“. „Соблюденіе сего правила нужно и вездѣ, тѣмъ паче у васъ, говорилъ владыка, коихъ страна такъ богата всякаго рода священными древностями, ибо въ сей странѣ христіанство возникло съ первыхъ временъ его; здѣсь же

потомъ, въ Херсонесѣ, была самая колыбель русскаго православія. Есть что видѣть христіанину и чѣмъ заняться не только съ любопытствомъ, а и съ благоговѣніемъ“. Далѣе владыка высказывалъ скорбь о томъ, что священныя древности въ этомъ краѣ находятся въ самомъ незавидномъ положеніи, что никто не думаетъ о священныя развалинахъ, чтобы спасти ихъ „отъ конечнаго разрушенія и паче всего отъ посрамленія предъ иновѣрцами“. Онъ указывалъ на Херсонисъ, гдѣ остатки перквей попирались безсловесными животными, на священныя пещеры Инкерманскія, гдѣ подвизались свв. Климентъ и Мартинъ Исповѣдникъ, которыя употреблялись для загона овецъ. Въ заключеніе онъ призывалъ паству къ сочувствію въ дѣлѣ возстановленія святынь, къ участию въ немъ не только средствами, но и личною дѣятельностію.

Въ первое свое служеніе по возвращеніи въ Одессу (въ единовѣрческой перкви), святитель Иннокентій произнесъ дивную проповѣдь, которую началъ такъ: „Давнее желаніе наше, благодареніе Богу, исполнилось: мы посѣтили многострадальный Севастополь, мы видѣли городъ, исполненный героевъ и мучениковъ, смотрѣли вблизи на купину, горящую и неугасающую; слышали грома, не уступающіе звукомъ своимъ, можетъ быть, Синайскимъ, но гораздо губительнѣе ихъ, ибо эти грома, не какъ Божіи, поражаютъ безъ разбору всѣхъ и каждаго. Боже мой, что это за необыкновенное и ужасное положеніе! Это не городъ, а пространная пещь Вавилонская, разжесная не седмирицею, а семьдесятъ кратъ, въ коей находятся не три отрока, а цѣлая многочисленная рать налца“. Представивъ картину Севастополя, окруженнаго неприятеlemъ со всѣхъ сторонъ, какъ вѣнцомъ, Иннокентій продолжалъ: „и подъ этимъ огнедышущимъ вѣнцомъ налцъ многострадальный Севастополь!.. И такое мученическое положеніе сего города продолжается не дни и недѣли, а уже едва не цѣлый годъ! Подлинно, если есть *скорбь велия*, о коей можно сказать, якова же не было отъ начала міра доселѣ (Мате., XXIV, 21), то это скорбь и тѣснота севастопольскія!“ Далѣе въ этой проповѣди владыка говорить: „По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію, продолжающимся при томъ столь долгое время, естественно, братія мои, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго града хотя мужество, но дошедшее до крайности и истощенія; предполагали найти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что же насъ стрѣтило

тамъ? Терпѣніе—безъ конца, мужество—безъ всѣхъ предѣловъ и условій, самоотверженіе всецѣлое, упованіе полное и непоколебимое. Да, братія мои, благодареніе Богу, тамъ есть военачальники, не уступающіе духомъ древнимъ великимъ поборникамъ земли Русской, такіе военачальники, кои способны и достойны были бы предводить ни человѣческими токмо бранями, а и *Господними!*. (Сир. XLVI, 4). Тамъ есть простые воины, кои умѣютъ дѣйствовать не однимъ оружіемъ вещественнымъ, а и духовнымъ, т. е. вѣрою и молитвою. Тамъ нашли мы такое презрѣніе смерти, такую любовь къ отечеству, такую преданность въ волю Божию, что, вмѣсто того, чтобы поучать чему либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за вѣру и отечество“.

До самаго оставленія нашими войсками Севастополя день за днемъ слѣдилъ преосвященный Иннокентій за военными дѣйствіями, велъ обширную переписку о событіяхъ Крымской войны, между прочимъ, писалъ кн. Горчакову и гр. Остенъ-Сакену письма, полныя глубокаго пониманія дѣла даже съ чисто военной точки зрѣнія, полныя ободренія, поддержки и добрыхъ совѣтовъ, заботился о госпиталяхъ и госпитальномъ духовенствѣ и т. д. Слова его разносились по всей Россіи и вездѣ вызывали чувства патріотическаго воодушевленія. Даже иностранцы и непріатели прониклись къ нему высокимъ уваженіемъ. „Образъ жизни нашей вотъ уже два года походить на базарный и бивуачный. Цѣлые корпуса и дружины, со множествомъ начальниковъ, непрестанно приходятъ и отходятъ: надобно быть всемъ вся“, — писалъ Иннокентій архіепископу Гавріилу 2-го января 1856 года ¹⁾.

Когда, по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Севастополь, непріятельская эскадра обложила снова Одессу, архіепископъ Иннокентій въ теченіе цѣлой недѣли, отъ 27-го сентября до 3-го октября 1855 года, ежедневно совершалъ богослуженія и говорилъ проповѣди, полныя утѣшенія, ободрѣнія, вѣры въ Божій Промыслъ и чувства высокой любви къ отечеству. Дѣятельность владыки во время войны по достоинству была оцѣнена высшею властію. Еще въ 1854 году „въ ознаменованіе особаго монаршаго благоволенія къ его доблестному служенію церкви и отечеству, оказанному во время бомбардированія непріателемъ города Одессы“, всемилостивѣйше пожалованъ былъ ему алмазный крестъ для ношенія на кло-

¹⁾ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. XIV, 771.

букѣ. Течерь, по окончаніи войны, преосвященный Иннокентій „за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова къ наставленію душъ къ мирнымъ христіанскимъ добродѣтелямъ, а въ минувшіе два года увѣнчанное достохвальными подвигами самоотверженія въ назиданіе и укрѣпленіе паствы среди ужасовъ жестокой брани“, Всемилоствѣйше возведенъ былъ въ званіе члена Святѣйшаго Синода (26-го августа 1856 года).

Съ окончаніемъ войны начались у незабвеннаго святителя нашего новыя заботы о возобновеніи монастырей и храмовъ въ Тавридѣ, о новыхъ кладбищахъ и пр. Въ томъ же 1856 году онъ объѣхалъ Тавриду, посѣтилъ, между прочимъ, урочище Катерлезъ и предложилъ Керченскому обществу возстановить здѣсь древнюю церковь и устроить киновію во имя св. великомученика Георгія, встрѣтивъ со стороны керчанъ полное сочувствіе ¹⁾. Въ томъ же 1856 году, по его благословенію, устроена киновія и въ Кизилташѣ во имя св. Стефана Сурожскаго. Тогда же быстрымъ ходомъ пошло дѣло, давно начатое святителемъ, объ устройствѣ киновіи у источника свв. Космы и Даміана. Но смерть лишила преосвященнаго Иннокентія утѣшенія увидѣть созданную имъ киновію у подножія Чатырдага, въ этомъ особенно любимомъ имъ мѣстѣ ²⁾.

Какъ видно изъ писемъ его къ Макарію, епископу Тамбовскому, впослѣдствіи митрополиту Московскому, Иннокентій въ это время собиралъ свѣдѣнія для историческаго описанія религіозныхъ древностей Крыма, хлопоталъ объ осуществленіи своей давнишней идеи—изданія „Церковнаго архива“, для помѣщенія въ немъ важнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ русской церковной исторіи ³⁾. Также онъ заботился о собраніи матеріаловъ Константинопольскаго патріаршаго архива, касающихся русской церкви и Крымской іерархіи, писалъ о важности изученія древнихъ обителей Малой Азіи для исторіи Крыма, собиралъ матеріалы для житій свв. Крымскихъ угодниковъ и составилъ акаѳистъ святымъ священномученикамъ Херсонисскимъ. Но дни владыки были уже сочтены,

¹⁾ 23 апр 1857 г. здѣсь освящена была уже каменная церковь, а въ началѣ 1859 г. открыта киновія.

²⁾ Космодаміановская киновія освящена была 10 сент. 1857 г.

³⁾ „Меня одолѣли археологическіе помыслы, писалъ онъ 13 декабря 1856 г.: не только всѣ старыя затѣи лѣзутъ въ глаза, поднимаясь изъ архива давняго забвенія, но и новыя предположенія готовы вспорхнуть цѣлымъ стадомъ; только позволю и не притвори дверь“. Русск. Стар. 1879, XXIV, 702.

силы его были подточены тяжелыми, непрерывными трудами; жизнь его приходила къ концу.

Наступилъ 1857 годъ. Преосвященный Иннокентій рѣшилъ съ первымъ тепломъ отправиться въ Крымъ, куда призывали его дѣла по возстановленію разоренныхъ святынь, опустошенныхъ церквей, по устройству кладбищъ и пр. 17-го апрѣля онъ выѣхалъ въ Крымъ черезъ Николаевъ, Херсонъ, Алешки и Перекопъ, 20-го апрѣля въ Анг-Мечети совершилъ молебствіе въ церкви, опозоренной татарами и поврежденной непріятельскими выстрѣлами; 21-го служилъ въ разоренной Евпаторіи, произнесъ слово и долго молился на мѣстѣ битвы съ непріателемъ; 22-го прибылъ въ Симферополь и остановился въ загородномъ домѣ кн. Воронцова; ¹⁾ 23-го святитель совершилъ въ здѣшнемъ соборѣ литургію и произнесъ прекрасную проповѣдь о загробной жизни и необходимости для человѣка внутренней борьбы со своимъ сердцемъ и побѣды надъ собою, говорилъ долго, громко и съ особеннымъ воодушевленіемъ,—не зная, что это его послѣдняя служба, послѣднее его слово. Въ Симферополѣ преосвященный пробылъ два дня, поглощенный енархіальными трудами; 25-го апрѣля былъ въ Бурлюкѣ, на мѣстѣ Альминскаго сраженія, долго обходилъ мѣстность, указалъ мѣсто, гдѣ лучше всего было бы поставить памятникъ, въ видѣ пирамиды съ часовней внутри, и взялъ съ этого поля себѣ на память нѣсколько камушковъ; отсюда посѣтилъ Бахчисарайскій Успенскій скитъ, любовался этимъ мѣстомъ и, проходя по монастырю, говорилъ спутнику — одескому протоіерею Логиновскому: „А какова мѣстность? Не правда-ли, это совсѣмъ другой, особый міръ? Здѣсь то работать для единого на потребу никто и ничто не мѣшаетъ. И такія мѣста были оставлены безъ вниманія, и о святыньѣ Крыма, гдѣ пролили кровь свою за Христа первые просвѣтителі этой страны, гдѣ крестился нашъ Владиміръ Равноапостольный, о такой святыньѣ было забыто въ православнои Россіи! Благодарю всегда Бога, что удостоилъ меня потрудиться для сей священной древности и съ тѣмъ вмѣстѣ поставить крестъ на пустынныхъ пространствахъ Новороссіи, какъ помогъ онъ мнѣ поднять изъ развалинъ вѣковыя обители харьковскія“ ²⁾. Въ Успенскомъ скиту Иннокентій про-

¹⁾ Въ прежнія посѣщенія Симферополя Иннокентій останавливался обыкновенно у протоіерея Мих. Родіонова, въ его домѣ на Дворянской улицѣ, принадлежащемъ теперь г. Бѣлецкому, во дворѣ.

²⁾ Русск. Стар. 1879 г. Т. XXIV, стр. 686.—Погодинъ. Вѣнокъ на могилу Иннокентія.

жилъ два дня и здѣсь почувствовалъ боль въ лѣвомъ боку и упадокъ силъ, но отправился въ Балаклавскій Георгіевскій монастырь и тамъ слегъ, а въ это время, 30-го апрѣля, возстановлена была обитель въ Херсонисѣ, и освящена церковь во имя седми священномучениковъ Херсонисскихъ. 2-го мая Иннокентій исповѣдался, 3-го приобщился св. таинъ, прожилъ въ Георгіевскомъ монастырѣ до 7-го мая, отсюда отправился въ Балаклаву, затѣмъ переночевалъ въ Симферополѣ, 9-го прибылъ въ Корсунскій монастырь, 11-го въ Одессу, гдѣ прожилъ еще до 26-го мая, когда, въ день св. Троицы, колѣнопреклоненный тихо скончался.

Жгучую боль и горькую, искреннюю печаль вызвала въ Тавридѣ, какъ и по всей землѣ Русской, вѣсть о кончинѣ ея любимаго владыки. Въ непродолжительное управленіе здѣшней паствой святитель Иннокентій успѣлъ не только сблизиться съ нею, но и духовно съ нею слиться, безъ различія сословій и классовъ. Не смотря на затруднительность путешествія въ Крымъ, здѣшнее населеніе видѣло своего любимаго архипастыря каждый годъ, иногда нѣсколько разъ въ теченіе года, и всякое появленіе его среди своей паствы сопровождалось его вдохновеннымъ словомъ къ пей, всегда глубоко залегавшимъ въ душу, всегда умилявшимъ слушателей — и по содержанію своему и по формѣ, съ какою высказывалось. И до сихъ поръ память о преосвященномъ Иннокентіи жива въ Тавридѣ; и теперь еще часто можно слышать здѣсь воспоминанія и рассказы о немъ, всегда проникнутые чувствами теплой любви къ нему и благоговѣнія. До его времени Таврида, за исключеніемъ городовъ, мало чѣмъ напоминала Россію, и въ трудахъ своего владыки по возстановленію древнихъ святынь въ этомъ краѣ православное населеніе его видѣло средство къ удовлетворенію и своихъ религіозныхъ потребностей и своего патріотическаго чувства, потому что съ возстановленіемъ древнихъ храмовъ и монастырей здѣшній край становился истинно-русскимъ, и какъ бы сбывалось древнее упомянутое уже пророчество (1634 года) неизвѣстнаго святого, который говорилъ русскимъ пришельцамъ сюда: „думаете, дууги, взять мои мощи на Русь, а я хочу по-прежнему здѣсь учинить Русь“¹⁾. Правда, архіепископу Иннокентію не суждено было закончить великое дѣло возстановленія намѣченныхъ имъ святынь Крымскихъ, онъ только началъ это дѣло; но и то, что сдѣлано имъ, было подвигомъ ве-

¹⁾ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. т. II, отд. 2.

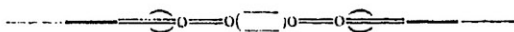

ликой важности. И намъ, такъ близко принимающимъ къ сердцу печальное состояніе многихъ памятниковъ христіанства въ Крыму, видящимъ ихъ постепенное разрушеніе и гибель, особенно дороги заботы преосвященнаго Иннокентія о поддержкѣ и сохраненіи христіанскихъ древностей въ Тавридѣ.

Съ такимъ же глубокимъ вниманіемъ относился онъ и къ вопросу о водвореніи среди здѣшняго населенія русскаго языка, справедливо полагая, что церковь и языкъ—главныя опоры русской народности въ этомъ краѣ: съ такимъ же сердечнымъ участіемъ заботился онъ и объ укрѣпленіи достоинства и значенія русской народности здѣсь и развитіи ея матеріальнаго благосостоянія. Доблестный архипастырскій подвигъ его въ тяжкую годину Севастопольской обороны достойно оцѣненъ былъ современниками, достойно оцѣненъ и потомствомъ и исторіей и не нуждается въ разъясненіяхъ.

Таврида всегда была счастлива своими архипастырями, но среди нихъ съ особенною яростію сіяетъ образъ святи-теля Иннокентія. Его имя будетъ вѣчно памятно въ Тавридѣ, и она никогда не перестанетъ желать, чтобы его духъ не переставалъ пребывать съ нею и направлялъ ея жизнь по тому пути, по которому незабвенный архипастырь велъ ее во время своего короткаго по времени, но высоко-плодотворнаго земного подвига.

Арсеній Марневичъ.

Объ употребленіи и украшеніи человѣческихъ череповъ въ эпоху доисторическую, въ связи съ новымъ временемъ.

(По сочиненію И. В. ЖЕЛИВКО).

Извѣстно, что украшеніе и сохраненіе человѣческихъ череповъ существовало въ эпоху доисторическую, существуетъ и теперь во многихъ странахъ. Человѣкъ доисторическій, находясь на такой ступени развитія, на какой находятся многіе изъ теперешнихъ первобытныхъ народовъ, сохранялъ черепа своихъ умершихъ друзей въ домѣ съ большимъ почетомъ, подобно тому какъ это храненіе ихъ производится и теперь у христіанъ въ особенныхъ хранилищахъ на кладбищахъ (костницахъ). Вслѣдствіе этого Карталльякъ (Cartailhac) полагалъ, что человѣкъ доисторическій, желая сохранить дома черепъ покойника, производилъ на немъ трепанацію, т.-е. искусственное, круглое отверстіе, для того, чтобы черепъ можно было скоро высушить, хотя не исключается возможность удалить мозгъ и такимъ образомъ, какъ это дѣлали древніе египтяне въ муміяхъ. Это мнѣніе Карталльяка довольно правдоподобно, но другого мнѣнія объ этомъ проф. П. Брока (Broca), который особенно занимался вопросомъ о цѣляхъ трепанаціи и предложилъ свои изслѣдованія объ этомъ международному съѣзду въ Пештѣ въ 1876 году, („Sur la trépanation du crâne et les amulettes crâniennes à l'époque néolithique“. Paris 1877). Онъ различаетъ два способа трепанаціи: одну, которая производилась на живомъ человѣкѣ (главнымъ образомъ на дѣтихъ), такъ что у тѣхъ, которые переживали эту операцію, края отверстія заживали, и другую, которая производилась послѣ смерти человѣка. Въ первомъ случаѣ выскабливали, по всей вѣроятности, кость черепа на темени каменнымъ ножикомъ, во второмъ же случаѣ вырѣзывали кость. Брокъ полагалъ, что трепанація имѣла своей причиной религіозныя созерцавія, но другіе предполагаютъ поводъ терапевтическій.

Трепанація череповъ появляется уже въ неолитѣ и встрѣчается въ позднѣйшія времена, напр. во Франціи, въ галль-

скую и меровингскую эпоху. Докторъ Прюньеръ (Prunières) первый написалъ сочиненіе о черепахъ съ трепанаціею въ доисторическое время; послѣ того баронъ де-Бай (I. de-Baye) нашелъ черепа съ искусственными отверстіями въ гробницахъ марнскихъ, Ларте (Lartet) въ пещерѣ „Duruthy“, генералъ Федербъ (Faidherbe) въ дольменахъ въ Африкѣ; затѣмъ извѣстны такіе черепа изъ Франціи, Англіи, Швейцаріи, Португаліи, Италіи, изъ острововъ Даніи, изъ Венгріи, Польши и Россіи. Въ Чехіи найдены два черепа вблизи г. Струпчицы, недалеко отъ Билины, но они болѣе позднихъ временъ. (Объясненія ихъ сдѣлалъ проф. И. Коперницкій въ журналѣ „Památky archeologické“, т. XII, стр. 217, и докторъ Люборъ Нидерле въ сочиненіи *Lidstvo v době prehistorické. Praha, 1893 г.*¹⁾). Изъ русскихъ сочиненій по этому вопросу замѣчательнъ докладъ проф. Д. Н. Анучина на Виленскомъ Археологическомъ Съѣздѣ: „Амулетъ изъ человѣческой кости и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи“ (Труды IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ, т. I, 283—297).

Изъ могилъ доисторическихъ въ Америкѣ и „мундовъ“ (кургановъ), которые встрѣчаемъ въ сѣверной части бассейна Миссисипи, извѣстны черепа съ трепанаціею на темени отъ 10—15 мм. въ діаметрѣ. Полагаютъ, что она произошла уже послѣ смерти человѣка. Замѣчательна трепанація на черепахъ, найденныхъ Gilman'омъ въ Мичиганѣ, тоже сдѣланная послѣ смерти, равнымъ образомъ на черепахъ, выкопанныхъ когда-то Stephen Bowers'омъ въ св. Варварѣ въ Калифорніи. (*The North Americans of Antiquity. New-York 1880, стр. 327*).

Интересныя подробности о трепанаціи череповъ узналъ Petitot отъ Сѣверо-американскихъ индѣйцевъ; они утверждали, что Кюриги, Дакоты, Ассинибейцы и другіе народы, живущіе въ преріяхъ, у которыхъ былъ обычай скальпировки, скальпировали ножомъ, именно для этого приспособленнымъ, „мокутаганомъ“, такимъ образомъ, что вмѣстѣ съ кожею на головѣ срѣзали однимъ срѣзомъ кружокъ лобной кости (покрышки лба). Такимъ образомъ мозгъ оставался только обнаженнымъ. Если имѣть въ виду это объясненіе, то трепанація череповъ доисторическихъ въ Америкѣ имѣла бы основаніе свое въ этой древней скальпировкѣ. (*Globus. XI, стр. 96*).

Цѣль сохраненія череповъ въ эпоху доисторическую мо-

¹⁾ Русскій переводъ Волкова, подъ ред. Д. Н. Анучина: Человѣчество въ доисторическія времена. Спб. 1898 г.

гла быть разнообразна: 1) какъ память о покойникѣ; 2) какъ посуда; 3) какъ трофей.

Какъ память о покойникѣ, употреблялись черепа часто, и кажется, что это было главною цѣлью сохраненія череповъ у древнихъ людей. Доказательствомъ этого могутъ быть слѣдующіе примѣры: Д-ръ Г. Генкеніусъ (H. Henkenius) прекрасно пишетъ въ „Deutsche Rundschau für Géographie und Statistic“ о погребальныхъ обычаяхъ нѣкоторыхъ народовъ на Тихомъ океанѣ, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Въ Таити, на островахъ Товарищества, а также на островахъ Тубуаи и Туамоту, мертвое тѣло оставляютъ лежать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на алтарѣ, особенно для этого приготовленномъ, и когда оно подвергнется гниію, отнимаютъ голову для сохраненія, остальное же тѣло кладутъ въ могилу. На островахъ Сандвичевыхъ въ древности связывали кости плечевыя и бедренныя самыхъ высшихъ начальниковъ и королей и вмѣстѣ съ черепомъ завертывали въ матеріи и развѣшивали въ храмѣ. На Самоа черепа павшихъ въ сраженіи или умершихъ сохраняли въ домахъ. Въ Новой Зеландіи въ прежнія времена бальзамировали голову, вынимая мозгъ, мясо и глаза; вѣки сшивали и набивали ихъ льномъ, носъ же держали открытымъ при помощи особенныхъ палочекъ. Таковую голову сушили, а остальное тѣло хоронили. На Новой Гвинее, на Дорегѣ, представляютъ мертвое тѣло и подъ нимъ поддерживаютъ огонь до тѣхъ поръ, пока отдѣлится отъ тѣла голова, которая остается въ домѣ, или служить кароваромъ, т.-е. образнымъ представленіемъ умершихъ, которымъ воздается божеская почесть. Остальное же тѣло хоронятъ въ сидячемъ положеніи. Вблизи пролива Торреса вдова носитъ вездѣ съ собою голову своего покойнаго мужа, тѣло же погребаютъ. На островахъ Жильберта особенно почитаютъ черепа начальниковъ. Хамарры сохраняютъ кости и черепа своихъ предковъ въ корзинахъ. Въ бассейнѣ Брамалутры, въ области Ассамской, живутъ Наги, среди которыхъ находится особенный классъ людей, называемыхъ „деоріи“; это люди, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, что они должны присутствовать при умирающихъ и погребать ихъ. Они обвязываютъ трупъ листьями растенія „тока“, и кладутъ его на какое-то ложе. Когда же тѣло начинаетъ гнить, они отнимаютъ черепъ и укладываютъ его на особенно для него приготовленномъ мѣстѣ. (Гельвальдъ: Естественная исторія челоуѣка.) Минкопіи, жители Андаманъ, связываютъ трупы и погребаютъ ихъ вертикально. Когда

мягкія части тѣла стігаютъ, выкапываютъ кости и раздаютъ ихъ семейству при печальныхъ крикахъ. Если здѣсь находится вдова, то она получаетъ черепъ мужа, который должна носить на веревочкѣ на шеѣ. (Dr. Frederic I. Mouat: Adventures and Researches among the Andaman Islanders. London. 1863). О. Andree въ своихъ „Параллеляхъ“ приводитъ фотографію вдовы съ острововъ Андаманскихъ. Мы видимъ на картинкѣ женщину, которая носитъ черепъ покойнаго мужа, обвитый деревянными стружками и прикрѣпленный веревочкою надъ верхней частью груди. Она должна его носить до тѣхъ поръ, пока снова не выйдетъ замужъ. (Feuilleton „Narodnich Listu“ 1898: № 108. „Вдовы“, Фр. Выкоцкала). Манданцы, маленький народецъ, который живетъ до сихъ поръ вблизи рѣки „Вертольдъ“ въ Америкѣ, въ штатѣ Дакота, завертываютъ трупы въ шкуры и кладутъ ихъ на подмости, и когда они обрушатся со временемъ, тогда собираютъ черепа и ставятъ ихъ въ кружокъ. (Гельвальдъ. Ibid.) Путешественникъ Э. Ст. Вразъ присутствовалъ на праздникѣ у индійскаго племени Гвагибовъ, въ день годовщины смерти ихъ начальника. Вразъ принялъ участіе въ торжественномъ шествіи къ мѣсту погребенія. Здѣсь трупъ начальника былъ выкопанъ; скелетъ его былъ очищенъ отъ засохшаго мяса различными инструментами, и волхвъ (жрецъ) этого народа, разведши красную краску въ маслѣ, покрасилъ ею черепъ и часть реберъ, а нѣкоторыя мѣста отѣнилъ желтою глиною. Когда все это было окончено, скелетъ былъ завернуть, и его понесли съ торжествомъ въ деревню, гдѣ онъ былъ положенъ на особенномъ мѣстѣ, въ жилищѣ нынѣшняго начальника этого племени. (Z cest. E. Wraze, pg. 102. Praha 1897).

Для чего служили черепа, приспособленные въ родѣ посуды, точно нельзя сказать. Кажется, что уже въ эпоху доисторическую былъ обычай пить изъ человѣческихъ череповъ, какъ это подтверждаютъ новѣйшія доказательства.

Мы знаемъ изъ сказаній древнихъ вѣровъ, что Скиѣы Исседоны пили изъ череповъ своихъ отцовъ, о чемъ утверждаетъ Помпоній Мела. Равнымъ образомъ встрѣчалъ этотъ обычай Марко Поло, знаменитый венеціанскій путешественникъ въ средній вѣкъ, у жителей Тибета. Интересныя указанія по этому вопросу изъ древности сообщаетъ д-ръ И. Ванкель въ „Casopisu muzejního spolku Olomuckého“ 1885 г. № 8. „Черепъ человѣческій въ древности“. Нѣкоторыя изъ нихъ слѣдующія. Уже Геродотъ пишетъ, что скиѣы дѣлали себѣ чаши изъ череповъ своихъ враговъ слѣдующимъ образомъ: черепъ отпиливали подъ глаз-

ною полостью и аккуратно очищали, потом покрывали его бычачьею кожею. Если черепъ былъ какого-нибудь замѣчательнаго врага, то кромѣ того внутренность его выкладывали золотомъ, и потомъ изъ него пили. Плиній Старшій (23—79 по Р. Х.) пишетъ объ одномъ народѣ, который якобы обитаетъ въ странѣ къ сѣверу отъ Дибіра на десять дней пути и пьетъ изъ череповъ человѣческихъ. То же самое говоритъ онъ о древнихъ Галлахъ, Лангобардахъ и др. (Hist. nat. VII. 22.). Силій Италикъ, эпическій поэтъ римскій (+ 100 г. по Р. Х.), говоритъ, что Кельты готовятъ себѣ подобныя чаши, оковываютъ ихъ золотомъ и пьютъ изъ нихъ во время особенно торжественныхъ праздниковъ. (Punica, VIII.). Плутархъ говоритъ, что древніе германцы пили кровь изъ череповъ своихъ враговъ, чтобы присвоить себѣ такимъ образомъ ихъ храбрость. Подобный обычай былъ у Скандинавовъ и Дановъ. Діодоръ Сицилійскій (около 50 г. до Р. Х.) и Страбонъ (66 до Р. Х.—2—4 по Р. Х.) рассказываютъ, что древніе Галлы отсѣкали головы павшихъ враговъ; головы выдающихся враговъ бальзамировали, остальные же передѣлывали въ чаши и сохраняли въ шкапахъ, или украшали ими стѣны своихъ жилищъ. Ливій (59 до Р. Х.—17 по Р. Х.) рассказываетъ, что Бон сдѣлалъ чашу—и оправилъ ее въ золото—изъ черепа Постума, римскаго полководца, трупъ котораго попалъ въ ихъ руки въ сраженіи 216 г. до Р. Х. Павелъ Діаконъ (около 797 по Р. Х.) пишетъ, между прочимъ, о Лангобардскомъ королѣ Альбоинѣ, что онъ сдѣлалъ себѣ чашу изъ черепа Кунимунда, короля Гепидовъ, котораго побѣдилъ и убилъ въ 568 г. по Р. Х., и заставилъ свою жену Розамунду, дочь Кунимунда, пить изъ этой чаши вино. Эту же чашу, какъ говорятъ, видѣлъ Павелъ Діаконъ еще сто лѣтъ спустя. (De gest. Langob. I. 37, II. 28.). Аммианъ Марцеллинъ (около 410 г. по Р. Х.) рассказываетъ, что Скордиски пьютъ кровь изъ череповъ враговъ. Подобно тому существуетъ преданіе, что Крумъ, князь болгарскій, который побѣдилъ и убилъ Никифора I, императора византійскаго въ 811 году по Р. Х., приказалъ черепъ императора украсить серебромъ и пилъ изъ него на пиршествахъ. Равнымъ образомъ Куря, князь Печенѣжскій, который въ 972 по Р. Х. убилъ въ сраженіи Святослава, русскаго князя, пользовался его черепомъ вмѣсто бокала при торжествахъ. Во время особенныхъ придворныхъ торжествъ въ Дагомеѣ король пьетъ спиртные напитки изъ черепа враждебнаго короля, котораго собственноручно онъ убилъ и черепъ его присвоилъ себѣ,

какъ трофѣй. Королевскій дворецъ въ Абоме весь разукрашенъ черепами человѣческими. (I. A. Skertchly: Dahomey as it is etc. London. 1874).

И такъ можетъ быть, что этотъ суровый, жестокій обычай укоренился такъ же у человѣка доисторическаго, хотя представляется и другая цѣль сохраненія череповъ—именно та, что пользовались человѣческими черепами, какъ посудой, въ необходимыхъ случаяхъ, когда не имѣли подъ рукою другой, болѣе удобной. Многіе того мнѣнія, что человѣкъ доисторическій находился въ извѣстную эпоху на самой низкой ступени культуры, какъ теперешній дикій австралиецъ, у котораго не проявляется склонности къ гончарству, вслѣдствіе чего онъ не имѣетъ глиняной посуды. По этой причинѣ жители Южной Австраліи пьютъ вмѣсто посуды изъ череповъ убитыхъ враговъ, и съ особеннымъ удовольствіемъ изъ череповъ родственниковъ, напр. родителей. Это единственный случай въ наше время частаго употребленія череповъ человѣческихъ вмѣсто посуды.

I. Корженскій, извѣстный чешскій путешественникъ, видѣлъ во время своего путешествія вокругъ свѣта въ Дарджилингѣ между другими тибетскими этнографическими предметами весьма интересныя барабанчики, сдѣланные изъ череповъ человѣческихъ. Они состояли изъ двухъ лобныхъ костей, которыя были соединены такимъ образомъ, что прикасались ихъ выпуклыя поверхности. Края же той и другой кости покрыты кожаной перепонкою, и получается музыкальный инструментъ, на которомъ ламы барабанятъ. Когда жители слышатъ звукъ барабанчиковъ, сдѣланныхъ изъ череповъ, то они знаютъ, что раздастся опять для кого-нибудь похоронный звонъ (Юсифъ Корженскій: Путешествіе вокругъ свѣта, VI, стр. 494). Навѣрное пройдетъ еще много времени, пока исторія древней эпохи въ состояніи будетъ представить точныя факты по этому вопросу. Интересною и характеристическою является находка части черепа, приспособленнаго къ употребленію вмѣсто чаши, которую нашелъ д-ръ Ванкель въ пещерѣ „Byci Skala“ (Бычья скала) въ Моравіи въ 1872 г. и которая находится въ придворномъ музеѣ въ Вѣнѣ. (Табл. I, № 1).

Этотъ сосудъ, наполненный сжатымъ просомъ, находился въ просторномъ преддверіи пещеры Бычьей скалы, глубоко подъ кучею самой древней посуды, нарочно сюда собранной, цѣлой и разбитой, которая была сложена аккуратнымъ образомъ и содержала разные остатки трупосожженія. Чаша

эта состоитъ только изъ лобной пазухи, которая отрѣзана горизонтально отъ остального черепа. Черепъ, изъ котораго была сдѣлана эта чаша, принадлежалъ человѣку среднихъ лѣтъ, и, по словамъ Ванкеля, скорѣе всего женщины. Самая большая дѣлна ея—180 мм., самая большая ширина—134 мм.

О другой чашѣ изъ человѣческаго черепа изъ Моравіи упоминаетъ г. Кписъ. (*Casopis vlast. spolku muz. v Olomouci* 1897, вып. 54—55, стр. 118). Онъ пишетъ слѣдующее: „Къ самымъ замѣчательнымъ предметамъ изъ укрѣпленнаго мѣста Лесковна вблизи Ольбрамовицъ принадлежитъ обломокъ сосуда, который произошелъ посредствомъ отрѣза человѣческаго черепа. Обломокъ этотъ представляетъ часть кости темянной (*os parietale*), имѣетъ видъ треугольника, одну сторону котораго образуетъ шовъ длиною въ 57 мм., другая сторона представляетъ ломаную плоскость, третья сторона искусственно срѣзана, длиною въ 55 мм. Разрѣзъ на плоскости нѣсколько неравенъ, но несомнѣнъ и отличается сейчасъ же при первомъ взглядѣ отъ обыкновеннаго излома. Судя по швамъ, еще несомнѣннымъ, обломокъ этотъ представляетъ часть черепа молодого человѣка, не старше 30 лѣтъ, когда эти швы срастаются“.

Изъ находокъ доисторическихъ череповъ, превращенныхъ въ чаши, приведемъ тотъ, который былъ найденъ вблизи Гладбаха, въ округѣ Дюссельдорфскомъ. Этотъ черепъ былъ найденъ въ глубинѣ свыше одной сажени среди пепелища, что указываетъ на то, что онъ былъ положенъ въ могилу вмѣстѣ съ другими подарками для покойника. Чаша изъ него была сдѣлана такимъ образомъ, что часть черепа, гдѣ находится собственно мозгъ, отцѣлили отъ остальныхъ лобныхъ частей, можетъ быть каменною пилкою. Другую чашу этого рода нашелъ Эдмундъ фонъ Фелленбергъ въ свайныхъ постройкахъ шаффисскихъ въ Бильскомъ озерѣ, въ Швейцаріи. Она была найдена между каменными инструментами, и полагаютъ, что относится къ неолитической эпохѣ. Чаша шаффисская сдѣлана изъ черепа брахикефала. (Табл. I. № 2). Въ Бильскомъ озерѣ найдена была еще одна чаша изъ лобной кости Гроссомъ Нейвевилемъ (*dr. Gross—Neuvevill*), которую онъ самъ описалъ (*Zeitschrift fur Ethnologie*, IX, pg. 131). На этомъ черепѣ показываються въ затылочномъ швѣ два отверстія, какъ будто-бы сдѣланныя для того, чтобы вѣшать его; но д-ръ Гроссъ полагаетъ, что эти дырочки не сдѣланы нарочно, а что онѣ произошли сами собою раздробленіемъ косточекъ Вормса. Подобную же чашу нашелъ Бруккнеръ въ Новомъ Браниборѣ, въ окру-

гѣ Старградскомъ, въ Мекленбургѣ. Вирховъ полагаетъ, что этотъ черепъ представляетъ очень древнюю чашу, такъ-какъ она весьма сходна съ пѣкоторыми лобными чашами изъ Австраліи, что весьма интересно (Табл. I, № 3).

Весьма часто черепа служили трофеями, и съ этимъ навѣрно близко стоитъ скальпированіе, хотя объ этомъ не сохранилось никакихъ доказательствъ изъ времени доисторическаго. Скальпированіе въ древности было бы также правдоподобнымъ, если бы мы придерживались того, что выше сказано было Петитомъ о цѣли трепанаціи американскихъ череповъ. Замѣчательныя данныя о трофеяхъ доисторическихъ временъ мы получаемъ изъ сочиненія Я. Студера и Баппварта, швейцарскихъ изслѣдователей: *Crania helvetica antiqua*. Leipzig, 1894 г., въ которомъ они описали рядъ человѣческихъ череповъ, найденныхъ въ свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи. Эти изслѣдователи полагаютъ, что во время свайныхъ построекъ жили въ Швейцаріи два племени, одно брахикефаловъ, другое долихокефаловъ. Первое племя появляется въ свайныхъ постройкахъ уже въ эпоху неолитическую, другое появляется только въ началѣ эпохи металловъ и преобладаетъ въ эпохѣ бронзовой. Весьма интересно то обстоятельство, что при первой встрѣчѣ металловъ не отыскиваются ни кости рукъ ни кости ногъ, а только черепа. Но эти черепа имѣютъ ясныя слѣды насильственнаго нанесенія ранъ, такъ что вышеупомянутые ученые полагаютъ, что жители свайныхъ построекъ сохраняли здѣсь эти черепа, какъ трофеи убитыхъ враговъ. Говорятъ, что этотъ народъ былъ брахикефаломъ, и только въ эпохѣ бронзовой встрѣчаемъ на озерахъ типъ долихокефальный. Изъ этого можно заключать, что это поколѣніе послѣ продолжительной борьбы побѣдило племя брахикефаловъ.

Изъ того, что извѣстная намъ погоня за черепами у нѣкоторыхъ народовъ, преимущественно у жителей архипелага Малайскаго, имѣетъ своимъ поводомъ людоедство, можно сдѣлать предположеніе въ этомъ смыслѣ и относительно эпохи доисторической.

Приведемъ здѣсь вѣсколько новѣйшихъ примѣровъ погони за черепами, какъ трофеями. Даяки, каннибалы на Борнео, извѣстные охотники за черепами, не могутъ обойтись ни при одномъ торжествѣ безъ какого-нибудь подобнаго трофея. Они дѣлаютъ изъ черепа мумію и окрашиваютъ его орнаментомъ, или очищаютъ черепъ отъ мяса и украшаютъ его гравюрами. (Табл. II, № 2). Чѣмъ больше кто-нибудь добылъ череповъ,

тѣмъ больше перьевъ изъ хвоста птицы анганга можетъ онъ носить на головѣ. (Karl Bock. Unter den Kannibalen auf Borneo. Iena 1882). Этотъ обычай также укорененъ у Альфуровъ въ сѣверной части Целебеса (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, 1882). Папуасы въ Новой Гвинее также страстные охотники за черепами, и они сохраняютъ въ своихъ жилищахъ много череповъ, которые или лежатъ завернутыми въ циновкахъ, или висятъ на вертикальныхъ шестахъ. (Rosenberg: Der Malayische Archipel.). Путешественникъ Вразъ видѣлъ въ Новой Гвинее у Морейцевъ толпу туземцевъ, лица которыхъ были зачернены въ знакъ того, что они гонятся за черепомъ, чтобы отомстить за другой черепъ, который былъ у нихъ отнять (Z cest E. Uráze, Praha 1797—8, стр. 387). Туземцы острововъ Самуиловыхъ въ Тихомъ океанѣ устраиваютъ походы для того, чтобы нападать на людей, убивать и поѣдать ихъ, овладѣвать ихъ черепами и сохранять ихъ дома. Племя Мундукуры, живущее на рѣкѣ Тапахосъ (Tapaños) въ Южной Америкѣ, имѣетъ также обыкновеніе отрѣзывать головы враговъ и сохранять ихъ, какъ знакъ побѣды. Черепа готовятъ слѣдующимъ образомъ, по словамъ О. Плегера (O. Plöger): сперва вынимаютъ мозгъ черезъ отверстія, сдѣланныя на темени черепа, и глазныя впадины, потомъ покрываютъ всю голову слоемъ глины, затѣмъ развѣшиваютъ черепа надъ огнемъ, куда подкладываютъ листья разныхъ растений. и такимъ образомъ медленно коптятъ ихъ. Послѣ всего этого украшаютъ ихъ пестрыми перьями, глазныя впадины наполняютъ смолою и въ средину вставляютъ кости тихохода медвѣжьяго. Такой знакъ побѣды воинъ носить вокругъ бедеръ, повѣшеннымъ на веревочкѣ, которая всунута между зубами черепа. (Globus, XX, pg. 109). Еще нужно упомянуть объ интересной погонѣ за черепами, распространенной между индійцами племени Ибаровъ, между рѣками Чивчине и Пастаса въ округѣ провинціи del Orient. Побѣдители въ сраженіи отрѣзываютъ у побѣжденныхъ головы, которые варятъ, потомъ снимаютъ съ нихъ кожу, высушиваютъ ее въ дыму и дѣлаютъ изъ нея маску. (E. Hamy: Nouveaux renseignements sur les indiens Ivaros. Rev. d'Anthrop. 1873. pg. 392). По толкованію другихъ, вынимаютъ изъ кожи черепъ, и въ кожу кладутъ горячій камень, вслѣдствіе чего она высушивается и стягивается, но сохраняетъ черты лица. Когда кожа совсѣмъ приготовлена, созываютъ боевымъ барабаномъ „тундули“ весь народъ на большое празднество побѣды. Этотъ знакъ побѣды или „ханха“ провозглашается

во время этого праздника чародѣемъ, такъ называемымъ „каннто“,—пдоломъ или талисманомъ, который послѣ, если не производитъ чудесъ, чего они желаютъ, выбрасывается въ лѣсъ, какъ никуда негодная вещь. Этотъ обычай сохраняется по крайней мѣрѣ у иварскаго племени Тумба или Тамбо. Не всѣ однако непріатели превращаются въ идоловъ вышеописаннымъ способомъ, а только самые храбрые достигаютъ такой почести. У нихъ выдергиваютъ Инвары кромѣ того еще сердце и мозгъ, которые поѣдаютъ. (Globus, XIX, pg. 318).

Г. В. Желязко нашелъ въ коллекціяхъ императорскаго музея въ Вѣнѣ обломокъ человѣческаго черепа изъ городища Страдонницкаго на р. Бероункѣ, который расписанъ вырѣзанными кружками, которые находятся часто на разныхъ инструментахъ, сдѣланныхъ изъ костей, *даже на костяхъ въ курганахъ крымскихъ*. Этотъ обломокъ былъ покрытъ красною краскою и былъ обожженъ. Для чего сдѣланъ былъ этотъ обломокъ, нельзя точно опредѣлить (Табл. I, № 4). Д-ръ Ванкель говоритъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи (Cas. muz. spolku Olom. 1885, вып. 8, pg. 161) о находкѣ маленькой чаши изъ дѣтскаго черепа, которая также была найдена въ городищѣ Страдонницкомъ. Трудно сказать, была-ли это дѣйствительно чаша, но д-ръ Ванкель допускаетъ то мнѣніе, что здѣсь дѣло идетъ объ амулетѣ или о памяти о покойникѣ. Подобнаго типа, кажется, былъ срѣзанный черепъ изъ Приказа, вблизи Ольмюца (Табл. II, № 1), который былъ найденъ въ могилѣ вмѣстѣ съ серебрянымъ браслетомъ и золотою фибулою. Съ теменн черепа этого срѣзана большая часть. Образованное такимъ образомъ отверстіе имѣетъ форму яйцевидную; самая большая ширина его 98 мм., самая большая длина 120 мм. Края отверстія своею плоскостью спускаются внутрь черепа съ краснобурой окраской. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у краевъ замѣтно, что черепъ рѣзался острымъ инструментомъ. Ванкель полагаетъ, согласно съ инвентаремъ могилъ, что это былъ черепъ женщины (Cas. muz. spolku Olom. pg. 159, 1885, вып. 8).

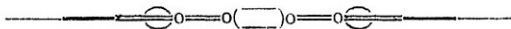
Генералъ Минулоти, который изслѣдовалъ внутренность ступеньчатой пирамиды египетской, нашелъ въ саркофагѣ мумію съ позолоченнымъ черепомъ и съ позолоченными ступнями; но корабль, который долженъ былъ доставить эти археологическіе предметы въ Германію, потонулъ въ устьѣ Эльбы. (I. Korénsky: Cesta kolem svéta, II. pg. 655).

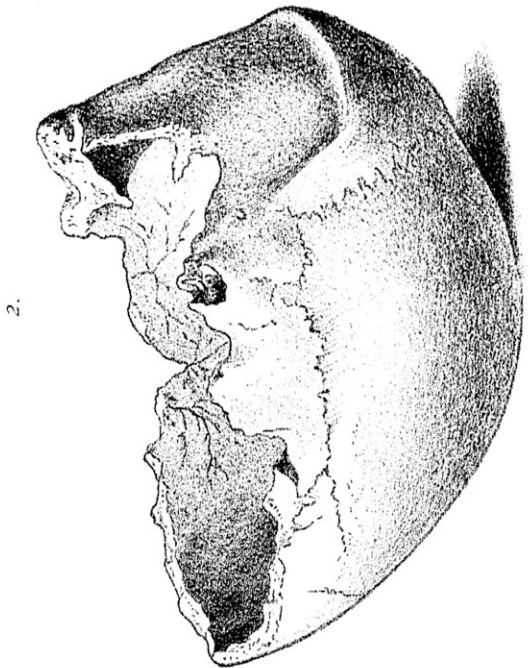
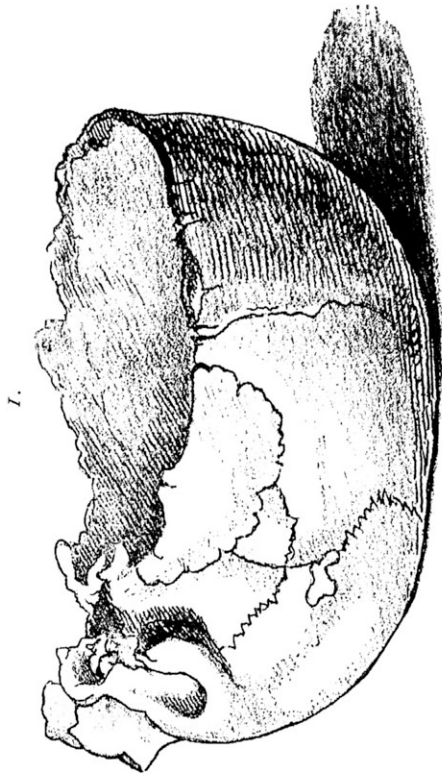
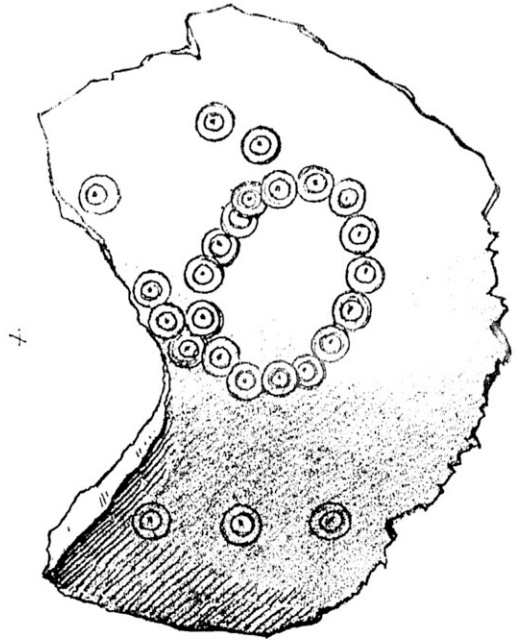
Обычай украшать черепа сильно теперь укоренился въ окрестностяхъ Зальцбурга, въ Хорутаніи и т. д. Черепъ, ко-

торый долженъ быть положенъ въ костникѣ. украшается орнаментомъ изъ цвѣтовъ, затѣмъ дѣлають надпись, кому онъ принадлежитъ, и прибавляютъ, котораго числа это сдѣлано. Нѣсколько такихъ череповъ находится въ этнографическомъ музеѣ въ Вѣнѣ. Въ Галльштадтѣ, гдѣ кладбище съ церковью тѣсно примыкаетъ къ р. Сальцбергу, вливающемуся въ Галльштадтское озеро, находится въ костникѣ весьма интересный матеріалъ изъ разукрашенныхъ череповъ. Такъ какъ пространство кладбища очень невелико и скоро наполняется, то выкапываютъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ погребенія скелеты изъ могилъ и кладутъ ихъ въ кринту. Болѣе зажиточные жители платятъ могильщику, который живетъ на самомъ кладбищѣ, и тотъ вывариваетъ кости, выдѣлываетъ и окрашиваетъ, потомъ укладываетъ ихъ въ костникѣ, гдѣ каждый житель имѣетъ свое назначенное мѣсто. Темя череповъ дѣвицъ и женщинъ украшаютъ вѣнкомъ лавровымъ и т. п. зеленою краскою, а на лбу пишется имя, день рожденія и смерти, даже степень родства. Подъ черепа священниковъ кладутъ деревянный служебникъ, оклеенный бумагою. Между прочимъ находится здѣсь одинъ черепъ, хозяина котораго укусила змѣя, отъ чего онъ и умеръ. Вокругъ темени этого черепа нарисована змѣя, и указана причина смерти. Впрочемъ, изображеніе змѣи на черепахъ встрѣчается довольно часто, вѣроятно какъ символъ смерти. (*Zeitschrift für österreichische Volkskunde*, v I., pg. 80—81—и R. Andree: *Schädelcult*). Остальные кости укладываются въ костникѣ, какъ дрова; въ нѣкоторыхъ костникахъ образуютъ изъ костей всю церковную утварь, и устраиваютъ цѣлыя пирамиды, какъ напр. въ г. Сѣдлецѣ, близъ Кутной Горы, и въ г. Колинѣ.

Дальнѣйшихъ весьма интересныхъ и важныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ можно ожидать только въ дальнѣйшихъ трудахъ по антропологии и доисторической археологии.

А. Кашпаръ.

a)

1.

b)

2.

О Т Ч Е Т Ъ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ
ЗА 1899 ГОДЪ.

Дѣятельность Таврической Ученой Архивной Коммисіи въ истекшемъ 1899 г. состояла: а) въ разборѣ и разсмотрѣніи архивныхъ дѣлъ разныхъ правительственныхъ учрежденій, для выдѣленія изъ нихъ такихъ, которыя, будучи назначены къ уничтоженію, заслуживаютъ храненія въ историческомъ архивѣ, и б) въ розысканіи и охранѣ памятниковъ древности въ Крыму и Таврической губерніи вообще. Труды Коммисіи по разсмотрѣніи архивныхъ дѣлъ выразились въ слѣдующихъ фактахъ:

а) Товарищъ предсѣдателя Коммисіи В. П. Ласковскій разсмотрѣлъ 27 описей Ялтинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, пристава г. Карасубазара и Феодосійскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, при чемъ изъ 9352 значащихся въ этихъ описяхъ дѣлъ признаны заслуживающими храненія 2039 дѣлъ.

б) Членъ Коммисіи А. К. Романюкъ разсмотрѣлъ опись 658 дѣлъ пристава 2-го стана Симферопольскаго уѣзда, при чемъ оказалось заслуживающимъ храненія только одно дѣло.

в) Членъ Коммисіи М. И. Филипповъ разсмотрѣлъ 7 описей 37867 дѣлъ Таврической Казенной Палаты, изъ которыхъ оказались заслуживающими храненія всего 118 дѣлъ; онъ-же разсмотрѣлъ опись 1067 дѣлъ Бессарабской Казенной Палаты, при чемъ признаны были заслуживающими храненія 41 дѣло. Хотя громадное число предположенныхъ къ уничтоженію дѣлъ Таврической Казенной Палаты не представляютъ значенія ни въ историческомъ, ни въ бытовомъ отношеніи, но такъ какъ этотъ архивъ находится въ Симферополѣ и фактическое разсмотрѣніе его представляется удобнымъ, то Коммисія просила Казенную Палату воздержаться отъ продажи

архивныхъ дѣлъ до фактическаго разсмотрѣнія ихъ членами Архивной Коммиссіи.

По просьбѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Коммиссія разсмотрѣла составленный проф. Д. И. Самоквасовымъ проектъ централизаціи архивовъ въ Россіи, а также подобный проектъ, составленный товарищемъ предсѣдателя Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи А. В. Селивановымъ. Раздѣляя всецѣло мнѣніе о необходимости упорядоченія архивнаго дѣла въ Россіи и учрежденія центральныхъ архивовъ въ губернскихъ городахъ, Коммиссія обратила особенное вниманіе на шаткое, неопредѣленное положеніе ученыхъ архивныхъ коммиссій, дѣятельность которыхъ тормозится отъ недостатка средствъ и отсутствія въ ихъ составѣ штатныхъ ученыхъ архивистовъ. Кромѣ того, много помогло бы Коммиссіямъ изданіе опредѣленныхъ и обязательныхъ инструкцій относительно выбора для храненія въ историческомъ архивѣ дѣлъ разныхъ учреждений и вѣдомствъ, а также изданіе распоряженія по всемъ вѣдомствамъ и учреждениямъ объ обязательномъ уничтоженіи архивныхъ дѣлъ только послѣ фактическаго разсмотрѣнія ихъ Архивными Коммиссіями.

Историческій Архивъ Коммиссіи обогащался и въ истекшемъ году, подобно предыдущимъ, присылкой архивныхъ дѣлъ изъ Сенатскаго архива, касающихся Таврической губерніи и весьма важныхъ для ея исторіи и быта.

Въ истекшемъ году обследованы были Коммиссіей переданные для ея музея: а) рукописная книга вакуфныхъ имуществъ и судебныхъ дѣлъ по г. Евпаторіи,—конца прошлаго столѣтія, на татарскомъ языкѣ; б) три ханскихъ ярлыка первой половины XVIII вѣка и в) два отрывка изъ свитковъ пятикнижія, принадлежавшихъ Θεодосійской синагогѣ.

Заботы Коммиссіи о сохраненіи памятниковъ древности въ Тавридѣ не остаются безрезультатными. Такъ, согласно возбужденному Коммиссіей въ 1897 году вопросу о сохраненіи угрожающихъ паденіемъ башенъ въ с. Алуштѣ, на укрѣпленіе этихъ развалинъ византійской крѣпости и приведеніе ихъ въ безопасное состояніе отпущена въ истекшемъ году Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сумма въ 800 рублей въ распоряженіе г-на Таврическаго губернатора. Равно также имѣло успѣхъ ходатайство Коммиссіи о необходимости ремонта древней мечети въ имѣніи Эски-Сарай (Симф. у.) свѣтлѣйшаго князя Долгорукаго, и этотъ красивый памятникъ

арабской архитектуры въ Крыму старательно реставрированы въ истекшемъ году губернскимъ инженеромъ Ивановымъ на средства владѣльца.

По порученію Императорской Археологической Коммиссіи, членъ Коммиссіи А. Г. Иваненко производилъ въ истекшемъ году, при участіи члена Коммиссіи Измаила мурзы Гаспринскаго и правителя дѣлъ Коммиссіи А. И. Маркевича, раскопки въ ущельи Ханлы-дере въ Бахчисарафѣ, при чемъ открыты были еще двѣ усыпальницы, кромѣ найденной въ предыдущемъ году.

По порученію Коммиссіи, правитель дѣлъ ѣздилъ въ д. Стилло Ялтинскаго уѣзда и доставилъ оттуда известную плиту съ надписью іером. Гервасія изъ Сумелы, находившуюся вѣкогда надъ входомъ въ разрушенную уже церковь.

Къ сожалѣнію, Коммиссія не имѣетъ возможности и средствъ предупредить хищническія раскопки кургановъ въ предѣлахъ губерніи, что имѣло мѣсто и въ истекшемъ году въ разныхъ мѣстахъ губерніи.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ актовъ дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи въ истекшемъ году было чествованіе памяти великаго нашего поэта А. С. Пушкина, по поводу исполнившагося 26-го мая 1899 г. столѣтія со дня его рожденія. Пушкинъ, пребываніе котораго въ Крыму представляетъ такой знаменательный моментъ въ жизни нашего края, Пушкинъ, не разъ черпавшій вдохновеніе въ роскошныхъ картинахъ крымской природы и посвятившій Крыму много прелестныхъ стиховъ своей высокой музы, Пушкинъ, не чуждавшійся и кропотливаго труда въ архивной пыли при изученіи историческихъ матеріаловъ и такъ любившій нашу добрую русскую старину,—Пушкинъ, и какъ поэтъ и какъ историкъ-архивистъ, справедливо привлекалъ вниманіе корпораціи членовъ Архивной Коммиссіи. Въ виду того, что 26-го и 27-го мая 1898 г. чествовали Пушкина въ Симферополѣ учебныя заведенія, а 28-го городское самоуправленіе, чествованіе памяти Пушкина Коммиссіей происходило 25-го мая. По предварительному постановленію Коммиссіи, 25-го мая, въ залѣ Таврической Губернской Земской Управы, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Попечителя Коммиссіи г-на Таврическаго Губернатора, Шталмейстера Двора Его Величества П. М. Лазарева, въ присутствіи преосвященнаго Николая Епископа Таврическаго и Симферопольскаго, Предсѣдателя Архивной Коммиссіи А. Н. Ильина и всѣхъ наличныхъ членовъ

Коммисіи, состоялось публичное засѣданіе Архивной Коммисіи. Въ этомъ засѣданіи, послѣ вступительныхъ словъ г-на Непремѣннаго Попечителя и Предсѣдателя Коммисіи, произнесена была Правителемъ Коммисіи рѣчь, въ которой представлены были обстоятельства пребыванія Пушкина въ Крыму, и выяснено вліяніе этого момента жизни поэта на его творчество.

Коммисія принимала участіе въ XI Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ депутатовъ и привѣтствовала Таврическое Губернское Земство по случаю открытія при Губернской Земской Управѣ Естественно-историческаго музея.

Музей, архивъ и библіотека Коммисіи помѣщаются въ нижнемъ этажѣ зданія Губернской Земской Управы, и это помѣщеніе такъ тѣсно, что Коммисія не имѣетъ возможности удобно расположить въ немъ свои собранія предметовъ древности и дѣла губернскаго историческаго архива. Впрочемъ, Коммисіи обѣщано въ томъ же зданіи болѣе просторное помѣщеніе.

Коммисія обмѣнивалась своимъ изданіемъ въ истекшемъ году со многими учеными обществами, и этимъ путемъ, а также пожертвованіями членовъ Коммисіи обогащалась ея библіотека. Всего поступило въ музей 115 экз. книгъ и брошюръ.

Музей Коммисіи обогащался, какъ въ прежніе годы, пожертвованіями, особенно Императорской Археологической Коммисіи, и путемъ покупки, на что, впрочемъ, при скудости своихъ средствъ, Коммисія можетъ употреблять самую незначительную сумму. Изъ прибрѣтеній Коммисіи въ отчетномъ году особенно важны пожертвованныя Императорской Археологической Коммисіей три червонца венеціанскихъ дождей изъ числа найденныхъ въ г. Старомъ-Крыму. Куплено было нѣсколько предметовъ древности, найденныхъ на Неаполисѣ, хотя и не представляющихъ особеннаго интереса, для предупрежденія продажи находимыхъ въ той мѣстности предметовъ древности въ другія руки. Всего поступило въ музей 26 монетъ и 48 другихъ предметовъ древности.

Музей Коммисіи былъ открытъ для публики въ воскресные дни, и посѣщался охотно публикой, особенно учащейся молодежью. Между прочимъ, его посѣщала экскурсія ученицъ Одесскихъ гимназій, организованная Крымскимъ Горнымъ Клубомъ подъ руководствомъ Е. В. Князева.

Въ теченіе отчетнаго года состоялось пять засѣданій Коммиссіи, въ которыхъ было сдѣлано мѣстными членами Коммиссіи 6 болѣе крупныхъ и нѣсколько мелкихъ сообщеній, напечатанныхъ въ № 30-омъ „Извѣстій“ Коммиссіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ отчетномъ году.

Въ число членовъ Коммиссіи были избраны въ 1899 году 7 лицъ.

Выбыло изъ состава Коммиссіи два члена, принимавшіе большое участіе въ трудахъ Коммиссіи въ первые годы ея дѣятельности. 12-го іюня скончался членъ Коммиссіи инспекторъ Симферопольскаго епархіальнаго училища о. Димитрій Якимовичъ, принимавшій дѣятельное участіе въ разборѣ архивныхъ дѣлъ; 19-го ноября скончался членъ Коммиссіи б. заслуженный преподаватель Симферопольской гимназіи Ф. Я. Ребець, хорошій знатокъ классической нумизматики и прекрасный чтець древне-греческихъ надписей.

Средства Коммиссіи, какъ видно изъ прилагаемой вѣдомости, въ отчетномъ году были очень ограничены и состояли главнымъ образомъ изъ пособія Таврическаго Губернскаго Земства, пособія Симферопольской Городской Думы и пожертвованій г.г. членовъ Губернскаго Земскаго Собранія.

Оставалось отъ 1898 года — — — — 208 р. 28 к.

Въ 1899 году поступило:

1. Пособіе отъ Губернскаго Земства -	— —	300 р. — к.
2. Пособіе Симферопольской Городской Думы -	— —	50 р. — к.
3. Пожертвованій и членскихъ взносов—	— —	131 р. — к.
4. Отъ продажи „Извѣстій“ Коммиссіи выручено	— —	12 р. — к.
5. Случайныхъ поступленій—	— — — —	11 р. 13 к.

Итого— — 504 р. 13 к.

Въ 1899 году израсходовано:

1. На печатаніе „Извѣстій“ Коммиссіи — —	— —	282 р. 31 к.
2. На содержаніе музея древностей — — —	— —	39 р. 35 к.
3. На покупку музейныхъ вещей и перевозку ихъ	— —	7 р. 85 к.
4. Командировки для обозрѣнія древностей и раскопокъ — — — — — — — —	— —	23 р. 20 к.
5. Почтовые и канцелярскіе расходы - — —	— —	6 р. 75 к.

6. Случайные расходы — — — — —	24 р. — к.
	<hr/>
	Всего — 383 р. 46 к.
Въ остаткѣ на 1900 годъ - — — — —	120 р. 67 к.
	<hr/>
А всего въ остаткѣ на 1900 г.	328 р. 95 к.

Правитель дѣлъ
 Таврической Ученой Архивной Коммисіи
Арсеній Маркевичъ.

ПРОТОКОЛЫ

Засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммисіи

Засѣданіе 12-го февраля 1900 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Коммисіи А. Н. Ильина присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя В. П. Ласковскій, г.г члены: А. В. Ивановъ, Д. С. Матвѣевъ, Измаиль мурза Муфтій-Заде, П. И. Щастливцевъ, Аблякимъ Куламетъ оглу эфенди и правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ.

I. Доложенъ протоколъ предыдущаго засѣданія Коммисіи.

Постановлено: протоколъ утвердить.

II. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммисіи отъ 2-го декабря 1899 года за № 2148, съ препровожденіемъ для музея Таврической Ученой Архивной Коммисіи двухъ золотыхъ колечекъ, найденныхъ при расчисткѣ развалинъ усыпальницъ въ „Ханской долинь“ близъ Бахчисарая.

Постановлено: благодарить за это пожертвованіе.

III. Доложено отношеніе той-же Коммисіи отъ 13-го декабря 1899 года за № 2225, съ препровожденіемъ для музея Таврической Ученой Архивной Коммисіи стеклянаго сосуда, поломаннаго чернолаковаго кувшинчика и четырехъ красноглиняныхъ лампочекъ, найденныхъ въ Севастополѣ и его окрестностяхъ.

Постановлено: благодарить за это пожертвованіе.

IV. Доложено письмо г-на Директора Археологическаго Института съ просьбой о доставленіи ему свѣдѣній о времени учрежденія и открытія Таврической Ученой Архивной Коммисіи, именъ, отчествъ и фамилій должностныхъ лицъ Коммисіи и времени избранія ихъ въ настоящія должности.— Правитель дѣлъ заявилъ, что требуемыя г. Директоромъ Археологическаго Института свѣдѣнія представлены немедленно по полученіи его письма.

V. Доложено отношеніе г. Директора Археологическаго Института отъ 29-го ноября 1899 г. за № 446, съ просьбой высказаться по вопросу о томъ, куда должны отсылаться на просмотръ, предварительно уничтоженія, дѣла тѣхъ казенныхъ палатъ, въ районѣ коихъ не имѣется ученыхъ архивныхъ комиссій, и въ частности точно указать, какія губерніи и области, по соображеніямъ историческимъ и практическимъ, должны быть отнесены къ району дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи въ отношеніи просмотра и оцѣнки документовъ. При внимательномъ обсужденіи настоящаго вопроса, члены Коммиссіи прежде всего высказались противъ разсмотрѣнія архивныхъ дѣлъ по рассылаемымъ въ архивныя комиссіи описямъ; неудобства такого разсмотрѣнія испытала и Таврическая Ученая Архивная Коммиссія при разсмотрѣніи присылавшихся на ея заключеніе дѣлъ архивныхъ дѣлъ Бессарабской и Ставропольской Казенныхъ Палатъ. Что же касается вопроса о томъ, какія губерніи должны быть отнесены къ району дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, то присутствующіе, на основаніи историческихъ соображеній и бытовыхъ условій края, высказались, что ея дѣятельность должна быть ограничена только предѣлами Таврической губерніи, особенно въ виду предстоящаго открытія архивной Коммиссіи въ г. Екатеринославѣ.

Постановлено: настоящіи соображенія Коммиссіи представить г. Директору Археологическаго Института.

VI. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 7-го декабря 1899 года за № 2068, съ просьбой о назначеніи представителей въ Предварительный Комитетъ XII-го Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ, имѣющій собраться съ 4-го по 6-е января 1900 г. въ Москвѣ.

Правитель дѣлъ заявилъ, что въ виду полученія настоящаго отношенія во время Рождественскихъ святыхъ, депутаты отъ Архивной Коммиссіи въ Предварительный Комитетъ XII Археологическаго Съѣзда не могли быть избраны.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VII. Доложено отношеніе Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора (въ Петербургѣ) отъ 21-го января 1900 года за № 27, съ просьбой о высылкѣ въ имѣющуюся при Архивѣ библіотеку трудовъ Коммиссіи, въ обмѣнъ на изданія Общаго Архива.

Постановлено: выслать въ Общій Архивъ Министерства

Императорскаго Двора вышедшія №№ „Извѣстій“ Коммисіи и высылать дальнѣйшіе по мѣрѣ выхода въ свѣтъ.

VIII. Доложено отношеніе г. Директора С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ отъ 21-го января 1900 года за № 104, съ просьбой о высылкѣ на Курсы трудовъ Коммисіи.

Постановлено: выслать на Высшіе Женскіе Курсы вышедшіе №№ „Извѣстій“ Коммисіи и высылать дальнѣйшіе, по мѣрѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

IX. Доложено отношеніе Таврической Казенной Палаты отъ 10-го Января 1900 года за № 26, съ препровожденіемъ четырехъ описей подлежащимъ уничтоженію архивнымъ дѣламъ бывшаго Контрольнаго Отдѣленія Палаты съ 1804 по 1865 г. на разсмотрѣніе Коммисіи и заключеніе, нѣтъ ли среди нихъ заслуживающихъ храненія въ историческомъ архивѣ.

Постановлено: просить члена Коммисіи М. И. Филиппова разсмотрѣть означенныя описи и значащіяся въ нихъ дѣла на мѣстѣ и дать свое заключеніе въ ближайшемъ засѣданіи Коммисіи.

X. Доложено письмо г. Вице-президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографій съ извѣщеніемъ о томъ, что 30-го марта 1900 года исполнится двадцатипятилѣтіе дѣятельности въ означенномъ обществѣ его президента проф. Д. Н. Анучина.

Постановлено: послать г. академику профессору Д. Н. Анучину, ко дню его юбилея, привѣтствіе Коммисіи въ слѣдующихъ словахъ: „Присоединяясь къ празднику всей русской науки по случаю истекающаго 25-ти-лѣтія неутомимой дѣятельности Вашего Превосходительства въ предсѣдательствуюмомъ Вами Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, Таврическая Ученая Архивная Коммисія имѣетъ честь выразить Вамъ горячее пожеланіе еще долгіе и долгіе годы украшать своими трудами родную науку, которой Вы такъ блестяще и самоотверженно служите уже свыше тридцати лѣтъ“.

XI. Доложено письмо изъ Праги члена Коммисіи А. О. Кашнара съ сообщеніемъ выписки изъ путешествія чешскаго ученаго Вразъ *о ритуальномъ раскрашиваніи костей покойниковъ*, которое, практикуется индѣйскимъ племенемъ Гвагибы, живущимъ на р. Ориноко, — слѣдующаго содержанія: „На рѣкѣ Ориноко живетъ индѣйское племя Гвагибы. Э. Вразъ прибылъ къ нимъ, во время своего путешествія, въ годовщину смерти

ихъ начальника. Послѣ окончанія церемоній въ его домѣ, всѣ мужчины двинулись съ оружіемъ въ рукахъ и съ музыкою къ тому мѣсту за селеніемъ, гдѣ находилось, подѣ камнями, въ корзину (катумаре), сплетенной изъ пальмовыхъ листьевъ. Тѣло годѣ тому назадъ умершаго ихъ начальника. Вынувъ тѣло изъ этой корзины, положили его на голую скалу и снимали засохшее мясо съ костей копьями, стрѣлами, острыми камушками, черепками и ракушками. Затѣмъ жрецъ (бро-кауиры) распустилъ въ маслѣ черепахи красную ореллановую краску (изъ дерева *Bixa Orellana*) и разрисовалъ черепъ и часть реберъ этой краской, а на другихъ мѣстахъ навелъ тѣмъ желтой краской, послѣ чего скелетъ положили въ новую корзину, положили туда же оружіе начальника, принесенное изъ селенія, и при звукахъ свирѣлей и барабановъ понесли его въ деревню, гдѣ продолжались разныя церемоніи въ домѣ покойнаго, послѣ чего его похоронили“. Приведа эти интересныя данныя изъ сочиненія Е. Ст. Вразы: *Cesty svétem*, стр. 270 etc. и другого изданія этого же сочиненія: *Z cest E. St. Uráze*. Praha, 1898. K tisku upravil prof. V. Bause, стр. 99—106,—уважаемый Алоизій Осиповичъ Кашпаръ указываетъ на вышеописанный обрядъ, какъ на интересный матеріалъ къ разрѣшенію вопроса о крашенныхъ костяхъ, которыя такъ часто встрѣчаются и въ курганахъ крымскихъ. Что крымскіе крашенные черепа покрыты рисункомъ, — несомнѣнно; затѣмъ вмѣстѣ съ крашенными кососями находятся и въ крымскихъ курганахъ острые камушки, копья, стрѣлы и ракушки. Совпаденіе во всякомъ случаѣ весьма знаменательное.

Выслушавъ сообщеніе А. О. Кашпара, постановили: благодарить его за трудъ, сообщеніе его же внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

ХІІ. Правитель дѣлъ доложилъ, что 12-го декабря 1899 года произошло открытіе Естественно-историческаго музея при Таврической губернской земской управѣ, На этомъ торжествѣ г. председатель Коммиссіи привѣтствовалъ Таврическое Земство въ качествѣ представителя города Симферополя, какъ его городской голова, послѣ чего правитель дѣлъ Коммиссіи прочелъ адресъ отъ имени ея слѣдующаго содержания:

„Познаніе отечества составляетъ одну изъ лучшихъ цѣлей образованія, содѣйствіе этому познанію лучшая задача всякаго просвѣщеннаго общества, успѣхи отечествовѣдѣнія—лучшая его радость. Таврическая Ученая Архивная Коммиссія, скромные труды которой направлены на изученіе исторіи

и древностей Тавриды, съ живѣйшею радостью привѣтствуетъ открытіе Естественна-историческаго музея при Таврической Губернской Земской Управѣ, представляющаго такой богатый матеріалъ для изученія и познанія природы этого края, физическихъ условій его жизни, которыя въ значительной степени опредѣляютъ и объясняютъ его исторію и бытъ.

Глубокая признательность Таврическому Земству, съ просвѣщеннымъ вниманіемъ отнесшемуся къ учрежденію этого музея, который, надо надѣяться, сослужитъ хорошую службу здѣшнему краю! Честь и хвала устройтелю музея С. А. Мокржецкому, энергіей и трудами котораго составились эти богатые и рѣзнообразныя коллекціи, дающія такую полную картину физической жизни нашей Тавриды“.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XIII. Правитель дѣлъ доложилъ о цѣнномъ пожертвованіи члена Коммиссіи А. Л. Бертье-Делагарда, который прислалъ для бібліотеки Коммиссіи 14 цѣнныхъ и рѣдкихъ сочиненій, касающихся Крыма. (Поименованы ниже).

Постановлено: выразить А. Л. Бертье-Делагарду искреннюю благодарность Коммиссіи за его даръ.

XIV. Г. Предсѣдатель Коммиссіи предложилъ въ члены ея доктора Петра Ивановича Кольскаго; правитель дѣлъ академика Димитрія Николаевича Анучина.

XV. Поступили въ музей Коммиссіи: мраморная группа, якобы изъ Херсониса, пожертвованная неизвѣстнымъ лицомъ; двѣ мѣдныя русскія монеты: денѣга 1798 и полушка 1735, пожертвованныя г. Любелскимъ и мѣдная золотоордынская монета, пожертвованная мурзой Акчуринымъ.

XVI. Въ бібліотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ № 2-й т. XI-го ея „Извѣстій“ за 1899 годъ.

2. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“ № 8—10 за 1899 годъ и Матеріалы по Археологіи восточныхъ губерній, т. III, подъ ред. Д. Н. Анучина.

3. Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ т. XVI, вып. I-й его „Извѣстій“, 1900 г.

4. Отъ Университета Св. Владиміра №№ 5-й (Памяти Пушкина), 10 и 11 его „Университетскихъ Извѣстій“ за 1899 г.

5. Отъ Крымскаго Горнаго Клуба №№ 7—8, 9—10 и 11 и 12 его „Записокъ“ за 1899 годъ.

6. Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества т. X-й (вып. 3—4) его „Записокъ“ 1899 г. и т. XII, (вып. II—III) „Записокъ Восточнаго Отдѣленія“ 1899 г.

7. Отъ Калужской Ученой Архивной Коммисіи вып. II-й ея „Извѣстій“ 1899 года.

8. Отъ Владимірской Ученой Архивной Коммисіи: а) т. I-й ея „Трудовъ“ и б) брошюра: „Пушкинскіе дни въ губернскомъ городѣ Владимірѣ“.

9. Отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи Журналъ XLVI засѣданія ея (22-го октября 1898 года).

10. Отъ Костромской Ученой Архивной Коммисіи Журналы засѣданій 27 іюня и 23 сентября 1898 года.

11. Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Протоколы 320-го и 321-го засѣданій его.

12. Отъ Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ ея изданія: а) Палеографическій Изборникъ, вып. I и б) Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. 1899 г.

13. Отъ Троицко - Савско - Кяхтинскаго Отдѣленія Имп. Русск. Геогр. Общ. т. II, вып. III-й его „Трудовъ“ 1899 г.

14. Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиці трудъ проф. Д. Я. Самоквасова: „Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы, въ связи съ архивной реформой въ Россіи“.

15. Отъ Виленской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ: т. XXVI издаваемыхъ ею „Актовъ“ 1899 г.

16. Отъ Севастопольской морской офицерской бібліотеки Отчетъ за 1898 годъ.

17. Отъ „Науковаго Товариства імени Шевченка“ въ Львовѣ: т. XXXI и XXXII его „Записокъ“ 1899 г.

18. Отъ члена Коммисіи П. П. Короленко его трудъ „Некрасовскіе казаки“ 1899 г.

19. Отъ проф. М. Н. Бережкова его трудъ: „Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни“. Рѣчь, произн. 26-го мая 1899 г.

20. Отъ проф. Д. И. Багалъя его труды: а) Удаленіе проф. И. Е. Шада изъ Харьковскаго университета и б) Украинская Старина, ч. I.

21. Отъ члена Коммисіи А. Л. Бертъе-Делагарда сочиненія, касающіяся Крыма: а) Charmoy, F. B. Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie, 1834 г.; б) Kazem-bek. Traductions de differents passages de l'histoire des khâns de Crimée par le chérif

Mouhammed Riza; н) Tarichos ou Recherches sur l'histoire et les antiquités des Pêcheries de la Russie Méridionale par Koehler; р) Chantre, E. Recherches paléoethnologique dans la Russie Méridionale et spécialement au Caucase et en Crimée, 1831; д) Famin, Crimée. (L'univers ou histoire et de description de tous le peuples, 1846; е) Koehn. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. Herr Stephani und seine Kritik. Nachträge. 1850; ж) Е. О слѣдахъ древняго греческаго города Херсона, донныя видимыхъ въ Крыму, 1821; з) Кн. Н. Голицынъ. Поѣздка изъ южной Россіи по берегамъ Крыма. 1845 г.: и) Aschik. De la découverte de deux statue antiques à Kertch. 1851; і) Е. Марковъ. Поѣздка въ древній Сурожъ; к) Хартахай, Ѡ. Историческая судьба Крымскихъ татаръ; л) Вигель, Ф. Записка о Керчи; м) Успенскій, Ѡ. Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв.

22. Отъ члена Коммиссіи Хр. П. Япуржинскаго: а) Карта Европейской Сарматіи по Птолемею, сост. проф. Ю. А. Кулаковскимъ, и б) Вторая экскурсія въ Крымъ, устроенная Горнымъ Клубомъ для воспитаницъ женскихъ гимназій г. Одессы въ іюнѣ 1898 года.

23. Отъ г-жи С. А. Ребець: Nouveau manuel complet de numismatique ancienne, par. I. V. A. A. Barthelemy. 1866 года.

24. Г. А. Титова: Описаніе Славянорусскихъ рѣдкостей, находящихся въ собраніи А. А. Титова, т. II-й.

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвованія для библіотеки Коммиссіи.

Засѣданіе 5-го мая 1900 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали: Товарищъ предсѣдателя В. П. Ласковскій, г.г. члены: И. А. Выставкинъ, А. Я. Гидалевичъ, А. В. Ивановъ, П. И. Кольскій, Аблякимъ Куламетъ-оглу эфенди, Д. С. Матвѣевъ, протоіерей А. Г. Назаревскій, Я. Ч. Ратиборъ-Уличный, П. И. Щастливцевъ, правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ и гость прот. А. Сердобольскій.

1. Открывая засѣданіе. г. Предсѣдатель высказалъ, что настоящимъ собраніемъ Коммиссія главнымъ образомъ имѣетъ въ виду почтить память генералисимуса князя А. В. Суворова-Рымникскаго, по случаю исполняющагося на слѣдующій день столѣтія со дня его кончины, и, указавъ на то, что дѣятельность Суворова коснулась въ значительной степени и Крыма, передалъ слово правителю дѣлъ Арс. И. Маркевичу, который предложилъ вниманію собранія краткій очеркъ дѣятель-

ности А. В. Суворова въ Крыму. По выслушаніи сообщенія Арс. И. Маркевича, членъ Коммиссіи А. В. Ивановъ сдѣлать сообщеніе о Клинбурнѣ, какъ мѣстѣ, тѣсно связанномъ съ подвигомъ А. В. Суворова и обстоятельствами Восточной войны 1854—5 годовъ.

Арс. И. Маркевичу и В. А. Иванову выражена была благодарность за ихъ трудъ, сообщенія же ихъ *постановлено* напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

II. Избраны въ члены Коммиссіи предложенныя въ предыдущемъ засѣданіи лица: въ почетные члены академикъ-профессоръ Д. Н. Анучинъ и въ дѣйствительные члены помощникъ врачебнаго инспектора Таврической губерніи Петръ Ивановичъ Кольскій.

III. Предложенъ въ члены Коммиссіи протоіереемъ Назаревскимъ и правителемъ дѣлъ протоіерей Симферопольскаго кафедральнаго собора о. Александръ Павловичъ Сердобольскій.

Засѣданіе 8-го іюля 1900 года.

Подъ предѣдательствомъ г. Предѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина, присутствовали г.г. члены: А. В. Ивановъ, протоіерей о. А. Сердобольскій, П. И. Кольскій, Аблакимъ Куламетъ-оглу эфенди, Я. Ч. Ратиборъ-Уличный, М. И. Филишовъ и правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ.

I. Заслушаны протоколы двухъ предыдущихъ засѣданій.

Постановлено: протоколы утвердить.

II. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 20-го мая сего года за № 889, съ препровожденіемъ 69 Пантиканийскихъ, 5 Фанагорійскихъ, 5 Амисосскихъ и 7 Горгинійскихъ монетъ, найденныхъ въ 1897 году, на участкѣ Брянскаго завода въ г. Керчи.

Постановлено: выразить благодарность Императорской Археологической Коммиссіи за ея пожертвованіе для музея Коммиссіи.

III. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 10-го февраля сего года за № 301, съ увѣдомленіемъ о прекращеніи имъ изданія „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“ и возстановленія прежняго порядка изданія его основнаго органа „Древности“ и просьбой о присылкѣ свѣдѣній для археологической хроники этого изданія.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

IV. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Казначейства отъ 8 февраля сего года за № 887 съ препровожденіемъ девяти архивныхъ дѣлъ, отобранныхъ Коммиссіей къ храненію въ Историческомъ архивѣ.

Постановлено: передать дѣла въ Архивную Коммиссію.

V. Доложены отношенія Общаго Архива Императорскаго Двора и г. Директора С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ съ выраженіемъ благодарности за присылку имъ полного экземпляра „Извѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколь.

VI. Доложенъ докладъ товарища предсѣдателя Коммиссіи В. П. Ласковскаго о результатахъ просмотрѣнной имъ описи книгамъ и дѣламъ Бердянской упрощенной ремесленной управы, подлежащимъ уничтоженію. Всего занесено въ опись 271 нумеръ книгъ и дѣлъ за 1849—1894 г. Изъ нихъ заслуживаютъ храненія въ Историческомъ архивѣ 126 дѣлъ, именно: 52 дѣла, показывающія развитіе ремеслъ и численность ремесленниковъ въ г. Бердянскѣ, 8 дѣлъ объ отношеніяхъ ремесленниковъ къ подмастерьямъ и ученикамъ, 2 дѣла объ иностранцахъ-ремесленникахъ въ г. Бердянскѣ, 14 дѣлъ о дѣятельности ремесленной управы и вліяніи ея на постановку ремесленнаго дѣла въ г. Бердянскѣ, 12 дѣлъ по жалобамъ обывателей на ремесленниковъ, а также слѣдующія дѣла: объ образованіи еврейскихъ не-ремесленныхъ цеховъ, о противозаконныхъ поступкахъ ремесленника Кошмая, о воскресной школѣ для ремесленниковъ, объ удаленіи старосты Ромасенко отъ должности, объ отпращиваніи золотыхъ издѣлій въ казенную палату, объ аукціонной продажѣ вещей турецкаго выходца Васильева, о растратѣ товарищемъ старшины Гилле ремесленныхъ суммъ, о взысканіи съ ремесленной управы 107 р. 4 коп. въ пользу писмоводителя Кочубея, 30 дѣлъ о разныхъ предметахъ.

Постановлено: возвратить указанную опись въ Таврическое Губернское Правленіе, съ просьбой о присылкѣ отмѣченныхъ для храненія дѣлъ въ Таврическую Ученую Архивную Коммиссію.

VII. Слушали докладъ члена Коммиссіи М. И. Филиппова о результатахъ рассмотрѣнія имъ четырехъ описей подлежащимъ уничтоженію дѣламъ Контрольнаго отдѣленія Таврической Казенной Палаты. Всего въ указанныхъ описяхъ значится 15570 дѣлъ, при чемъ все дѣла исключительно касаются утвержденія денежныхъ книгъ разныхъ учрежденій и должд-

ностныхъ лицъ и ревизіи отчетностей, и поэтому не имѣютъ никакого историческаго значенія. Изъ всѣхъ показанныхъ по четыремъ описямъ дѣлъ только три дѣла представляютъ нѣкоторый интересъ и могутъ быть хранимы въ архивѣ Коммиссіи, а именно: а) дѣло по описи 3-го стола Контрольнаго отдѣленія за 1835 годъ, № 12: По отношенію Департамента Государственнаго Казначейства о свѣдѣніяхъ, требуемыхъ имъ насчетъ исполненія Высочайше утвержденнаго положенія о евреяхъ 1835 г.; б) дѣло 1859 г. № 98: о свѣчномъ сборѣ съ евреевъ въ числѣ податей по Ялтинскому казначейству и в) за 1831 г. № 5805 дѣло о Севастопольскихъ бунтовщикахъ.

Постановлено: съ возвращеніемъ описей по принадлежности, просить Таврическую Казенную Палату о передачѣ указанныхъ трехъ дѣлъ въ архивъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

VIII. Доложено слѣдующее сообщеніе члена Коммиссіи А. О. Кашпара:

Краткое сообщеніе о такъ называемыхъ „привѣскахъ“ или грузилахъ, привѣскахъ рыбачьихъ сетей.

„Въ Симферопольскомъ музеѣ древностей находится много глиняныхъ пирамидокъ изъ выжженной глины, выкопанныхъ изъ могилъ въ Керчи, въ Херсонесѣ, въ Неаполисѣ (близъ Симферополя) между другими предметами доисторическихъ временъ и записанныхъ въ каталогъ подъ названіемъ „привѣсокъ“ или „грузилъ рыбачьихъ сетей“. Между тѣмъ въ сообщеніи объ этихъ пирамидкахъ Г. В. Желизко, ассистента императорскаго геологическаго института въ Вѣнѣ, сказано слѣдующее: „Извѣстные пробуранные куски жженой глины, пирамидальныя, кеглеобразныя или даже безъ формы, которыя находятся часто въ находкахъ доисторическихъ, считались за гири для ткацкихъ станковъ, и долго никто не догадывался, что эти невзрачные предметы могутъ имѣть еще другое назначеніе, именно какъ подставка къ вертелу. То обстоятельство, что эти пирамидки встрѣчаются въ доисторическихъ находкахъ вмѣстѣ съ пряслицами, способствовало тому, что археологи причислили всѣ подобныя предметы къ привѣскамъ ткацкимъ. Но нельзя также, съ другой стороны, утверждать, что всѣ эти доисторическія гири были подставками вертеловъ. Вѣдь извѣстно, что „гири“, подобныя доисторическимъ гирямъ, до сихъ поръ употребляются именно какъ гири, т. е. ткацкія привѣски, у разныхъ теперешнихъ

малокультурныхъ народовъ. Подобныя глиняныя гири я видѣлъ у ткачей племени Сенегамбійцевъ изъ западнаго побережья французской Африки въ Вѣнскомъ зоологическомъ саду въ Пратерѣ, гдѣ они показывались и ткали на глазахъ публики. Вслѣдствіе этого нужно всегда внимательно разсматривать форму подобной гири, а равнымъ образомъ и ея отверстіе“.

Профессоръ І. Гладикъ въ своемъ объемистомъ сочиненіи: „Доисторическое городище у Обрзанъ“ — считаетъ „грузила“, найденныя въ этомъ городищѣ, подножками вертеловъ. Онъ пишетъ объ этомъ (стр. 20) слѣдующее: „Къ глинянымъ издѣліямъ принадлежатъ также предметы пирамидальныя и кеглеобразныя, разной величины и разнаго выжиганія, иногда не обожженныя, а просто закончѣныя. Эти предметы называются обыкновенно „ткацкими привѣсками“. Но я полагаю, что нельзя говорить объ этихъ предметахъ, какъ о ткацкихъ привѣскахъ, ибо если приять во вниманіе отверстіе, которое въ нихъ помѣщено горизонтально вверху, то мы видимъ, что это отверстіе растрѣкою углублено по направленію ко дну, а не къ верху. Если бы предметъ служилъ привѣскою, то отверстіе не могло бы увеличиваться веревкою ко дну, а наоборотъ—кверху. Я считаю эти пирамидки подставками вертеловъ, на которыхъ жарятъ мясо надъ огнемъ. И такъ какъ часто встрѣчается на этихъ предметахъ окопчѣніе или ожиганіе только съ одной стороны, то это подтверждаетъ мое мнѣніе“.

Профессоръ Г. Шкорпилъ въ Пловдивѣ въ Болгаріи далъ мнѣ вѣрныя и интересныя объясненія въ этомъ отношеніи. Въ его сочиненіи „Могилы“ (стр. 94) говорится такъже о ткацкихъ привѣскахъ, которыя находятся уже въ неолитическихъ поселеніяхъ Болгаріи и слѣды которыхъ встрѣчаются еще въ находкахъ средневѣковыхъ.

Самое интересное при этомъ то, что ими пользуются до сихъ поръ въ Болгаріи. Онѣ извѣстны здѣсь подъ названіемъ „попче“ (т. е. малый попъ), и ими пользуются на очагѣ для подпиранія (подставки) такъ называемыхъ „подницъ“ (глиняныя миски въ діаметрѣ около 30 см., въ которыхъ пекутъ хлѣбъ на очагѣ). Въ другихъ мѣстностяхъ всовываютъ въ ихъ отверстія палочки, на которыя нанизываютъ куски мяса, и жарятъ его надъ огнемъ, вращая другимъ концомъ этихъ палочекъ (этимъ верченіемъ расширяется со временемъ отверстіе по направленію ко дну; и такимъ образомъ догадка профессора Гладика вѣрна). Первый разъ увидѣлъ ихъ про-

фессоръ Шкорпилъ въ деревнѣ Виддолѣ (близъ Видима) и въ Локонсѣ (близъ Софія). „Попче“ называютъ ихъ потому, что именемъ „попъ“ обозначаютъ болгары вертикальную балку (столбикъ), подпирающую кровлю крыши. Величина этихъ глиняныхъ „попчатъ“ бываетъ разная, до 15—20 см. До сихъ поръ существуетъ въ Болгаріи обычай, что деревенскія женщины 1-го мая (въ день св. Еремѣя) вмѣстѣ выходятъ въ тѣ мѣста, гдѣ находится хорошая глина, и дѣлаютъ изъ нея „попчата“ и вышеупомянутыя „подницы“. На эти подницы кладутъ хлѣбъ, а сверху на хлѣбъ кладутъ горячій пепелъ, или сначала жестяную крышку, а на нее пепелъ, и такимъ способомъ пекутъ хлѣбъ.

Я думаю, что послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ пирамидокъ въ Симферопольскомъ музеѣ, можно будетъ легко опредѣлить цѣль каждой изъ нихъ. Хотя предметъ самъ по себѣ не важный, но гдѣ дѣло идетъ о точномъ опредѣленіи чего бы то ни было изъ давнихъ временъ, всегда мы должны быть особенно внимательны. И тѣмъ охотнѣе коснулся этого предмета, что мнѣ не припоминается, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ археологовъ писалъ объ этомъ предметѣ или объяснялъ подобное значеніе этого предмета“.

По выслушаніи сообщенія А. О. Кашпара, правитель дѣлъ указалъ, что мнѣніе о такъ называемыхъ ирслицахъ или грузилахъ, какъ подставкахъ для вертела, было уже раньше высказано Ленголемъ и Ромеромъ. (См. Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Пер. подъ ред. Д. Н. Анучина, стр. 167—9 и прим. 176).

Постановлено: благодарить А. О. Кашпара за его сообщеніе, которое включить въ протоколъ настоящаго засѣданія.

IX. Правитель дѣлъ представилъ два документа 1833 года, переданные изъ архива Симферопольской гимназіи и касающіеся пребыванія въ ней недавно умершаго знаменитаго академика-живописца И. К. Айвазовскаго.

Постановлено: благодарить г. директора гимназіи за сообщеніе указанныхъ дѣлъ и просить его передать въ Коммисію и другія дѣла, касающіяся обученія И. К. Айвазовскаго въ Симферопольской гимназіи.

X. Петръ Ив. Кольскій сдѣлалъ краткое сообщеніе о 16 предметахъ древности (каменная стрѣлка, копыя и скрепки), жертвуемыхъ имъ для музея Коммисіи и найденныхъ имъ въ 1½ верстахъ отъ им. Біюкъ-Сюрень, въ пещерѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ производилъ раскопки К. С. Мережковскій.

Постановлено: благодарить П. И. Кольскаго за его даръ, а означенные предметы передать въ музей Коммиссiи.

XI. В. Ч. Ратиборъ-Уличный довелъ до свѣдѣнiя Коммиссiи, что у родственницы его г-жи Штванъ въ Симферополѣ имѣется „Суворовское“ кресло, по преданiю находившееся въ домѣ, занимаемомъ Суворовымъ во время пребыванiя его въ нынѣшнемъ Симферополѣ (Акмечети).

Постановлено: просить г-жу Штванъ передать это старинное кресло въ музей Коммиссiи.

XII. Правитель дѣлъ представилъ оказавшуюся фальшивой глиняную статуэтку съ греческой надписью, за которую онъ уплатилъ 3 рубля.

Постановлено: уплаченные 3 рубля принять въ расходъ Коммиссiи, а статуэтку передать въ музей.

XIII. А. В. Ивановъ представилъ въ даръ Коммиссiи окаменѣлаго хорька, найденнаго въ развалинахъ Генуэзской крѣпости въ Балаклавѣ.

Постановлено: благодарить А. В. Иванова за его пожертвованiе.

XIV. Въ библиотеку Коммиссiи поступили слѣдующiя изданiя, книги и брошюры.

1. Отъ Императорской Академiи Наукъ ея „Извѣстiя“: №№ 3, 4 и 5 за 1899 г., 1 и 2-ой за 1900 годъ.

2. Отъ Университета св. Владимира: Университетскiя „Извѣстiя“, №№ 1, 2, 3, 4 и 5-ый за 1900 годъ-

3. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: „Ученныя Записки“, № 1-ый за 1900 годъ.

4. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества „Археологическiя Извѣстiя и Замѣтки“, № 11—12 за 1899 годъ.

5. Отъ Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ его „Извѣстiя“, т. XVI, вып. 2-ой и 3-ий за 1900 годъ.

6. Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторiи и Древностей: т. XXII-ой его „Записокъ“.

7. Отъ Бессарабской Ученой Архивной Коммиссiи: т. I-й ея „Трудовъ“.

8. Отъ Калужской Ученой Архивной Коммиссiи вып. III-й ея „Извѣстiй“ за 1899 годъ.

9. Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссiи т. XIV, вып. 2 ея „Трудовъ“ за 1900 годъ и Отчеты за 1897 и 1898 годы.

10. Отъ Симбирской Ученой Архивной Коммисіи отчетъ о дѣятельности ея за 1899 годъ.

11. Отъ Саратовской Ученой Архивной Коммисіи: Историко-географическій словарь Саратовской губерніи, сост. Минхъ. Т. I, вып. 2.

12. Отъ Крымскаго Горнаго Клуба: его „Записки“, № 12 за 1899 г. и №№ 1—2, 3 и 4-ый за 1900 годъ.

13. Отъ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора: вып. III-ій выписей изъ архивныхъ бумагъ.

14. Отъ Одесской Городской Публичной Библиотеки отчетъ за 1899 годъ.

15. Отъ профессора А. А. Кочубинскаго его сочиненіе: „Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи“. Одесса 1899 года.

16. Отъ И. И. Казаса: Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines, Ch. Daremberg et E. Soglio, 27 fascicule.

17. Отъ профессора М. П. Березкова брошюра: „Объ одной историко-политической запискѣ время присоединенія Крыма“, 1900 года.

18. Отъ Н. Н. Оглоблина брошюра: Кіевское дѣло 1828 года „о преважныхъ политическихъ тайнахъ“.

19. Отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ т. IV (вып. 1, 2 и 3) и V-ый его „Извѣстій“.

20. Отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи брошюра: „Памяти Н. И. Храмцовскаго“.

21. Отъ Виленской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ: изданный ею XXVI-ой томъ актовъ.

22. Отъ г. Булычова; а) Журналъ раскопокъ 1898 года по берегамъ Оки. Москва 1899 года и б) Журналъ раскопокъ по части водораздѣла верхнихъ притоковъ Волги и Днѣпра. М. 1899 года.

Постановлено: благодарить за эти пожертвованія для библиотеки Коммисіи.

XV. Избранъ въ члены Коммисіи протоіерей Александръ Павловичъ Сердобольскій.

Засѣданіе 4-го ноября 1900 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Коммисіи А. Н. Ильина присутствовали: товарищъ предсѣдателя В. П. Ласковскій, г.г. члены: А. Л. Высотскій, П. С. Грушинскій, П. И. Кольскій, Д. С. Матвѣевъ, С. А. Мокряцкій, А. К. Романюкъ и правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ.

I. Слушали протоколъ предыдущаго засѣданія Коммиссіи.
Постановлено: протоколъ утвердить.

II. Правитель дѣлъ доложилъ отчетъ о дѣятельности Коммиссіи за 1899 годъ.

Постановлено: отчетъ утвердить и напечатать въ ближайшемъ номерѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

III. По предложенію г. Предсѣдателя, избрана была коммиссія изъ г.г. членовъ: Д. С. Матвѣева, П. И. Кольскаго и А. К. Романюка для провѣрки денежнаго отчета Коммиссіи и прихода-расходныхъ книгъ. Коммиссія нашла записи въ книгахъ правильными и остатокъ отъ расхода на лицо.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложено письмо академика Д. Н. Анучина съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ почетные члены Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Доложены отношенія Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 18-го августа 1900 года за № 475 и 29-го сентября 1900 года за № 586 о скорѣйшемъ возвращеніи описей Бердянскаго, Ялтинскаго, Мелитопольскаго и Феодосійскаго полицейскихъ управленій, переданныхъ на разсмотрѣніе Архивной Коммиссіи.

Правитель дѣлъ доложилъ, что описи эти, разсмотрѣнныя Товарищемъ Предсѣдателя Коммиссіи В. П. Ласковскимъ и членомъ ея А. К. Романюкомъ, уже возвращены Таврическому Губернскому Правленію.

VI. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 1-го февраля сего года за № 226 съ препровожденіемъ предметовъ древности, добытыхъ при раскопкахъ, произведенныхъ профессоромъ Ю. А. Кулаковскимъ въ 1897 году въ предѣлахъ Симферопольскаго уѣзда (списокъ ниже).

Постановлено: выразить Императорской Археологической Коммиссіи искреннюю благодарность за ея пожертвованіе.

VII. Правитель дѣлъ доложилъ отношеніе Науковаго Товарищества имени Шевченка во Львовѣ съ предложеніемъ дальнѣйшей присылки трудовъ этого общества въ обмѣнъ на „Извѣстія“ Коммиссіи, если на это будетъ испрошено разрѣшеніе Цензурнаго Комитета.

Постановлено: войти въ Цензурный Комитетъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Таврической Ученой Архивной Коммиссіи получать труды Общества Шевченка, въ которыхъ по-

мѣщаются весьма важные матеріалы и изслѣдованія по исторіи и археологін, и въ частности Южной Россіи.

VIII. Доложено письмо Таврическаго и Одесскаго Караимскаго Духовнаго Правленія отъ 31-го августа 1900 года за № 553 съ просьбой выслать ему на непродолжительное время хранящееся въ архивѣ Коммиссіи дѣло за 1839 годъ объ открытыхъ учителемъ Фирковичемъ древностяхъ и древнихъ караимскихъ книгахъ.

Постановлено: сообщить Караимскому Духовному Правленію, что архивныя дѣла, хранящіяся въ Историческомъ Архивѣ, не выдаются на сторону, а могутъ быть разсматриваемы лишь на мѣстѣ, почему просьба Правленія не можетъ быть исполнена Коммиссіей.

IX. Доложено отношеніе Таврической Казенной Палаты отъ 10 октября сего года за № 882, съ просьбой о принятіи въ возможно непродолжительномъ времени отъ архиваріуса Палаты дѣлъ, признанныхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіей заслуживающими храненія въ историческомъ архивѣ при Коммиссіи, уже отобранныхъ и подготовленныхъ къ сдачѣ.

Постановлено: поручить принятіе этихъ дѣлъ правителю дѣлъ Коммиссіи.

X. Доложено отношеніе Суворовской Коммиссіи при Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба отъ 12-го августа 1900 года за № 2794, съ просьбой увѣдомить Комитетъ объ извѣстныхъ, или имѣющихся въ ея распоряженіи предметахъ которыя имѣютъ отношеніе къ генералиссимусу князю Суворову и его эпохѣ, для помѣщенія ихъ въ Суворовскомъ музеѣ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

XI. Доложено письмо крестьянина с. Михайловки Мелитопольскаго уѣзда Самуила Алексѣева Руденко съ увѣдомленіемъ, что онъ предполагаетъ въ скоромъ времени раскопать курганъ, находящійся на его землѣ, въ с. Балкахъ Мелитопольскаго уѣзда.

Постановлено: просить кр. Руденка сообщить Коммиссіи о предметахъ древности, которые будутъ найдены при раскопкѣ кургана.

XII. Товарищъ Предсѣдателя В. П. Ласковскій возбудилъ вопросъ о томъ, какая р. Салгиръ воспріята А. С. Пушкинымъ, та ли, которая протекаетъ черезъ Симферополь, или та, которая впадаетъ въ Черное море между г. Аюдагомъ и Гурзуфомъ. Въ виду поздняго времени обсужденіе этого вопроса было отложено до слѣдующаго засѣданія.

ХІІІ. Въ музей Коммиссіи поступили слѣдующіе предметы древности, изъ раскопокъ профессора Ю. А. Кулаковскаго, препровожденные Императорскою Археологическою Коммиссіею для музея Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

А) Имѣніе Ю. В. Попова Тавель, Симферопольскаго уѣзда, у подножья Чатырь-дага.

Золотая тисненная бляшка; 1 бронзовый наконечникъ въ видѣ птичьей головы; 2 бронзовыя фибулы (крестообразная и полуовальная); 7 бронзовыхъ подвѣсокъ въ видѣ полушарій (одна изъ нихъ больше остальныхъ); 11 колець (4 серебрян., остальные бронзовыя); 6 бронзовыхъ браслетовъ; 6 бронзовыхъ браслетовъ; 17 бронзовыхъ дѣтскихъ браслетовъ; 14 бронзовыхъ браслетовъ; 4 цѣлыхъ браслета и поломанные; бронзовыя серьги (цѣлыя и поломанныя); бронзовая орнаментированная застежка въ видѣ лука; бронзовая пряжка, подвѣска, одно колечко, обломокъ фибулы, половина щипчиковъ, коромысло, серебряная подвѣска и такое же колечко; бронзовыя и серебряныя зеркальца (въ кускахъ), бронзовый браслетъ, 5 стрѣлокъ, 2 массивныя бусы; обломки желѣзныхъ ножей, колець и друг. вещей.

Въ коллективной гробницѣ ПЕРВАГО

КУРГАНА.

9 бронзовыхъ колець; 4 бронзовыхъ фибулы; 9 бронзовыхъ колечекъ, два скарабея изъ пасты и часть фигуры льва изъ пасты, стеклянная пронизь; бронзовая пуговица, 3 серьги (1 поломана), 2 кольца (1 изъ нихъ поломано), 3 стеклышка и бронзовая фибула; 6 бронзовыхъ колець; бронзовый кружокъ, желѣзное кольцо, 5 бронзовыхъ колець; 3 бронзовыхъ браслета и обломки; 3 бронзовыхъ фибулы, 1 половинка и 1 серебряная фибула; 4 бронзовыхъ браслета, желѣзный и бронзовый ключи, 3 обломка желѣзныхъ ножей, желѣзная пряжка, 3 желѣзныхъ стрѣлки. большая бронзовая фибула (поломанная), бронзовая тонкая пластинка въ кускахъ, обломокъ точильнаго камня; бронзовыя фибулы (цѣлыя и въ кускахъ); бронзовая серьга, 2 пары щипчиковъ (одна изъ нихъ поломана); бронз. браслеты въ обломкахъ, сломанная бронзовая фи-

Въ коллективной гробницѣ ВТОРОГО

КУРГАНА.

була, желѣзная фибула, смятая бронзовая пластина, 3 бронзовыхъ подвѣски, маленькая бронзовая нашивная пластинка.

Въ коллективной гробницѣ второго кургана.

34 пронизей и коробка ненанизанныхъ бусъ.

Въ коллективной гробницѣ перваго кургана

5 коробокъ бусъ (ненанизанныхъ); 1 пронизь крупныхъ бусъ.

Въ коллективной гробницѣ второго кургана

4 глиняныхъ чашечки, одна изъ нихъ повреждена; бронзовыя застежки, одна звѣринаго типа (массивная), бронзовая пластинка, 4 браслета, 4 бронзовыхъ и 1 ломанное серебряное зеркальце, бронзовая стрѣлка, точильный брусокъ, 4 бронзовыхъ пряжки; серебряныя застежки; кремневое остріе, пряслица и бронзовая спиральная пронизь; 3 мѣдныхъ пряжки (кольцо съ крестомъ внутри, протянутая рука и грубое изображеніе лица); обломки желѣзныхъ ножей; 2 бронзовыя нашивныя пластинки, круглыя подвѣски, спирали отъ браслетовъ, обломки; 2 глиняныя чашечки; 3 мѣдныя боспорскія монеты (просверленныя для ношенія и сильно потертыя), костяной наконечникъ и кусочекъ отдѣланной кости; желѣзныя кольцо и пуговица; 2 звѣриныхъ (собачьихъ) клыка (одинъ изъ нихъ просверленъ для ношенія); бронзовая застежка, съ рельефнымъ изображеніемъ скачущаго всадника; бронзовая подвѣска и такой же колокольчикъ; глиняныя обломки посуды; 2 раковины (меньшая разломана на двѣ части); обломокъ желѣзнаго предмета; точильный брусокъ.

ВЪ КОЛЛЕКТИВНОЙ ГРОБНИЦѢ ВТОРОГО КУРГАНА.

Бусы.

Въ ограбленной гробницѣ третьяго кург.

Б) Имѣніе Чотты С. Н. Рудя въ Симферопольскомъ уѣздѣ, по теченію рѣки Карасу.

Половина глинянаго горшочка и нѣсколько бусъ.

Второй курганъ, гробница въ центрѣ.

Каменное овальное блюдо; обломки кувшина черной глины; обломки бронзового зеркала; 7 бронзовых стрѣлокъ и обломокъ наконечника желѣзнаго копья.

Второй курганъ, подобная гробница въ восточн. пол.

Краска и кремневое остріе; полисеуаръ.

Большой курганъ, гробница въ матерскѣ.

3 костяныя стрѣлки; 9 желѣзныхъ стрѣлъ и мѣдныя острія.

Большой курганъ, разоренная центральная гробница.

Поврежденный черный глиняный горшокъ съ геометрической орнаментацией.

Большой курганъ на матерскѣ.

Поврежденный глиняный горшокъ.

Второй курганъ, 3 гробница, въ южной полосѣ.

Поставлено: выразить Императорской Археологической Коммисіи глубокую благодарность за это пожертвованіе для музея Таврической Ученой Архивной Коммисіи.

XIV. Въ бібліотечку Коммисіи поступили слѣдующія книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ:

а) Протоколы засѣданій Конференціи Императорской Академіи Наукъ, т. II (1744—1770). Спб. 1899.

б) Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорскою Академіею Наукъ въ сотую годовщину со дня его рожденія.

в) „Извѣстія“ Императорской Академіи Наукъ, т. XII, № 4 и 5, т. XIII, № 1.

г) Указатель именъ и предметовъ, упомянутыхъ въ подробномъ словарѣ русскихъ гравировъ Д. А. Ровинскаго. Сост. Е. Н. Тевяшовъ Спб. 1899 года.

д) Кейслеръ, Фридрихъ: Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи. Спб. 1900 года.

е) Отчетъ о сороковомъ присужденіи награды графа Уварова. Спб. 1899 года.

ж) Отчетъ о присужденіи преміи имени А. М. Сибирякова. Спб. 1899 года.

з) Отчетъ о присужденіи преміи имени графа Д. А. Толстого. Спб. 1899 года.

и) Отчетъ о присужденіи преміи имени П. Н. Батюшкова. Спб. 1899 года.

- і) Меліоранскій. Перечень Византійскихъ грамотъ и писемъ. Спб. 1899 года.
- к) Grove, G. L. Des Kgl. Dänischen envoyé Grund's Bericht über Russland in den Jahren 1705—1710 г.г. Спб. 1900 года.
2. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Древности, т. XVII-й, и Труды Рижскаго Археологическаго Съѣзда, т. III-й.
3. Отъ Московскаго Нумизматическаго Общества: Труды, т. II-й, вып. I. М. 1899 года.
4. Отъ Университета св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, №№ 6, 7, 8 и 9-й за 1900 годъ.
5. Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества: т. 12-й его „Сборника“. Харьковъ 1900 года.
6. Отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ его „Лѣтопись“, т. VIII (Визант.-Слав. Отд. т. V-й).
7. Отъ Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ: а) т. XVIII-й его „Извѣстій“ и б) Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, 1875—1900. Преподаватели и воспитанники.
8. Отъ Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи книга II-ая его „Трудовъ“. Владиміръ 1900 года.
9. Отъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи Журналы 65, 66, 67, 68, 71, 72 и 73 засѣданій ея.
10. Отъ Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи вып. VI-ой ея „Трудовъ“. Оренб. 1900 года.
11. Отъ Крымскаго Горнаго Клуба № 5, 8—9-й его „Записокъ“.
12. Отъ Науковаго Товариства имени Шевченка его изданіе: Хроника, Ч. I. Львовъ 1900 года.
13. Отъ Хр. П. Яцуржинскаго: Третья экскурсія въ Крымъ, устроенная Горнымъ Клубомъ для воспитанницъ женскихъ гимназій г. Одессы въ іюнѣ 1900 года.
- Постановлено:* благодарить за означенныя пожертвованія для бібліотеки Коммиссіи.

Засѣданіе 25-го ноябля 1900 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Коммиссіи А. Н. Ильина присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя В. П. Ласковскій, г.г. члены: протоіерей Назаревскій, А. Л. Высотскій, А. Я. Гидалевичъ, П. И. Кольскій, С. А. Мокржец-

кій, Измаиль мурза Муфтіи заде, М. И. Филиповъ и правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 4-го ноябрия.

Постановлено: протоколъ утвердить.

II. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 11 ноябрия сего года за № 1641 съ просьбой увѣдомить ее, не признаетъ ли Таврическая Ученая Архивная Коммиссія возможнымъ поручить одному изъ своихъ членовъ или сотрудниковъ изслѣдованіе кургана близъ хутора Агаржанъ-Буя Днѣпровскаго уѣзда, и когда именно могло бы быть приступлено къ работамъ. Въ случаѣ согласія, Археологическая Коммиссія не замедлитъ выслать открытый листъ и удостовѣреніе на принятіе отъ Симферопольскаго казначейства двухъ сотъ рублей, назначенныхъ ею авансомъ на изслѣдованіе означеннаго кургана.

Постановлено: предложить принять на себя раскопку означеннаго кургана члену Коммиссіи Д. М. Сердюкову, о чемъ довести до свѣдѣнія Императорской Археологической Коммиссіи, съ присовокупленіемъ, что означенная раскопка можетъ быть произведена не раньше апрѣля мѣсяца будущаго 1901 года.

III. Доложено отношеніе Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи съ препровожденіемъ проекта программы исторіи Тамбовскаго края и просьбой, по разсмотрѣніи означенной программы, дополнить ее своими замѣчаніями и возвратить обратно.

Разсмотрѣвъ означенную программу и найдя ее составленною весьма обстоятельно и вполне научно, *поставили:* возвратить ее Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи.

IV. Правитель дѣлъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе о Салгирѣ, воспѣтомъ А. С. Пушкинымъ въ его произведеніяхъ.

„Въ засѣданіи Таврической Ученой Архивной Коммиссіи 4-го ноябрия 1900 года Товарищъ Предсѣдателя В. П. Ласковскій обратилъ вниманіе Коммиссіи: на одно обстоятельство имѣющее отношеніе къ пребыванію А. С. Пушкина въ Крыму и его произведеніямъ. Въ двухъ верстахъ отъ Гурзуфа, гдѣ въ 1820 году жилъ Пушкинъ, именно между имѣніемъ Сууксеу и Аюдагомъ, впадаетъ въ море рѣчка, которая мѣстнымъ населеніемъ и на планахъ называется обычнымъ у татаръ крымскихъ именемъ „Салгиръ“. Въ виду того, что въ стихотвореніяхъ Пушкина, вызванныхъ посѣщеніемъ Крыма, упоминается р. Салгиръ, естественно, согласно съ мнѣніемъ В. П. Ласковскаго, предположить, что поэтъ имѣлъ въ виду именно эту рѣчку вбли-

зи Гурзуфа, а не тотъ Салгирь, который течетъ чрезъ Симферополь и который также, конечно, видѣлъ Пушкинъ на обратномъ пути изъ Крыма, въ Симферополь и далѣе по пути на сѣверъ. До сихъ поръ на небольшую рѣчку у Аюдага и ея названіе не обращено было вниманія, и предполагали, что живые, зеленые берега Салгира въ Симферополь и его быстрое теченіе произвели сильное впечатлѣніе на нашего поэта, которое отразилось въ его твореніяхъ. Теперь становится яснымъ, что эти предположенія не были справедливы. Это доказываетъ уже то, что, конечно, та рѣчка, которая течетъ вблизи Гурзуфа и черезъ которую поэтъ неизбѣжно всякій разъ переѣзжалъ или переходилъ по пути къ Аюдагу и Артеку, болѣе дѣйствовали на его воображеніе, чѣмъ рѣчка у Симферополя, видѣнная имъ мимолетно, на пути. Это подтверждается еще болѣе внимательнымъ изученіемъ текста стихотвореній Пушкина, гдѣ онъ упоминаетъ о рѣкѣ Салгирѣ. Такъ въ стихотвореніи „Желаніе“ онъ говоритъ:

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и жизни суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?..

Эти слова ясно говорятъ намъ, что поэтъ не разъ, а многократно „вспоминалъ мечты своей души“ на берегахъ Салгира, а это ясно показываетъ, что онъ говоритъ о рѣкѣ, на берегахъ которой часто предавался мечтаніямъ, что, конечно, и можетъ относиться только къ рѣкѣ, текущей вблизи Гурзуфа. Еще болѣе подтверждаютъ эту мысль слѣдующіе стихи поэта, которыми онъ оканчиваетъ свое стихотвореніе:

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснѣтъ на лонѣ мирной лѣни?..

Эти стихи, поставленные сейчасъ же за упоминаніемъ р. Салгира, рисуютъ такую картину, которая не имѣетъ никакого отношенія къ степному Салгиру и, напротивъ, тѣсно связана съ рѣкой Салгиромъ у Аюдага. Но берегамъ этой рѣчки и теперь растутъ высокія; тѣнистыя деревья, которыя

естественно манили къ себѣ поэта во время его прогулокъ пѣшкомъ и верхомъ къ Аюдагу.

Къ этому же выводу приводитъ и окончаніе поэмы „Бахчисарайскій фонтанъ“.

Поэтъ говоритъ:

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу, и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.

Нарисованная въ этихъ словахъ картина заставляетъ убѣдиться, что здѣсь имѣется въ виду рѣка вблизи моря, которую хорошо знаетъ поэтъ, и которую вспоминаетъ съ сердечною любовью.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Салгиръ, упоминаемый Пушкинымъ въ его произведеніяхъ, это рѣка вблизи Гурзуфа и Аюдага, а не та, которая течетъ у Симферополя и которая не могла такъ плѣнить Пушкина, оставить по себѣ такой глубокой слѣдъ въ его твореніяхъ“.

Постановлено: сообщеніе Арс. И. Маркевича включить въ протоколъ настоящаго засѣданія.

V. Правитель дѣлъ обратилъ вниманіе Коммиссіи на приближающуюся 15-го декабря сего года столѣтнюю годовщину со дня рожденія знаменитаго русскаго іерарха, высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, и, указавъ вкратцѣ на дѣятельность его въ Тавридѣ и для Тавриды, предложилъ почтить память знаменитаго святителя особымъ засѣданіемъ Коммиссіи 15-го декабря. Присутствующіе съ полнымъ единодушіемъ встрѣтили это предложеніе, и *постановлено:* почтить память владыки Иннокентія торжественнымъ публичнымъ засѣданіемъ Коммиссіи 15-го декабря, посвященнымъ его памяти, просить г-на Таврическаго губернатора и преосвященнаго Николая, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, удостоить это засѣданіе своимъ присутствіемъ и просить правителя дѣлъ взять на себя трудъ сдѣлать сообщеніе въ этомъ засѣданіи о дѣятельности архіепископа Иннокентія въ Тавридѣ.

VI. Товарищъ Предсѣдателя В. П. Ласковскій высказалъ мысль, что весьма полезно было бы, если бы Коммиссія взя-

ла на себя трудъ вести лѣтопись событій, случившихся въ Таврической губерніи и замѣчательныхъ въ историческомъ, общественномъ, метеорологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Присутствующіе встрѣтили это предложеніе съ большимъ сочувствіемъ, и *постановлено*: просить всѣхъ членовъ Коммисіи дѣлать записи о всѣхъ извѣстныхъ имъ важныхъ событіяхъ въ предѣлахъ Таврической губерніи, изъ которыхъ ежегодно можно будетъ составлять сводную лѣтопись.

VII. Протоіерей А. Г. Назаревскій представилъ въ даръ Коммисіи рапортъ архіепископу Иннокентію Симферопольскаго протоіерея о. М. Родіонова отъ 3-го августа 1851 года съ собственноручными отмѣтками и распоряженіями архипастыря на поляхъ и подъ текстомъ.

Постановлено: благодарить о. протоіерея Назаревскаго за его даръ для музея Коммисіи.

VIII. Товарищъ Предсѣдателя Коммисіи В. П. Ласковскій предложилъ въ члены Коммисіи присяжнаго повѣреннаго Бориса Мироновича Гиммельфарба, а правитель дѣлъ Таврическаго епархіальнаго миссіонера священника Владиміра Станиславскаго.

IX. Въ бібліотеку Коммисіи поступили слѣдующія книги и брошюры:

1. Отъ Археологическаго Института: Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, вып. XI, XII и XIII-ый.

2. Отъ Московскаго отдѣла Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора: „Иконы Церковно-Археологическаго музея“ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, вып. I-й. А. И. Успенскаго.

3. Отъ Тверской Ученой Архивной Коммисіи: а) Журналь 74-го ея засѣданія; б) книга: Вас. Вас. Болотовъ (біографическій очеркъ), М Рубцова.

4. Отъ Крымскаго Горнаго Клуба: Записки 1900 г., № 10.

5. Отъ Науковаго Общества имени Шевченка: Хроника его, вып. 2 и 3-й за 1900 годъ.

6. Отъ члена Коммисіи Н. Н. Оглоблина его трудъ: Обзоръніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа. Ч. III-я, 1900 г.

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвованія для бібліотеки Коммисіи.

Засѣданіе 15-го декабря 1900 года.

Подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Коммисіи А. Н. Ильина присутствовали; почетный членъ Коммисіи Его

Преосвященство преосвященный Николай, епископъ Таврической и Симферопольской, Товарищъ председателя Коммисіи В. П. Ласковскій, г.г. члены: А. Л. Высотскій, А. В. Ивановъ, П. И. Кольскій, О. О. Лашковъ, Д. С. Матвѣевъ, каѳедральный протоіерей А. Г. Назаревскій, протоіерей А. П. Сердобольскій, И. М. Сочевановъ, М. И. Флишновъ, З. М. Шевченко, П. И. Щастливцевъ, правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ, многочисленная публика и воспитанники старшихъ классовъ Таврической духовной семинаріи.

Засѣданіе происходило въ большомъ залѣ Таврической Губернской Земской Управы. На видномъ мѣстѣ помѣщенъ былъ на мольбертѣ портретъ высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

Ровно въ 8 часовъ вечера прибылъ въ засѣданіе Его Преосвященство Преосвященный Николай, епископъ Таврической, и находившіеся въ залѣ воспитанники семинаріи проіѣли молитву: „Царю небесный“. Когда присутствующіе заняли свои мѣста, г. Председатель Коммисіи А. И. Ильинъ открылъ засѣданіе краткимъ словомъ, въ которомъ указалъ, что настоящее собраніе Коммисіи имѣетъ предметомъ своимъ чествованіе памяти преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія, и обратилъ вниманіе на дѣятельность знаменитаго архинастыря въ Тавридѣ въ послѣдніе годы его жизни, когда о немъ говорили, что онъ тѣломъ живетъ въ Одессѣ, а духомъ пребываетъ въ Крыму. Затѣмъ слово было предоставлено правителю дѣлъ Арс. И. Маркевичу, который въ своей рѣчи выяснилъ значеніе трудовъ архіепископа Иннокентія по возстановленію древнихъ христіанскихъ свѣтынь въ Крыму и величіе подвига его во время Крымской войны. По окончаніи рѣчи Арс. И. Маркевича, была проіѣта „вѣчная память“ архіепископу Иннокентію, и постановлено: рѣчь Арс. И. Маркевича напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммисіи.

Засѣданіе 18-го января 1901 года.

Подъ председательствомъ Председателя Коммисіи А. Н. Ильина присутствовали: Товарищъ Председателя В. П. Ласковскій, г.г. члены: А. Я. Гидалевичъ, Б. М. Гиммельфарбъ, П. И. Кольскій, А. В. Ивановъ, А. К. Романюкъ, А. И. Съницкій, правитель дѣлъ Арс. И. Маркевичъ и гость С. А. Зерновъ.

I. По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель Коммисіи напомнилъ собранію, что въ концѣ истекшаго года, именно 22-го декабря 1900 г., скончался въ Симферополѣ почтенный членъ Коммисіи, предсѣдатель Таврической Губернской Земской Управы Павелъ Ивановичъ Щастливцевъ. Будучи членомъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи со времени ея учрежденія, покойный П. И. Щастливцевъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ ея трудамъ въ послѣдніе годы, въ качествѣ предсѣдателя губернской управы и хозяина того зданія, въ которомъ помѣщаются музей и архивъ Коммисіи. Ему обязана Коммисія и поддержкой своего ходатайства о предоставленіи ей лучшаго, болѣе обширнаго помѣщенія въ зданіи губернской земской управы. По предложенію г. Предсѣдателя присутствующіе почтили память почившаго П. И. Щастливцева вставаніемъ.

II. Читанъ протоколъ предыдущаго засѣданія Коммисіи.
Постановлено: протоколъ утвердить.

III. Доложено отношеніе С.-Петербургскаго Археологическаго Института отъ 23-го ноября 1900 года за № 270, съ препровожденіемъ для свѣдѣнія и руководства въ нужныхъ случаяхъ копіи съ нижеслѣдующаго указа Правительствующаго Сената отъ 5-го мая 1900 года за № 5113 по вопросу о примѣненіи закона 25-го ноября 1896 года относительно состава Коммисій для разбора и уничтоженія дѣлъ Уѣздныхъ Полицейскихъ Управленій:

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго, изъ Правительствующаго Сената.

Министру Народнаго Просвѣщенія.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушала: дѣло по рапорту Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 18-го декабря 1898 года за № 6605, по вопросу о примѣненіи закона 25-го ноября 1896 года относительно состава Коммисій для разбора и уничтоженія архивныхъ дѣлъ Уѣздныхъ Полицейскихъ Управленій.

Приказали: Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ доставленными по оному заключеніями Министровъ Юстиціи и Народнаго Просвѣщенія и принимая во вниманіе, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ возбудилъ вопросъ о составѣ Коммисій для разбора и уничтоженія старыхъ дѣлъ архивовъ Уѣздныхъ Полицейскихъ Управленій и что вообще вопросъ о составѣ Коммисій для единовременнаго разбора и

уничтоженія старыхъ дѣлъ архива разъясненъ закономъ 25-го ноября 1896 года (Собр. Узак. 1897 г. № 37, ст. 537), Правительствующій Сенатъ, примѣнительно къ сему закону, признаетъ, что упомянутыя Коммисіи должны состояться изъ представителя губернской администраціи въ лицѣ Совѣтника Губернскаго Правленія или другаго чиновника, по назначенію губернатора, изъ начальника или его помощника того учрежденія, дѣла которала подлежатъ разбору и уничтоженію, и по одному изъ представителей отъ вѣдомствъ Судебнаго и Народнаго Просвѣщенія, а также отъ ученыхъ архивныхъ комиссій и обществъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ таковыя имѣются, съ тѣмъ, чтобы назначеніе представителей Судебнаго и Ученаго вѣдомствъ производилось по соглашенію мѣстнаго губернатора съ подлежащимъ попечителемъ учебнаго округа и предсѣдателемъ окружнаго суда, по принадлежности. а потому Правительствующій Сенатъ Опредѣляетъ: о вышеизложенномъ, въ разрѣшеніе рапорта, за № 6605, Министру Внутреннихъ Дѣлъ дать знать указомъ, каковымъ увѣдомить и Министра Народнаго Просвѣщенія, а для поставленія въ извѣстность Министра Юстиціи къ дѣламъ Оберъ-Прокурора передать копію сего опредѣленія. Мая 5-го дня 1900 года.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и руководству.

IV. Доложено отношеніе г-на Таврическаго Губернатора отъ 17-го ноября 1900 года за № 680, съ препровоженіемъ копіи циркуляра г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 22-го мая 1900 года за № 3059 о порядкѣ разбора и уничтоженія старыхъ дѣлъ архивовъ Полицейскихъ Управленій и просьбой о назначеніи представителей отъ Архивной Коммисіи въ г.г. Бердянскѣ, Ялтѣ, Мелитополѣ и Феодосіи. для участія въ комиссіяхъ по разбору архивныхъ дѣлъ Полицейскихъ Управленій въ означенныхъ городахъ.

Постановлено: въ Коммисію по разбору архивныхъ дѣлъ въ Ялтѣ просить участія члена Коммисіи А. К. Романюка, на что онъ и высказалъ свое согласіе; въ Бердянскую Коммисію назначить живущаго въ томъ городѣ члена Таврич. уч. арх. комиссіи В. В. Жирнова; что же касается г.г. Феодосіи и Мелитополѣ, то въ виду отсутствія въ тѣхъ городахъ членовъ Коммисіи предложить въ члены ея извѣстныхъ своей научной дѣятельностью преподавателей Феодосійской гимназіи Якова Васильевича Иванова и Людовика Петровича Колли и преподавателя Мелитопольскаго реальнаго училища

Константина Ивановича Зобнина, которыхъ и просить взять на себя трудъ участія въ указанныхъ Коммиссіяхъ.

V. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія отъ 5-го января 1901 года за № 24 съ просьбой сообщить ему, не представляетъ ли Перекопская крѣпость памятника древности, въ виду того, что Перекопскій городской голова, желая придти на помощь бѣдному населенію города Перекона и его предмѣстій предоставленіемъ имъ возможности добывать камень въ Перекопской крѣпости и окружающемъ его рву, съ тѣмъ, что городъ будетъ платить за каждую сажень добытаго камня до 7 рублей, просить распоряженія г-на Начальника губерніи о командировкѣ, за счетъ города, техника для осмотра мѣстъ добычи камня и указанія болѣе безопаснаго для работающихъ способа добыванія его.

Послѣ живого обмѣна мыслей по этому вопросу, причемъ выразилось удивленіе къ возможности со стороны представителя г. Перекона постановки вопроса объ уничтоженіи древней крѣпости въ Перекопѣ, *постановлено*: сообщить Губернскому Правленію подробныя свѣдѣнія о Перекопской крѣпости и просить самаго заботливаго вниманія къ этому несомнѣнно древнему историческому памятнику въ Тавридѣ со стороны администраціи и Перекопскаго городского самоуправленія.

VI. Доложено письмо члена Коммиссіи учителя Д. Я. Сердюкова о томъ, что онъ согласенъ принять на себя изслѣдованіе кургана близъ хутора Агаржанъ-Куя, Ново-Троицкой волости Днѣпровскаго уѣзда, и можетъ приступить къ этому труду въ половинѣ мая 1901 года.

Постановлено: довести объ этомъ до свѣдѣнія Императорской Археологической Коммиссіи.

VII. Г. Предсѣдатель Коммиссіи передалъ представленныя для музея древностей Коммиссіи 58 татарскихъ монетъ, найденныхъ въ имѣніи Н. А. Шнейдеръ Джалманъ, Симферопольскаго уѣзда.

Присутствующіе выразили искреннюю благодарность А. Н. Ильину за это пожертвованіе.

VIII. Членъ Коммиссіи А. В. Ивановъ представилъ часть древней кольчуги, вытасченной рыбаками со дна р. Днѣпра вблизи Корсунскаго монастыря Таврической епархіи, переданную, по распоряженію Его Преосвященства Епископа Таврическаго и Симферопольскаго, въ музей Архивной Коммиссіи.

Постановлено: принять означенный предметъ древности въ музей Коммиссіи.

IX. Доложено присланное изъ Праги сообщеніе члена Коммиссіи А. О. Кашпара: „Объ употребленіи и украшеніи человѣческихъ череповъ въ эпоху доисторическую (по сочиненію Желизко)“.

Постановлено: благодарить А. О. Кашпара за трудъ, а сообщеніе его помѣстить въ ближайшемъ номерѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

X. Избраны въ члены Коммиссіи: Таврической епархіальный миссіонеръ священникъ Владиміръ Станиславскій и присяжный повѣренный Борисъ Мироновичъ Гиммельфарбъ.

XI. Предложены въ члены Коммиссіи: преподаватели Теодосійской гимназіи Яковъ Васильевичъ Ивановъ и Людовикъ Петровичъ Колли, преподаватель Мелитопольскаго реальнаго училища Константинъ Ивановичъ Забнинъ, преподаватель Керченской гимназіи Хрисанфъ Хрисанфовичъ Зенкевичъ и хранитель Естественно-историческаго музея при Таврической Губернской Земской Управѣ Сергій Алексѣевичъ Зерновъ.

XII. Въ бібліотеку Коммиссіи постушили слѣдующія книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Т. XIII, № 2 и 3-ій (сентябрь и октябрь) ея „Извѣстій“ за 1900 годъ.

2. Отъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца: книга 14-ая, вып. II его „Чтеній“ (1900 г.).

3. Отъ Университета Св. Владиміра: №№ 10 и 11-й „Университетскихъ Извѣстій“ за 1900 годъ.

4. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: № 4-ій его „Ученыхъ Записокъ“ за 1900 годъ.

5. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Древности. Труды Археологической Коммиссіи, т. II-й, вып. I-й за 1900 годъ.

6. Отъ Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи ея изданія: а) Труды ея, кн. 3-ья, вып. I-й, 1900 г.; б) Ярославская Ученая Архивная Коммиссія. Засѣданіе 14-го ноября 1899 года, по случаю 10-ти-лѣтія дѣятельности Коммиссіи. в) Отчетъ о дѣятельности Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи за 1899 годъ; г) Къ 600-лѣтію со дня блаженной кончины Св. Благовѣрнаго князя Θεодора, Ярославскаго чудотворца; д) Великій князь Смоленскій и Ярославскій Θεодоръ Ростиславичъ Черный. Рѣчь С. М. Шпилевскаго, 19-го сентября 1899 года; е) Ростовскій Ярославской губ. Рождествен-

скій женскій монастырь. Сост. прот. А. Израилевъ. Спб. 1899 года; ж) Матеріалы для каталога Пушкинской юбилейной выставки въ г. Ярославль 26—28 мая 1899 года; з) Дѣятеля Яровлавскаго Края. Вып. II-й. Сост. К. Головщиковъ. Ярославль, 1899 года.

7. Отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи ея „Дѣйствія“: Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Т. IV, 1900 года.

8. Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи: а) ея „Труды“, т. XV, вып. I, 1900 года и б) Отчетъ о дѣятельности ея за 1899 годъ.

9. Отъ Тверской Ученой Архивной Коммисіи: Журналъ 75-го ея засѣданія 15-го мая 1900 года.

10. Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммисіи Матеріалы для библиографіи Тамбовской губерніи. Собралъ А. Щ—въ. Вып. I. 1900 года.

11. Отъ Крымскаго Горнаго Клуба № 11 и 12-й его „Записокъ“ за 1900 годъ.

12. Отъ члена Коммисіи Н. Н. Оглоблина его трудъ: Обзорніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа. Ч. III. Москва 1900 года.

13. Отъ члена Коммисіи А. В. Иванова: а) его статья: Воспоминаніе о высокопреосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ, и брошюры: б) Высокопреосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Гермопаха Георгія; в) Кончина архіепископа Иннокентія, стихотвореніе, его же; г) Преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Воспоминанія священника Н. Кумцана.

14. Отъ члена Коммисіи С. А. Мокржецкаго его труды: а) Отчетъ по Естественнo-историческому музею Таврическаго Губернскаго Земства за 1900 годъ; б) Отчетъ о дѣятельности губернскаго энтомолога Мокржецкаго за 1900 годъ и в) Энтомологическій календарь для садоводовъ.

Постановлено: благодарить за означенныя пожертвованія для бібліотеки Коммисіи.

